

БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ СТРАН

ГЕНРИ В. МОРТОН

# ПО СТАРОЙ ДОБРОЙ АНГЛИИ

ОТ ЛОНДОНА ДО НЬЮКАСЛА



## Annotation

Генри Воллам Мортон объехал полмира, однако в его сердце всегда царила родная страна — старая добрая Англия. И однажды он решил собственными глазами увидеть все те места, которые принято называть английской глубинкой и которые, повторяя Р. Киплинга, «есть честь и слава Англии». Как ни удивительно, в этой местности, от Лондона до Ньюкасла, мало что изменилось — и по сей день жизнь здесь во многом остается той же самой, какой увидел ее Генри Мортон. Нас ждут промышленный Манчестер, деловой Ливерпуль, словно застывший во времени Йорк, курортный Блэкпул... Добро пожаловать в настоящую Англию!

Известный журналист, прославившийся репортажами о раскопках гробницы Тутанхамона, Мортон много путешествовал по миру и из каждой поездки возвращался с материалами и наблюдениями, ложившимися в основу новой книги. Репортерская наблюдательность вкупе с культурным багажом, полученным благодаря безупречному классическому образованию, отменным чувством стиля и отточенным слогом, — вот те особенности произведений Мортон, которые принесли им заслуженную популярность у читателей и сделали их автора признанным классиком travel writing — литературы о путешествиях. Книга «По старой доброй Англии. От Лондона до Ньюкасла» станет верным спутником или спутницей, гарантией ярких эмоций и незабываемых впечатлений. Ни самый квалифицированный гид, ни самый подробный путеводитель не сделают для вас большего.

- 
- [Генри Воллам Мортон](#)

- [Вступление](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
  - [Глава одиннадцатая](#)
  - [Глава двенадцатая](#)
  - [Иллюстрации](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
-

# **Генри Воллам Мортон По старой доброй Англии. От Лондона до Ньюкасла**

*Посвящается Ф. И. Д.*

*Страна как древний фолиант,  
Историй чудных полон...*

*Г. К. Честертон. Баллада о белом  
коне*

## Вступление

Эта книга — как и предыдущая, посвященная Англии, — стала результатом автомобильного путешествия по Англии, в которое автор ринулся весенней порой под действием мгновенного порыва. Она представляет собой причудливую смесь впечатлений, полученных в дороге. Надо сказать, что в первой своей книге я намеренно избегал столкновения с реалиями сегодняшней жизни: делал порой немалые круги (изрядно усложнившие мою поездку) — лишь бы уклониться от встречи с современными промышленными городами и поселками. Я проехал весь Ланкашир, ни словом не упомянув Манчестер и Ливерпуль. В тот раз я всецело посвятил себя древним городам и кафедральным соборам, зеленым лугам и прочим прелестям сельской глубинки.

В данной книге я сделал попытку создать более обобщенный образ Англии, который наряду с провинцией включал бы и портреты крупных городов. Здесь вы найдете как прошлое, так и настоящее нашей страны, соборы и фабрики, крепостные стены и городские барахолки — всего несколько страниц отделяют историю странствий останков святого Кутберта по просторам англосаксонской Англии от рассказа о бирмингемской фабрике, производящей мячи для гольфа!

Возможно, подобный подход и покоробит некоторых туристов, однако подлинный путешественник должен по достоинству оценить мою попытку воссоздать полную и точную картину старой и новой Англии. Ведь характерной особенностью нашей страны как раз и является невероятное смешение романтики и реальности.

В прошлое свое путешествие я большую часть времени посвятил Югу и Западу Англии, а Север постарался проскочить побыстрее, по возможности нигде не задерживаясь. На сей раз, напротив, я подробно исследовал именно северные земли. Хочется надеяться, что, прочитав эту книгу, многие лондонские автомобилисты последуют моему примеру и отправятся на север Англии — вместо того, чтобы сразу же инстинктивно свернуть на юг или на запад. По моему твердому убеждению, никто не может претендовать на знание своей родной страны, если он не познакомился с английским Севером. А этому краю есть, чем удивить! На протяжении жизни одного поколения (то есть за каких-нибудь 20–30 лет) мы стали свидетелями поистине кардинального перераспределения трудовой энергии внутри государства. По своим масштабам это событие может сравниться лишь с происшедшим в Средние века сдвигом морского судоходства с восточного на западное побережье Англии. Великая промышленная революция дала мощный импульс развитию английскому Северу, но она же и способствовала искажению наших представлений об этой части страны. Теперь весь Север мнится нам сплошным Шеффилдом. Дымящаяся фабричная труба стала эмблемой Севера. И лишь попав непосредственно в северные графства, мы начинаем понимать, сколь мало, по сути, изменилась эта земля. Век угля и стали не сумел извести природную красоту зеленой Англии. Если вдуматься, наши промышленные районы — при всей их обширности — не более чем незначительный мазок на карте. Им противостоят многие и многие мили романтической и дикой природы, и в этом — по части красоты и древности своей земли — английский Север ничуть не уступит Югу.

Умный путешественник получит огромное удовольствие (и немалую пользу) от разговоров с жителями Манчестера, Ливерпуля, Бирмингема и

Шеффилда. Он услышит много нового и интересного, чему потом найдет неоспоримое подтверждение в ходе своих странствий по северным землям. Оказывается, край этот таит в себе не меньше дикой, суровой красоты, не меньше прославленных аббатств и замков, чем харизматичный Юг. Путешественник с удивлением обнаружит, что дербиширский Край Пиков по своей уединенности и первозданной красоте вполне может потягаться со знаменитым Дартмуром. В Йоркшире же он увидит старинные ярмарочные городки, которые до сих пор хранят память об ушедшем восемнадцатом столетии. В Ланкашире он познакомится с пастухами, которые пасут овец буквально под городскими стенами — так, что им слышен бесперебойный стук ткацких станков. А на Нортумберлендском побережье он обнаружит заповедники такой красоты и романтики, что с ними не сравнится никакая другая часть Англии.

*Г. В. М.*





# Глава первая

## Покидая Лондон

*Я слышу зов Англии и выезжаю навстречу новым приключениям. В этой главе описывается, как я покидаю Лондон, проезжаю церковь Святого Эдуарда Исповедника, что стоит неподалеку от деревни Хаверинг-атте-Бауэр, угощаюсь яйцами и яблочным пирогом в небольшом эссекском домике и наконец ближе к вечеру прибываю в Колчестер.*

### 1

В один из пригожих апрельских деньков я в полном одиночестве выехал на поиски новых приключений.

Погода стояла теплая и солнечная, словно в середине лета. И по мере того, как я не спеша удалялся от Лондона, в душе моей просыпалась знакомая радость путешествия. Меня охватило пьянящее ощущение свободы: я был волен делать, что захочу, и ехать, куда вздумается. Оглядываясь на себя вчерашнего, я испытывал примерно те же смешанные чувства, с какими посетитель тюрьмы взирает на приговоренного пожизненно преступника. Порой мне кажется, что мои соотечественники утратили вкус к праздным путешествиям. В наши дни гораздо легче съездить по делам в Лиссабон, чем просто так, ради собственного удовольствия, в Линкольн. Оно и понятно: оказавшись на чужбине, мы на время вырываемся из пут повседневной жизни — что называется, с глаз долой, из сердца вон. В то же время современный деловой человек не может себе позволить под влиянием минутного каприза взять и уехать из Лондона. Он не в состоянии вырваться из

круга привычных обязанностей. В любой миг может возникнуть неотложная надобность, и ему придется сломя голову мчаться домой. Он должен постоянно оставаться в пределах досягаемости — на расстоянии нескольких часов пути от своего офиса. Так продолжается изо дня в день. Каждое утро несчастный бизнесмен просыпается в тревоге и тут же бросается к газетам — а ну, как в мире произошло нечто, что требует его немедленного вмешательства. Даже когда узда ослабнет, этому бедолаге понадобится немало времени, чтобы с натруженной выи сошли многолетние мозоли, — и лишь тогда он начинает скакать и резвиться, подобно молодому жеребенку на лугу.

А какое ликование охватывает человека, рискнувшего все же покинуть Лондон! Уже на второй день пути вы начинаете чувствовать себя счастливым школьником на каникулах. Это великолепное, непередаваемое ощущение одиночества! Сколь восхитительны и занимательны диалоги, которые вы ведете с самим собой на церковных кладбищах, в лесах, лугах и прочих безлюдных местах! Лишь забравшись в деревенскую глушь, вы с удивлением открываете, как много, оказывается, в вас от Гамлета, Дон-Кихота и Робина Доброго Малого.

Одна из роковых ошибок цивилизации, на мой взгляд, заключается в том, что мы практически никогда не остаемся наедине с самими собой. Толпа воздействует на нас тем же образом, что и магнит на металлические опилки — притягивает и держит в неослабном плену. Она навязывает определенный образ мысли и способ самовыражения, и вскоре мы с изумлением обнаруживаем, что других людей знаем лучше, чем самих себя. Подумайте, часто ли нам удается подняться над жизненными обстоятельствами, достичь того восхитительного чувства отрешенности, когда мы со стороны, с мягких кресел партера, наблюдаем за

собою же, ведущими главную роль в пьесе. Увы, как правило, мы склонны рассматривать себя лишь на фоне собственных деяний. Нам нравится чувствовать себя всемогущими творцами! Я вспоминаю, как несколько лет назад повстречал неподалеку от Фавершема одного юного кокни. Уж не знаю, какая причудливая судьба закинула этого обитателя лондонских трущоб на бескрайние кентские поля, заросшие хмелем, но паренек ужасно боялся звезд! А ведь у себя в Уайтчепеле он наверняка выглядел бравым молодцом и, возможно, даже руководил шайкой малолетних арабских сорванцов.

Я размышлял об этом, пока ехал через Форест-Гейт и Илфорд, и мне стало ясно, что в наши дни люди совершенно разучились путешествовать. Они стремятся поскорее попасть в пункт назначения и не понимают, что само прибытие в конечную точку не столь значимо. Куда важнее начало странствия и его середина! К сожалению, современные путешествия попросту лишены этих прекрасных моментов.

Однажды человек решает: «А поеду-ка я в Рим!»

Он отправляется на Пиккадилли, и там, в специальном агентстве, приобретает полный набор льготных купонов — один на ночлег в чужом городе, другой на дешевый завтрак, а еще один на обед или ланч в тамошней кафетерии. После чего наш горе-путешественник стремглав несется на вокзал Виктория, чтобы поспеть на дневной поезд. Уже через несколько часов он в Риме — все в том же настроении и состоянии ума, в каком пребывал в Лондоне. Подобное путешествие нисколько не затрагивает души. Оно так же бесполезно, как и поездка на канатной железной дороге. Уверяю вас, наши прадеды получали гораздо больше впечатлений от переезда из Лондона в Бат, нежели мы во время путешествия в далекий Шанхай или Кейптаун. Ведь даже в самых длительных поездках с

нами ничего не происходит. Ярчайшим впечатлением становится выигранная партия в дартс или же досадное несварение желудка.

Как-то раз я приобрел на развалах Чаринг-Кросс-роуд несколько старых, потрепанных книжек. Все они были напечатаны между 1600 и 1700 годами и посвящались весьма незатейливым путешествиям — в Египет или на Эгейское море. Каждый из авторов более или менее одинаково начинал свое повествование — так, как это сделал один из них, Мартин Баумгартен. Вот что он пишет:

В год 1507 от Рождества Христова, в месяце апреле я, Мартин Баумгартен, заручившись Божьей помощью и благословением, выехал из дому в обществе священника Винсентиуса и слуги по имени Джордж. Путь наш лежал в Венецию...

Ах, как мне это нравится — человек отправляется в Венецию и при том всемерно уповает на Божью помощь! В шестнадцатом столетии окружающий мир казался огромным и полным чудесных открытий. И сколь разительно все изменилось в наши дни. Сегодня путешествие перестало быть приключением.

Наши туристические агенты начинают смутно понимать, что подобное положение вещей нужно менять. Они озабочены тем, как бы разнообразить современные путешествия, возможно, придать им определенный элемент риска. Не так давно у меня состоялся разговор с одним из подобных агентов. Он зарабатывает на жизнь тем, что сопровождает богатых клиентов — мужчин и женщин — в их поездках по Сахаре. Так вот, вы не поверите, но этот человек сказал буквально следующее:

— Нынешней публике приелись обычные поездки по пустыне. Похоже, пора пускать в ход кое-какие трюки. Например, можно сделать так, чтобы группа заблудилась на пару-тройку дней. Как думаете, это взбодрит наших клиентов? У меня есть несколько знакомых туарегов, и я мог бы даже организовать нападение со стороны туземцев (естественно, с использованием холостых патронов). Представляете, сколько впечатлений останется после такой поездки! Вот это было бы развлечение!

Моя реакция его не на шутку обидела, и он с досадой поинтересовался, какого черта я смеюсь!

Немного поразмыслив, я и сам понял, что мой смех был абсолютно неуместен!

Ведь вполне возможно, что в тот самый миг на моих глазах зарождалась новая профессия. Нисколько не удивлюсь, если в ближайшем будущем какой-нибудь юный шейх — «человек с университетским образованием» — за скромное вознаграждение в пять тысяч франков возьмется устроить для американской наследницы романтическое бегство от надоевшего мужа.

А между тем вовсе не обязательно уезжать в за тридевять земель, чтобы пережить приключения. Достаточно просто сняться с места и поехать куда угодно. И я гарантирую, что по пути у вас не будет недостатка в приключениях, ибо живут они в наших сердцах и умах. Волнующие открытия поджидают и на опушках реденьких британских лесов, и на прямых дорогах, что некогда были протоптаны римскими легионерами, а затем исправно служили декорациями для двухтысячелетней истории Англии.

А знаете, как определить, что время не было потрачено впустую, и ваше путешествие удалось? Это если, вернувшись домой, вы сможете искренне и честно

сказать: «В этом путешествии я повстречался сам с собой».

## 2

Все дороги, ведущие из Лондона, выглядят одинаково. Покинув центральные улицы, вы сначала проезжаете внутренние городские трущобы, затем кольцо лондонских пригородов, минуете «образцовые усадьбы» послевоенной застройки, и вот уже за окном мелькают старинные городки и деревушки, давным-давно утратившие былую самостоятельность и растворившиеся в английской столице. Здесь тоже время от времени появляются своего рода «образцовые усадьбы», хотя остается только гадать, какие такие «образцы» они воспроизводят. Для меня это — как, впрочем, и само существование подобных особняков — представляет загадку. Приобретают их, как правило, молодые семьи и, судя по всему, благополучно обживают. Во всяком случае, я нередко замечал на крылечке счастливых мамаш с первенцами.

На участке пути между Илфордом и Ромфордом специфическая лондонская атмосфера постепенно рассеивается. Вы начинаете ощущать приближение деревни, в округе Brentwood уже появляются настоящие английские поля. Едва проехав район Гидеа-Парк, вы делаете еще одно открытие: оказывается, вы едете по той самой древней дороге, которая появилась еще при римлянах и вела из Лондона в великую колонию Камулодун, со временем превратившуюся в город Колчестер.

Что касается меня, я возле самого Ромфорда свернул направо и вскоре очутился в старинной деревушке под названием Хорнчерч. В прежние времена шпиль местной церкви служил своеобразным ориентиром для лоцманов,

водивших суда по Темзе. Между прочим, это единственная в нашей стране церковь, где на восточной стене красуется не привычный христианский крест, а вполне языческий символ — увенчанная рогами голова быка.

На протяжении многих столетий данная деталь вызывает ожесточенные споры у ученых специалистов. Одни склонны усматривать в ней символ Юпитера. По мнению других, голова эта служит напоминанием о тех временах, когда в поселении процветало кожевенное производство (известно, что и главная деревенская улица раньше носила название Пелт-стрит, то есть улица Кожевников). Есть и такие, кто, не мудрствуя лукаво, утверждает, будто односельчане таким образом увековечили память местного правителя по прозвищу Рогатый (Хорн).

Я поинтересовался мнением одного из местных стариков, которого встретил на церковном погосте.

— Да как вам сказать, — затруднился он. — Помнится, в 1921 году мы снимали эту башку со стены, чтобы почистить и подновить. Все, что я знаю, так это то, что сделана она из целикового камня, а рога медные, да еще и полые внутри...

С тем я и отбыл.

Когда-нибудь я еще вернусь к этой теме. Есть у меня одна задумка: составить сборник легенд и местных преданий, собранных в радиусе двадцати миль от Чаринг-Кросс. Наверняка среди них окажется и история Хорнчерча. Я слышал, будто в древности — когда в зарослях дикой ежевики еще можно было наткнуться на развалины древнеримских вилл, — так вот, в те времена Эдуард Исповедник, наш король-монах, частенько наведывался в здешние края. Они настолько ему понравились, что Эдуард даже повелел выстроить себе в Хаверинге жилище — на северной обочине старой римской дороги, совсем недалеко от Хорнчерча. Если

учесть, что словом «бауэр» в старину обозначали приют или убежище, то понятно откуда взялось название «Хаверинг-атте-Бауэр».

Кстати, та самая деревенская церковь, которую я осматривал в Хорнчерче, вплоть до эпохи Генриха II служила приходской церковью Хаверинга. И вот какая с ней связана история. Если верить преданию, то во время церемонии освящения церкви, которую проводил сам Эдуард Исповедник, к нему приблизился старик-нищий весьма приметной наружности и попросил милостыни — как он сказал, «во имя Господа нашего и святого Иоанна Богослова». Как это часто бывает с королями и миллионерами, денег у Эдуарда с собой не оказалось. И тогда он снял с пальца перстень и протянул его нищему со словами: «Возьми кольцо!» (по-английски это прозвучало как «Хав-э-ринг»). Старец с благодарностью принял дар короля и удалился. Никто его больше в той округе не встречал, но с тех пор данную местность так и стали именовать — Хаверинг.

История эта имела свое продолжение. Несколько лет спустя группа английских паломников двигалась в Иерусалим, и пришлось им заночевать в некоем пустынном месте. Вдруг они заметили вдалеке странную процессию: люди в белом шли с зажженными свечами, а предводительствовал величественный старец. Наши пилигримы поспешили нагнать процессию, и тогда старик поинтересовался, откуда они родом. Узнав, что из Англии, он пригласил их с собой. Вскоре процессия достигла города, где паломников расположили со всеми удобствами и накормили вкусной, хоть и непривычной, пищей. Поутру англичане засобирались в путь. Старец вышел их проводить и сообщил, что он-то и есть святой Иоанн Богослов. Он вручил паломникам перстень и велел передать его королю Эдуарду.

— Скажите своему повелителю, — напутствовал он пилигримов, — что я благодарен за тот дар, который он



преподнес мне на освящении моей церкви. Порадуйте его также: скажите, что уже в ближайшие полгода он окажется у меня на небесах, где и будет вознагражден в соответствии со своей праведностью и щедростью.

Вернувшись на родину, паломники разыскали короля Эдуарда — тот, как всегда, находился в своем хаверинговском убежище — и передали кольцо вместе с посланием святого Иоанна. И что бы вы думали? Вскоре Эдуард Исповедник действительно занемог. Пятого января 1066 года он скончался и был похоронен в Вестминстерском аббатстве.

Перстень же Эдуарда Исповедника стал ценной реликвией, и по сей день его надевают на палец английским королям во время церемонии коронации. Конечно же, у Эдуарда было не одно кольцо, но традиция утверждает, будто великолепный сапфир, украшающий крестообразное навершие Королевской государственной короны, некогда принадлежал Эдуарду и в последующие годы был извлечен из его гробницы в Вестминстерском аббатстве. Предполагается, что камень этот обладает магическими свойствами — в частности, способен излечивать судороги (весьма редкая, но бесполезная способность).

Эта удивительная история, случившаяся на самой заре нашей истории, припомнилась мне, пока я прогуливался по тихому церковному кладбищу. Между прочим, кладбище это до 1410 года служило местом захоронения жителей Ромфорда, а впоследствии, до самого 1718 года, также и обитателей Хаверинга. Покинув церковь, я прошелся по центральной Хай-стрит, которую на самом деле следовало бы называть Пелт-стрит. Я шел и с ненавистью думал о тех пронырливых и бестолковых скептиках, которые берутся судить о вещах, в которых ничего не понимают. Мне не стыдно признаваться: я действительно искренне ненавижу людей, которые утверждают, будто ничего этого не

было — и прекрасная леди Годива не скакала обнаженной по улицам Ковентри, и король Альфред не пек свои булочки. Именно они, эти горе-археологи, доказывают нам, что название Хаверинг не имеет никакого отношения к кольцам, а происходит от слияния двух древнесаксонских слов: «хэфер», что в переводе означает «козел», и «инг» — «луг».

Ну и бог с ними! Пусть остаются со своим «козлом», я же — удаляясь по Челмсфорд-роуд — наслаждался совсем другой историей.

### 3

Солнце зашло за тучку, и начался дождь. Птицы пели как-то особенно громко — точно роняя свою скороговорку на молодую зеленую листву. Прошло совсем немного времени, и небосвод снова просветлел. Дождик поредел, он шел словно нехотя, без энтузиазма, затем и вовсе прекратился — так же неожиданно, как и начался. Я посмотрел на запад и увидел радугу: она выростала приблизительно над Бишопе-Стортфордом и затем, протянувшись через все небо, оканчивалась где-то на просторах Северного моря.

Что за удивительная свежесть царит в воздухе после этих скоротечных весенних ливней! Повсюду разлит добрый, честный запах сырой матушки-земли с оттенком молодых, только-только народившихся грибов. В ушах звенит от несмолкаемого гудения трудолюбивых насекомых. Трава сверкает новоприобретенной чистотой и зеленью, и повсюду — на каждом листочке в саду, на каждой веточке живой изгороди — висят, колеблясь и блестя, дождевые капли.

Я остановился возле маленького домика на обочине Колчестерской дороги и спросил чего-нибудь поесть. Стоявшая в дверях женщина покачала головой и с

явственным эссекским акцентом ответила, что ей нечего мне предложить. Я, напустив на себя оскорбленный вид, указал на жестяную вывеску, которая со скрипом раскачивалась и гремела на ветру. На ней значилось одно-единственное слово: «Закуски». Многие сельские жители почему-то полагают, будто все автомобилисты привыкли к изысканным завтракам из Мэншн-хауса. Остальным путешественникам проще. Что касается велосипедистов, они всегда готовы есть яйца. Неряшливого вида молодые люди в грязных башмаках, с томиком стихов в кармане и огнем нонконформизма в глазах — те самые, которые вечно норовят во время беседы пристроить свой рюкзак на хозяйскую изгородь; эту публику вполне может удовлетворить романтическая трапеза в виде куска хлеба с домашним сыром. В отношении же нас, автомобилистов, сельчане рассуждают примерно таким образом: уж коли человек может себе позволить путешествовать в дорогущем шумном авто, то ему, конечно же, ничего не стоит заполучить сытный обед в хорошем ресторане. На что ему наши скромные «закуски»! В разговоре эти простые души начинают конфузиться и всячески отнекиваться. Если же вы настаиваете и авторитетно заявляете, что больше всего на свете любите изрядный ломоть хлеба с желтым сыром поверху, они краснеют и нерешительно мямлят: «Ну, не знаю... Если вы *не возражаете...*» или же «Если вы имеете в виду...»

В моем случае хозяйка недолго держала оборону. Уже через пару минут ее милое, добродушное лицо расплылось в улыбке, и она сказала, мол, ладно, давайте подумать! Ну да... У нее вроде бы завалилась пара сырых яиц и хлеб с маслом, ну, и сыр, конечно. А также кусочек холодного яблочного пирога — остался с минувшего воскресенья! И пока мы разговаривали, я не переставал думать, что, наверное, ни в одной другой стране нет такого количества чудесных простых людей.

Пусть другие нации кичатся своими изысканными манерами и утонченным благородством, а я все равно предпочту им бесхитростный деревенский люд моей родной Англии.

Хозяйка пригласила меня в дом. Войдя в прихожую, она толкнула ближайшую дверь, и та распахнулась с протяжным, протестующим скрипом. Я сразу узнал этот священный мавзолей под названием «гостиная», который существует в каждом уважающем себя английском доме. Трудно вообразить себе более разительный контраст, чем между живой и теплой кухней, где собирается вся семья и где витают соблазнительные запахи готовящейся пищи, и этим холодным и строгим, смахивающим на музей помещением, чьи двери с готовностью распахиваются лишь в случае поминок или свадебных торжеств. С другой стороны, визит в гостиную может оказаться чрезвычайно интересным и познавательным, ибо в этой комнате, как правило, собрано все самое ценное, святое и прекрасное, что происходило в жизни семейства.

Гостиная, в которой очутился я, вполне соответствовала описанному выше типу. В ней витали неистребимые запахи вытертого древнего ковра, холодных похоронных пирожков, черных перчаток и безнадежной старости. Вдоль стены были расставлены жесткие, набитые конским волосом кресла — так и казалось, будто в них восседают невидимые призраки. Середину комнаты занимал массивный стол красного дерева, покрытый темно-бордовой скатертью, а необычное, религиозного вида пианино было задвинуто подальше в угол. Фасад его украшала ажурная резьба, за которой просматривалась зеленая сатиновая подкладка. Полагаю, если крышку этого пианино когда-либо и открывали, то лишь для того, чтоб одним пальцем сыграть Девяностый псалом.

Однако подлинным украшением гостиной являются фотографии. О, эти старые семейные снимки, запечатлевшие наиболее яркие мгновения жизни! Они способны многое рассказать о хозяевах дома. На одном из таких снимков я увидел уже знакомую мне женщину (правда, здесь она выглядела гораздо моложе и была обряжена в широкополую черную шляпу). Она чинно сидела рядом с молодым человеком невероятно дурацкой наружности. Возможно, причиной тому служила неудачная прическа: разделенные на прямой пробор и сильно напомаженные волосы явно свидетельствовали о страшном надругательстве над ними. Не вызывало никаких сомнений, что в нормальном состоянии волосы эти никто не приглаживал, и они торчали из головы на манер веника. Высокий, тугий воротничок создавал впечатление не человеческого лица, а лошадиной морды, высунувшейся из-за ворот. Сильные, натруженные руки мужчины мирно покоились на коленях, а сам он смотрел в объектив фотокамеры с тем же вялым интересом, с каким обычно корова глазеет на остановившегося возле изгороди прохожего. Оба они — и муж, и жена, вступившие на опасную супружескую стезю, — являли собой пример какого-то тупого, животного великолепия. За их спиной вздымались начертанные на черном фоне башни и фронтоны герцогского поместья (судя по всему, неизвестный фотограф был не лишен чувства юмора).

На других, более древних снимках, были запечатлены бородатые мужчины в матерчатых кепках с твердым козырьком и с ружьями в руках. Кое-где виднелись и женские персонажи — все, как на подбор, в строгих черных платьях с глухим воротом. Над дверью висела увеличенная фотография молодого человека в хаки, а рядом с ней — заключенное в рамку извещение военного министерства, которое сообщало родителям,

что их сын пал смертью храбрых. Да уж, этот маленький сельский домик внес свою лепту в историю Англии.

В гостиной присутствовали и картины — исключительно благочестивого содержания. На одной из них изображалась юная дева с развевающимися волосами, одетая в нечто, смахивающее на ночную сорочку. Она парила в вышине над спящим городом, направляясь к разверстой щели в небесах, символизирующей, очевидно, врата рая. Книжек в гостиной было немного, а точнее сказать, всего четыре: словарь, монография, посвященная англо-бурской войне, и пара романов. Один из них был написан Мэрионом Кроуфордом, а второй — под названием «Пути прямые и пути окольные» — принадлежал перу уважаемой миссис Г. Б. Полл. Судя по всему, в нем описывалась жизнь высшего общества. Открыв книгу наугад, я прочитал:

После долгих и слезливых проводов, которые благодаря усилиям Хью все же завершились смехом, Ральф и его невеста уселись в экипаж, и пара гнедых резво понеслась прочь. Несколько минут молодые ехали молча, прислушиваясь к перезвону бубенцов. Затем Ральф привлек к себе Флоренс и произнес: «И все же, что ни говори, дорогая, а во всем есть своя светлая сторона. Если бы не та роковая ошибка моей матери, я бы никогда не оказался в Англии и не познакомился с моей несравненной Флоренс...»

В чем именно заключалась роковая ошибка, мне так и не суждено было узнать, поскольку в тот самый миг дверь отворилась, и вошла моя добрая хозяйка с подносом.

За обедом я поглядывал в маленькое окошко, выходившее на главную дорогу. На улице порывами дул ветер: он трепал цветы, произрастающие в специальных

ящиках на подоконнике, и веточка герани постоянно колотилась в оконное стекло. Я смотрел на нее и спрашивал себя: неужели все это происходит всего в нескольких часах езды от Лондона? Мне удалось это сделать: я вырвался из большого пыльного города и теперь свободен! Вокруг расстилались зеленеющие поля, и я был волен исследовать эту волшебную землю...

«Трудно поверить, — думал я, аккуратно очищая яйцо, — что в это самое мгновение на Ладгейт-серкус, как всегда, толпится народ. Полицейский размахивает жезлом, пытаюсь хоть на минуту остановить уличное движение. А сотни человеческих особей — мужчин и женщин — нетерпеливо переминаются с ноги на ногу, дожидаясь возможности безопасно пересечь улицу. Между ними, конечно же, шныряют мальчишки-газетчики, выкрикивая на ходу последние сногшибательные новости!»

Я раскурил свою трубку и неторопливо вышел в холл. Увидел через открытую дверь, как хозяйка дома пересекает двор, неся в руке тяжелую бадейку. Я поспешил к ней на помощь, и женщина нехотя отдала мне ведро — видно было, что она привыкла все делать сама. Мы вместе подошли к хлеву и здесь стали свидетелями великолепного зрелища: огромная берн-джонсовская свиноматка только-только благополучно разрешилась от бремени. Она лежала на боку на освещенном солнцем полу, а к соскам ее уже успели присосаться с десятков розовых поросят. Они казались совсем крохотными — не больше новорожденных котят, — но уже энергично пихались и сучили ножками, демонстрируя всемерную готовность вступить в великую схватку за жизнь. Тем временем новоявленная мамаша слышала звяканье ведра, и эти знакомые звуки вывели ее из состояния блаженной истомы. Свинья издала предостерегающее хрюканье и поднялась на ноги, скинув с себя свое многочисленное семейство. Голодные

поросята запищали, засуетились; на соломенной подстилке моментально возникла настоящая куча-мала — какая случилась бы, если бы в разгар званого обеда стол с яствами вдруг снялся с места и покинул зал.

— Сдается мне, персик уж скоро зацветет, — сказала женщина.

— Непременно, — согласился я. — Если еще недельку продержится такая солнечная погода...

— В наших краях он всегда зацветает первым, — сообщила хозяйка.

Я оглянулся по сторонам. Ветви боярышника уже украсились традиционным «хлебом с сыром»<sup>[1]</sup>; над поверхностью журчащих ручейков показались молодые ростки тростника. В маленьком дворике разгуливала наседка с цыплятами, она расправила трепещущие крылья, готовая укрыть свое семейство от любой опасности. Трогательные желтые комочки на тонких каучуковых ножках бесстрашно разбрелись по всему двору. Цыплята исследовали новую территорию, обозначая свое присутствие пронзительным попискиванием, в котором при желании можно было разобрать самонадеянность и тревогу, удивление и боль.

Я снова заглянул в хлев и невольно улыбнулся. Крохотные поросята уже справились с минутной растерянностью и, сбившись в плотную кучу, двинулись на поиски отлучившейся родительницы. Ими двигал безошибочный инстинкт самосохранения — тот самый, который в случае с человеческими младенцами мы часто путаем с любовью. Женщина тоже улыбалась. Да и трудно было не улыбаться в такой день, когда ласково светило солнышко, а вокруг копошился энергичный, жадный молодняк. Повсюду набирала силы новая жизнь. Я явственно ощущал, как внутри ветвей деревьев двигались живительные соки, порождавшие миллионы



раскрывающихся бутонов и миллионы юных зеленых листочков.

#### 4

Сегодня Колчестер — небольшой деловой городок на вершине холма, но, по сути, он является насквозь древнеримским. Около восемнадцати столетий назад сюда, на эссекскую возвышенность, пришли ветераны римской армии, заложили город под названием Камулодун и для надежности обнесли его стеной. Древние церкви Колчестера целиком построены из древнеримского пустотелого кирпича, а норманнский замок возведен на развалинах древнеримской же крепости. Даже колчестерские улочки не имеют привычки петлять и причудливо изгибаться (как бывает в большинстве средневековых городов), а сориентированы строго на север и на юг, повторяя четкую планировку древнеримского военного лагеря. Достаточно выйти, вооружившись лопатой, в самый обычный колчестерский сад или огород и копнуть поглубже. Вы тут же поймете, что Древний Рим никуда не сгинул: он спит на глубине всего нескольких футов, перемешавшись с белой пылью от окаменевших и раздробленных устричных створок. О, эти британские устрицы! Они скрасили досуг и примирили с жизнью не одного несчастного изгнанника.

В годы войны наша часть некоторое время дислоцировалась в Колчестере, и я, движимый скукой, решил заняться раскопками. Я начал работать в дальнем конце площадки для тенниса, и уже на исходе дня откопал великолепный фрагмент древнеримской мозаики. Помню, какой восторг охватил меня, когда солнечные лучи вновь заиграли на глянцевых красно-

белых плитках, по которым ступали сандалии легионеров!

Поверьте, это непередаваемое ощущение — извлечь из рутины повседневности осколок далекого прошлого, очистить его от грязи, подержать в руках, думая про себя: «Эту вещь сделали в эпоху императора Нерона. В то время еще были живы люди, собственными глазами видевшие распятие Спасителя...»

А в другой раз я откопал в соседском саду несколько изящных бронзовых булавок, которыми римские матроны закрепляли свои прически. Там же обнаружилось и бронзовое зеркальце — возможно, жена неизвестного древнеримского легионера гляделась в него, изучая воздействие британских ветров на свою холеную кожу. Мне попадались остатки ангобированной красной керамики с клеймом мастера-производителя. Так, на одном из осколков сохранилось имя Флавия Германия — гончара, еще неизвестного в тех местах, но, на мой взгляд, вполне заслуживающего включения в коллекцию музея Колчестерского замка. Ах, прекрасное было время! Сколько волнующих моментов я пережил в ходе своих археологических изысканий. Как здорово было сидеть на краю неглубокой ямы (в полном одиночестве, ибо никто из однополчан не верил в успех моих раскопок, равно как и в подлинность находок) и озирать извлеченные из земли сокровища. Среди них были старые железные ключи, обрывки цепей, бронзовый ушной пинцет и радужные осколки древних сосудов. Эти предметы очаровывали своим почтенным возрастом и будили мое воображение. Долгие часы были потрачены на то, чтобы восстановить первоначальный облик находок, высвободить ту малую частичку жизни, которая еще в них сохранилась. На время работы я с головой окунался в античное прошлое и попросту переставал существовать в современном мире.

И всякий раз, когда я в конце дневных трудов вылезал из канавы, у меня было такое чувство, будто я пробуждаюсь от волшебного сна.

Когда я прибыл в Колчестер, солнце уже садилось, и я решил заночевать в городе. Утром после традиционного посещения Колчестерского замка и знаменитого Осажденного дома<sup>[2]</sup>, я решил подняться на Лексденский курган, который возвышается над долиной Колна. Помнится, в годы войны мы сигналили разноцветными флажками с его вершины. Полагаю, древние римляне использовали холм в подобных же целях.

Продолжавшиеся целую неделю теплые весенние дожди разрыхлили почву на склонах Лексдена, и в результате крупные камни стали вываливаться под действием собственного веса. Они так и лежали у подножия кургана. Я всегда старался с должным уважением относиться к колчестерской земле. Мне вспоминаются слова одного американца, который утверждал, будто «стоит лишь немного пощекотать лопатой старый Колчестер, и он тут же выплюнет на вас кусочки Рима». От себя добавлю, что лопата не является столь уж необходимым инструментом: как правило, хватает и простой трости.

Вот и сейчас я поднимался на холм, время от времени зондируя почву дорожной палкой. И не слишком удивился, когда под ногами у меня промелькнуло нечто ярко-красное. Осторожно разворошив землю, я извлек на свет длинный и узкий черепок. Судя по всему, когда-то он был частью древнеримской керамической чаши. На осколке сохранилась четкая надпись латиницей, и, очистив ее от земли и глины, я прочитал: «SEVERUS. F.» Буква «F» — это сокращение от *fecit*, то есть, «сделал, исполнил». Таким образом, получается: «Север сделал это».

Знаменитые римские гончары — а нам известны сотни имен мастеров, вместе с наименованием местности, где располагались их мастерские, и точными датами изготовления продукции, которая потом расходилась по всем уголкам Римской империи, — так вот, они всегда подписывали свои изделия. Причем не абы как, а в строгом соответствии с правилами: либо имя писалось в именительном падеже, а за ним следовала та самая буквица «F» (*fecit*); либо имя ставили в родительном падеже, а ему предшествовало «OF.» (в смысле *officina* — «мастерская»). Иногда встречался и такой вариант: имя, а после него буква «M» как сокращение от *manus* — «сделан рукой такого-то».

Итак, я стоял на склоне холма и держал в руках маленький осколок Древнего Рима, пролежавший в земле почти восемнадцать веков. Я полировал его своим носовым платком и мысленно восхищался: несмотря на все превратности судьбы, эта кроха умудрилась не только уцелеть, но и донести до нас свое незамысловатое послание: «Север сделал это».

В эпоху Нерона Север являлся одним из самых знаменитых гончаров Восточной Галлии. Его изящная продукция ярко-красного цвета — миски, блюда и кувшины — регулярно появлялась в Британии. Обычно тяжело груженные галеры приходили в Колонию (то есть собственно Колчестер), в Лондиний, Веруламий (современный Сент-Олбанс), в Дева Виктрис (нынешний Честер) и в Эборак (Йорк). Товары сгружали на перевалочных базах, а отсюда уже торговцы развозили их на лошадях по всей стране — вплоть до самого Адрианова вала. В те времена керамическая посуда из Галлии высоко ценилась, служила украшением столов в лучших домах. Вышеупомянутый Север жил и работал в городе Нойс на Рейне (позже, в Средние века его стали называть Новезий), который сегодня является одним из старейших городов в Германии.

В то ветреное апрельское утро я разглядывал найденную реликвию, а видел связанную с ней Британию — тот самый туманный остров, который упоминали в своих трудах Светоний, Кассий Дион и Тацит. Их суховатые, не слишком многословные описания позволяют нам на время отодвинуть завесу веков и заглянуть в далекое прошлое. Перед моим внутренним взором вставали картины: вот древнеримские легионы маршируют по пыльным дорогам Кента и Эссекса; а вот по широким рекам плывут тяжелые военные галеры, смахивающие на водяных жуков. Можно представить себе, как кавалерийские дозоры римлян пробираются через английские леса и болота, как осторожно подъезжают к расположенной на холме деревне, заглядывают через плетеные ограждения. Увы, деревня пуста: страхась римских орлов, местные жители заблаговременно укрылись в лесной чаще. Там они и будут сидеть, терпеливо дожидаясь своего часа.

Мне казалось, я слышу сквозь туман низкий звук боевых рожков — он становился все тише, удаляясь на север. Но следом возникали другие звуки: стук топоров и молотков — это по берегам рек росли города; а вот уже заскрипели уключины, и гребцы затянули унылую песню. Недалек тот день, когда слышатся бойкие голоса торговцев, нахваливающих заморские товары... Лондон.

Так из тумана времен проявляется Англия.

В те далекие дни Колония Камулодун (или нынешний Колчестер) играла куда большую роль, нежели новый торговый порт, наспех возведенный на Темзе. Мне нравится история основания Колчестера.

Если верить свидетельству Светония, то император Клавдий считался при дворе не слишком умным и амбициозным человеком. Вдобавок он был уже немолод. Кто бы мог подумать, что этот старый глупец в один

прекрасный день возжелает попасть в число великих завоевателей? А Клавдий рассуждал примерно так: прошло почти сто лет с тех пор, как Юлий Цезарь впервые вторгся в Британию. Почему бы не последовать его примеру и не закрепить успех? Чем я хуже? Странно подумать, как мелкие, суетные желания порождают великие изменения в мире!

Итак, Клавдий распорядился, чтобы прославленный полководец Авл Плавтий подготовил четыре легиона — три с берегов Рейна и один из Паннонии — для переброски в Британию. Легионеры встретили новость без особого энтузиазма. По словам историков, они кричали, что не станут воевать за пределами известного мира. Еще бы, наверняка в их наследственной памяти сохранились воспоминания о тяготах военного похода, который сто лет назад предпринял Юлий Цезарь. И о тех незначительных результатах, которых он сумел достичь. К тому же не следует упускать из вида и еще одно соображение. Лагерь римских легионеров представляли собой весьма стабильные поселения. Они возникли при императоре Августе и с тех пор практически не меняли своего месторасположения. Достаточно сказать, что за долгое правление Тиберия лишь один легион перевели на новое место! Легионеры успели привыкнуть к оседлой жизни и любые перемены рассматривали чуть ли не как посягательство на свои законные права. Они жили большими городами вместе с родителями, женами и многочисленными семьями. Вокруг таких поселений располагались земельные наделы бывших легионеров, их отцов и дедов. Попробуйте-ка сами снять с места такую махину и в одночасье переместить ее в далекую Британию. Это все равно как сегодня приехать в среднего размера торговый городок и предложить его населению немедленно эмигрировать на берега Аляски! Короче, в рядах легионеров назревал мятеж, и даже

опытный полководец Авл Плавтий ничего не мог с этим поделать.

Положение спас промах самого императора — всемогущего Повелителя Мира, сидевшего в Риме и оттуда управлявшего необъятной державой. Это была одна из тех блистательных ошибок, которые время от времени случаются в жизни и по результатам оправдывают само существование глупости. Дабы утихомирить войска и воззвать к их чувству долга, Клавдий отправил своего любимого вольноотпущенника по имени Нарцисс. Легионеры с первого взгляда возненавидели его, и тому имелись веские причины. Во-первых, императорский посланник был греком, что само по себе уже говорило не в его пользу. Во-вторых, Нарцисс являл собой образец возвысившегося слуги, в прошлом раба. О каком же уважении тут можно говорить? Ну и, наконец, он являлся сугубо гражданским лицом, то есть прямым антиподом римским воинам. Так или иначе, легионеры приняли несчастного грека недружелюбно. Стоило ему взобраться на трибуну и приготовиться к речи, как публика зашумела, со всех концов слышались насмешливые крики: «Йо, сатурналия!»<sup>[3]</sup> Нетрудно догадаться, как ранили подобные возгласы душу греческого вольноотпущенника. Как бы то ни было, легионы не пожелали слушать Нарцисса. Они демонстративно покинули собрание и сплотились вокруг своего испытанного предводителя — Авла. Ура! Момент всеобщего энтузиазма и единения — экспедиционные силы для вторжения в Британию готовы! Таковы были люди, давшие начало современной Англии. Именно они — эти гордые и упрямые легионеры — построили Лондон и Колчестер; они же проложили дороги, которыми мы пользуемся и поныне.

Ранним августовским утром тысяча восемьсот семьдесят пять лет назад на скалистых берегах

Булони собралась целая армия, ожидавшая отправки в Британию.

Помимо многочисленных наемных войск (как пеших, так и конных), здесь были представлены четыре римских легиона: Второй Августа из Страсбурга, Четырнадцатый Гемина из Майнца, Двадцатый Валерия из Нойса и злополучный Девятый Испанский легион, который впоследствии, при императоре Адриане, будет полностью уничтожен в схватке с британскими варварами. Двум из этих легионов — Второму и Двадцатому — предстояло на целых четыреста лет задержаться в Англии. Так что многие легионеры, сами того не подозревая, направлялись к своему новому дому. И до сих пор, почти две тысячи лет спустя, мы находим в нашей земле черепицу и кирпичи, сделанные их руками. А в долинах — где-нибудь на опушке английской рощи или на берегу небольшого северного ручья, в котором плещется форель, — сохранились каменные алтари, которые римские солдаты возводили с целью умилостивить местных богов. Но все это будет потом, гораздо позже. А в тот момент brave легионеры привычным образом грузились на борт военных галер. Они затягивали поплотнее ремешки на блестящих шлемах, отпускали невеселые шуточки по поводу кочевой солдатской жизни и не догадывались о своей великой исторической миссии: им предстояло — ни мало ни много — заложить фундамент государства, которое со временем сравняется в силе и великолепии с всемогущим Римом.

Высадившись на берегах туманного Альбиона, римляне не встретили никакого сопротивления и двинулись на север по территории современного Кента. По пути им дважды пришлось вступить в сражения — на берегах Медуэя и возле незначительного торгового форта Линдин на Темзе, — но в обоих случаях опытные легионеры достаточно легко разбили местные племена.



А надо сказать, что Клавдий строго-настрого наказал своему полководцу: в тот миг, когда победа будет обеспечена наверняка, Авл должен воздержаться от решительных действий и немедленно известить императора, дабы тот успел приехать и получить свою толику славы. (Возможно, конечно, он выражался не столь определенно, но смысл приказа был именно таков!) И далее начинается моя любимая часть истории. Плавтий посчитал, что оговоренный миг наступил, и послал гонцов в Рим. Некоторые авторы, правда, утверждают, будто римская армия серьезно пострадала в стычках с местным населением, и ей срочно понадобилось подкрепление в виде преторианской гвардии. Нет, вы можете себе вообразить преторианцев, марширующих по холмам Кента? Просто фантастика!

Итак, в Риме начали срочно готовиться к отъезду. О, это была одна из самых пышных процессий, которая когда-либо шествовала по нашим английским лугам. Император выехал из Остии в сопровождении несметной свиты. Помимо преторианской гвардии и фаланги слонов, Клавдий взял с собой множество сенаторов и огромный штат слуг. Как мрачно, должно быть, усмехался в своей могиле Юлий Цезарь!

Вся эта толпа прибыла в Марсель, а оттуда проследовала по Франции — где пешком ходом, а где и речными путями. Дорога заняла у них целых три месяца, и все это время Плавтий топтался на пороге Англии. Наконец императорская свита достигла Булони, погрузилась на суда и, переправившись на британские берега, воссоединилась с экспедиционными силами. После чего римская армия с императором во главе выступила на Колчестер. Трудно представить себе более внушительное зрелище, чем это блестящее воинство, в полном боевом порядке следовавшее к маленькому городку на вершине холма (немудрено, что местное население в ужасе разбежалось). Мы помним, какое

устрашающее впечатление произвели слоны на римлян, когда те впервые увидели их в армии Пирра. Даже закаленные в боях воюки дрогнули и едва не побежали при виде огромных монстров, которых они окрестили «луканианскими быками». Что уж тогда говорить о несчастных темных бриттах! Они, должно быть, испытали настоящее потрясение, наблюдая за приближением неведомых чудовищ. Слоны при ходьбе раскачивали раскрашенными хоботами, а бедным варварам те, наверное, казались извивающимися малиновыми змеями. Шум стоял невероятный: боевые животные мычали и трубили, и ветер далеко разносил эти угрожающие звуки. Бивни слонов были зачехлены специальными металлическими ножнами, с которых капала кровь несчастных жертв, оказавшихся на их пути. Надо было видеть, как эти великаны вырывали с корнем деревья и перекидывали их через спину. Туда же отправлялись зазевавшиеся люди и лошади. Между ушами у слонов громоздились целые гнезда из страусиных перьев, в которых восседали индийские погонщики.

Вслед за слоновьей фалангой следовала конница, а за ней колыхалось целое море разноцветных плюмажей: это шли римские легионы — с сомкнутыми щитами, с развевающимися штандартами и блестящими на солнце орлами. Возглавлял шествие император Клавдий в окружении преторианской гвардии. Он медленно ехал в непривычном для себя военном облачении, а за ним тащились мрачные сенаторы и блестящие штабные командиры...

На ночь римская армия разбила лагерь на верхушке холма — того самого, где нынче располагается город Колчестер. По периметру были выставлены дозоры, и часовые мерно печатали шаг, обходя укрепления. Луна (если той ночью на небе присутствовала луна) ярко освещала многочисленные штандарты перед шатром

императора. А сам Клавдий освободился от неудобных доспехов и предавался занятию, более приятному и достойному, с его точки зрения, нежели воинские подвиги. Для него вся эта поездка обернулась лишь дорогостоящим и хлопотным пикником. Должно быть, тогда он впервые отведал английских грибов. Я нисколько не сомневаюсь, что личные повара императора с самого рассвета — покуда еще утренний туман не рассеялся на эссекскими болотами — обшарили окрестности в поисках любимого лакомства хозяина. А поскольку в названии месяца присутствовала буква «Р», то Клавдию наверняка подали и свежих устриц, выловленные в бухте Пайфлит. Я так и вижу картину — как император возлежит на удобном ложе, доставленном с Палатинского холма, и с наслаждением высасывает студенистое желе из створок.

— Чудесно! — говорит он, обращаясь к Авлу Плавтию. — Гораций не обманул: на редкость вкусные устрицы... Не зря приехали.

А часовые все вышагивают под звездами вдоль границ лагеря. Они внимательно прислушиваются к привычному ночному шуму: вот громко трубит раненый слон, а из загона с лошадьми ему в ответ доносится испуганное ржание, деловито стучат молотками армейские кузнецы — пользуясь ночной передышкой, они спешат при свете факелов перековать лошадей и подправить латы легионеров. Чутко вслушивается стража — не раздастся ли какой выбивающийся из общего фона подозрительный звук? Но все спокойно, лишь осенний ветер завывает над темным холмом и уносится вниз, к топким болотам и сонным лесам. Время от времени вдалеке мелькают тусклые, призрачные огоньки — это у костерка коротают ночь изгнанные бритты. Спать они не могут и без конца пересказывают друг другу одну и ту же кошмарную историю о том, как страшные чужаки захватили холм Кунобелина.

Шесть месяцев спустя цезарь вернулся в Рим — вместе с преторианской гвардией, с блестящей свитой, слонами и богатой добычей. Из этого срока он провел в Британии всего шестнадцать дней...

Как много воспоминаний способен породить маленький кусочек красной керамики, если он «сделан рукой Севера»!

## 5

Позже, когда я уже направлялся к Бери-Сент-Эдмундс, меня вдруг охватило непреодолимое желание еще разок взглянуть на Йорк. На мой взгляд, это самый прекрасный (и наименее испорченный) город в Англии.

Я не мог думать ни о чем другом — просто мчался на север, наматывая милю за милей.

За окном промелькнули Или, Питерборо... Затем где-то в Сполдинге меня посетило ощущение близости моря. Передо мной простирались отличные ровные дороги и голландские с виду каналы, медленно крутились лопасти ветряных мельниц, и над этой плоской землей плыли фантастические нагромождения желтых облаков, очертаниями своими напоминавшие армаду парусных судов. Вскоре над равниной взметнулся высоченный церковный шпиль Бостон-Стамп, рядом с ним — просторная рыночная площадь и спокойное течение ленивой (будто в Роттердаме) речушки... Я ехал, нигде не останавливаясь. Вперед, вперед, туда, где на холме высится старинный Линкольн с его великолепными башнями. После Линкольна старая римская дорога уходит строго на север. Она тянется прямая, как стрела, пока не упирается в Хамбер.

Стоя на узкой улочке Новой Голландии, я смотрел вверх широкой водной глади (а река здесь имеет три

мили в ширину) на очертания далекого Халла. Эта картина радовала мой глаз. Судьба раньше не закидывала меня в Халл, и я решил исправить досадное упущение. Я взошел на борт паромной переправы и почувствовал, что путешествие мое началось.

## Глава вторая

# Королевский город

*Описание Королевского города на реке Хамбер и кораблей, проплывающих по его улицам (автор позволил себе некоторые ремарки по поводу китов, викингов и моряков). Глава завершается посещением церквей в Беверли и Селби.*

### 1

Корабли заходят в самое сердце Халла. Они медленно проплывают вдоль главных улиц, и мачты теряются на фоне столбов линии электропередач. С Северного моря приходят траулеры, их дымовые трубы смешиваются с печными трубами Халла. А уж если говорить о баржах и баркасах, так те и вовсе чувствуют себя хозяевами на Хамбере. Ежедневно можно видеть, как такая посуда неспешно движется по реке. На палубе стоит шкипер и, посасывая неизменную трубочку, с безразличием наблюдает за длинной очередью из трамваев, таксомоторов, грузовых вагонеток с цементом и прочей наземной техники, которая вынуждена терпеливо ждать, пока вновь опустится разводной мост.

В Халле это в порядке вещей! От кораблей здесь не дождешься извинений за беспокойство. Даже не надейтесь! Суда имеют право прохода и пользуются этим правом без зазрения совести. Да и чего им стесняться? Ведь всем прекрасно известно: город живет за счет кораблей.

Халл — такой, каков он был, есть и будет — это в первую очередь корабли.

Именно такую картину я наблюдал в Старом городе. Старый Халл представляет собой крохотный островок, со всех сторон окруженный причалами. Внутренняя территория испещрена узенькими, по-средневековому кривыми улочками. По контрасту с ним Новый Халл — гигант, который расползается во всех направлениях: на север, на юг, на запад и восток. Данную часть города отличает изобилие крупных фабрик и удобная, четкая планировка.

И все же средоточием Халла является именно эта семимильная цепочка пристаней. С одной стороны стоят морские и речные суда, с другой толпятся железнодорожные вагоны.

На улицах Халла полным-полно викингов.

Мужчины все, как на подбор, высоченные, светловолосые пираты; женщины большей частью голубоглазые датчанки. Зовут всех почему-то либо Робинсонами, либо Браунами. Изредка встречается какой-нибудь Карл Торнгельд, но такое имя еще надо поискать.

У меня в планах когда-нибудь в будущем написать книгу о людях, населяющих восточное побережье Англии. И, скорее всего, это будут обитатели Халла и линкольнширского Бостона — двух городов, которые словно бы перенеслись сюда из Голландии. Возможно, сюда же я включу многострадальное норфолкское побережье, куда мог приплыть (и приплывал!) любой владелец боевой галеры.

Как приятно прийти вечером на паромный причал Халла — молча постоять, вслушиваясь в шум приливных волн на Хамбере и любуясь тонкой зеленой линией Линкольнширского побережья (еще раз напомню, что река в этом месте имеет в ширину три мили). Мне чрезвычайно нравится эта небольшая голова мола, опирающаяся на массивные деревянные сваи. На заднем фоне маячат изящные георгианские особнячки. У домов

такой вид, словно они до сих пор грезят марселями-топселями и медными пушечками. Бородатые мужчины в синем джерси стоят, перегнувшись через перила. Они покуривают глиняные трубки и бросают задумчивые взгляды в сторону Новой Голландии — точь-в-точь древние викинги, замышляющие разбойный набег!

Халл — город со своим характером. Перед тем как сюда приехать, я заглянул в путеводитель и вот, что в нем прочитал: «Халл — деловой порт, не представляющий особого интереса для обычных туристов».

Ну, что на это сказать? Я очень рад, что не отношусь к племени обычных туристов.

Неудивительно, что большинство англичан плохо знают и не понимают Халл. Причина прежде всего кроется в географии города. Как и Норидж, он располагается на обособленном со всех сторон выступе — то есть в стороне от традиционных туристических маршрутов. Если праздные путешественники и забредают сюда, то, как правило, случайно, по ошибке. Тем большим открытием становится для них Халл. Само имя этого города — короткое, энергичное, хлесткое — звучит, как удар хлыста. Невольно представляется этаким самодовольный молодчик в стетсоновской шляпе и с сигаретой в уголке рта. А чего стоят расхожие суждения о Халле! Самым распространенным — и самым несправедливым — является то, в котором Халл ставят в один ряд с преисподней.

Однако, приехав сюда, вы первым делом узнаете, что короткое, односложное словечко «Халл» вовсе не является названием города. Это не более чем телеграфный адрес! Настоящее же имя звучит так — Королевский город на реке Халл. Или же, как пишется на вагонах городских трамваев и в официальных документах, Кингстон-апон-Халл. Услышав это название,



я по-новому стал смотреть на город. Король, о котором идет речь, — не кто иной, как Эдуард I Большегогий. Судя по всему, он отличался не только величиной своих ног, но и зоркостью глаза. Иначе как объяснить, что именно этот город он решил сделать главными северными воротами страны? Халл может по праву гордиться своей судьбой: во всей Англии нет другого такого порта, чья судьба решилась бы по личному волеизъявлению короля.

Жаль, конечно, что со временем звучное название Кингстон-апон-Халл редуцировалось до коротенького «Халл». Но лично я вижу в этом свидетельство того, что город живет и изменяется.

К тому же следует признать, что «Халл» — идеальный адрес, такое название врезается в память сразу и надолго.

Не менее интересной мне видится пресловутая связь между Халлом и преисподней. Наверняка всем приходилось слышать фразу: «Упаси нас, благой Господь, от ада, Халла и Галифакса!» Я всегда считал, что автором этого высказывания является какой-нибудь современный коммивояжер. Однако, походив по улицам Халла и внимательно присмотревшись к городу, я не обнаружил никаких примет, которые бы оправдывали подобную резкость. Чем же не угодил Халл неведомому автору? За разрешением загадки я обратился к местному авторитету в области истории и топонимики. Лишь с его помощью мне удалось установить происхождение этого малопочтенного ярлыка.

— Вы не одиноки в своих заблуждениях, — снисходительно улыбнулся маэстро. — Тысячи людей, как и вы, полагают, будто данное высказывание возникло в современную эпоху. На самом же деле корни этой истории восходят к шестнадцатому веку. Уж не знаю, почему так сложилось, но в те времена Халл и Галифакс сильно страдали от происков

фальшивомонетчиков (наверное, больше чем любые другие из английских городов). Знаете, как действовали преступники? Они обстругивали серебряные шиллинги, а образовавшиеся опилки затем переплавляли на слитки.

Ну так вот... Жителям Халла и Галифакса это вконец надоело, и они решили самым суровым образом бороться с бесчестными ловкачами. Халлские власти объявили мерой наказания за подобные преступления смертную казнь. Галифакс последовал нашему примеру. Более того, они возвели у себя гильотину, приводимую в действие лошадью. К животному привязывалась веревка, на другом конце которой цеплялся острый нож. Лошадь отводили на некоторое расстояние от гильотины, и нож медленно поднимался над плахой. Преступника заставляли опуститься на колени и поместить голову на колоду. Затем специальный человек перерезал веревку, и нож падал вниз! Вот тогда-то и родились эти строки из молитвы всех нищих бродяг и попрошаек: «Упаси нас, благой Господь, от ада, Халла и Галифакса!»

Поблагодарив местного историка, я вернулся на улицы Кингстон-апон-Халла с сознанием, что теперь лучше понимаю этот город.

## 2

— Я помню, — рассказывал старик, — как провожали «Диану» в 1865 году. Она была последним китобойцем, покинувшим Халл. В тот день в порту собралась огромная толпа: играла музыка, люди радовались, выкрикивали приветствия. Корабль выглядел таким красивым — марсея и стены выделялись на фоне неба, дымовые трубы были украшены ветками жимолости и других вечнозеленых растений. Да, роскошное было зрелище... и все это происходило

шестьдесят два года назад. Что, вы удивлены, молодой человек? Но это чистая правда, просто я выгляжу моложе своих лет. Да, так вот... Радовались все, кроме жен моряков, уж им-то было не до веселья. Видите ли, в те годы на промысел китов отправлялись к берегам Гренландии или в Баффинов залив. Не ближний свет! Моряки отсутствовали дома по году, а то и более...

Что касается несчастной «Дианы», то она вернулась лишь через два года. Капитан был мертв, его привезли в гробу. Вместе с ним погибли еще одиннадцать членов экипажа, да и все остальные были едва живы. Оказывается, судно полгода провело в ледяном плену. В тот день в Халле никто не веселился. Печальное вышло возвращение!

Трагическое плавание «Дианы», о котором сегодня мало кто помнит, ознаменовало конец славной эпохи китобойного промысла, составлявшего предмет гордости Английской державы. Целых триста лет — с начала правления Елизаветы и до середины прошлого столетия — наши земляки, моряки Халла, бесстрашно преодолевали все опасности арктического плавания ради того, чтоб английские леди могли носить свои кринолины и затягиваться в корсеты из китового уса.

Во времена Стюартов голландцы сделали попытку захватить промысел в свои руки. Однако китобойцы с Хамбера не желали сдаваться, они вступили в борьбу за монополию, проявляя при этом чисто йоркширское упорство. Началась настоящая война за китов! Со временем к ней подключились абердинцы, а затем и моряки Данди. Китобойный промысел становился все более тяжелым и опасным занятием. Киты постепенно вымирали. Сначала истребили едва ли не всех самцов, затем взялись и за самок с детенышами. Ясно было, что конец не за горами. И случившаяся в 1865 году трагедия «Дианы» поставила окончательную точку в той кампании.

Однако жители Халла быстро оправились от краха. Ведь средства-то производства сохранились! На руинах почившего промысла китобойцы создали две новые прибыльные отрасли — рыболовство и маслбойное производство. Теперь, когда киты практически перевелись, те же самые вельботы охотились за треской и макрелью. Фабрики по переработке китового жира тоже не простаивали, они переключились на льняное семя.

Я несколько не жалею о том времени, которое потратил на знакомство с китобойной эпопеей Халла. Этому периоду посвящена совершенно великолепная экспозиция в музее судоходства и рыбного промысла. И хотя название звучит не слишком захватывающе (почти как музей сельского хозяйства), на выставке представлены поистине интереснейшие экспонаты той эпохи — древние гарпуны, черепа и бивни моржей, различного рода диковинки, которые моряки привозили с собой из дальних плаваний. Здесь же выставлены всевозможные поделки из дерева и кости, а также не слишком искусные картинки — все то, что помогало морякам коротать досуг во время долгих полярных экспедиций.

Их промысел всегда был сопряжен с большими трудностями и опасностями. На сей счет сохранилось достаточно документальных свидетельств, и с ними тоже можно ознакомиться в музее. Весьма показательна в этом отношении участь вельбота по имени «Свон». В 1836 году судно отправилось в арктическое плавание и попало в плавучие льды. «Свон» искали почти год, после чего объявили пропавшим. И вот как раз во время поминальной службы на Док-Грин, поступили известия о том, что «исчезнувший» корабль объявился в устье Хамбера. Далее мне хотелось бы передать слово одной из газет того времени:

## **«СВОН» ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ ПРОЛИВА ДЭВИСА**

### **ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК ПОГИБЛИ**

Благодаря мгновенно распространившейся информации о «Своне», вчера, 3 июля (понедельник) многотысячная толпа собралась на пристани в Саутенде. Люди были рады вновь увидеть корабль, который давно уже считался погибшим. Его неожиданное возвращение приравнивалось к чуду воскрешения... Надо отметить, что все выжившие члены экипажа — в том числе капитан Дринг и его двое сыновей — чувствуют себя вполне сносно. Помощник капитана и еще двое матросов выглядят отменно, остальные сильно исхудали.

Далее автор статьи красочно описывает лишения, которые пришлось пережить морякам, приводит количество убитых китов, а под конец сообщает ряд пикантных подробностей, причем в манере, которая посчиталась бы абсолютно недопустимой в современной журналистике.

«Не далее, как в прошлое воскресенье, — пишет он, — жена одного из членов экипажа, которая уже потеряла всякую надежду увидеть супруга живым, сочеталась узами брака со своим новым поклонником. В понедельник же, узнав о благополучном возвращении судна (вместе с ее бывшим мужем на борту), женщина поспешно бежала в деревню, где, судя по всему, и прячется до сих пор».

И при этом попрошу заметить: никакого интервью с покинутым супругом! Все-таки это была весьма деликатная эпоха.

Меня лично не удивил тот факт, что китобойный промысел в конце концов изжил себя. Огромные киты представляли собой легкую мишень — во всяком случае обнаружить и изловить такую махину гораздо легче, чем равноценное количество мелкой рыбы. А при тех масштабах истребления, которые царили в прошлом веке, число китов неминуемо должно было сократиться. Судите сами: в одном только 1821 году команда халлских добытчиков (числом в тридцать один человек) уничтожила двести четыре кита. А еще одна группа из двадцати одного человека за тот же период изловила в проливе Дэвиса двести девяносто четыре особи. Итого четыреста девяносто восемь погибших животных! Общая сумма от выручки китового уса и жира составила 150 тысяч фунтов стерлингов.

Что и говорить, моряки-китобои всегда неплохо зарабатывали. Но вот какой ценой доставались им эти деньги? Время от времени попадались животные, которые вовсе не горели желанием пожертвовать жизнью во имя производства дамских корсетов. Все в том же 1821 году произошел следующий случай. Команда «Баффина» загарпунила кита, который не только загубил пятнадцать бухт отличного троса по двести сорок ярдов каждая, но и протаскал за собой полдня две лодки с дюжиной моряков. Когда же кита наконец убили, выяснилось, что под водой он нес на себе еще шесть таких же тросов и лодку, принадлежавшую халлскому вельботу «Трафальгар»!

Однако самый трагический экспонат мне довелось увидеть не в этом музее, а в Тринити-хаус. Там выставлен эскимосский каяк, который в 1613 году случайно обнаружили дрейфующим где-то на просторах Атлантики. Внутри лодки сидел мертвый охотник (сейчас его, естественно, заменил восковой манекен). Если верить хроникам, несчастного эскимоса именно так

и нашли: он сидел с веслом на коленях, примотанный ремнем к лавке.

На мой взгляд, современные хамберские рыбаки заслуживают уважения уже за то, что являются прямыми потомками тех далеких китобоев. И когда вы наблюдаете за таким рыбаком, раскладывающим улов прямо на цементном полу рыбного рынка, вспомните, какую «рыбку» отлавливали его деды. А также припомните музейные гравюры, на которых изображаются маленькие, хрупкие суда в окружении огромных айсбергов. Тогдашние рыбаки вынуждены были проводить долгие месяцы в ледяной пустыне. И чтобы выжить, им приходилось нападать на моржей или вступать в противоборство с белым медведем.

Благодарение Богу, что в наше время корсеты вышли из моды, и теперь хамберские рыболовы выходят в море на поиски трески, а не гигантских китов.

Это люди особой, редкой породы. Они, как и жокеи, появились на свет в результате жесткой специализации. Многие поколения здешних жителей охотились на китов; двенадцать лет назад им пришлось вылавливать в море немецкие мины, а сегодня они занимаются тем, что обеспечивают завтраком всю Англию.

Подобно многим людям, чья жизнь связана с морем, они чрезвычайно суеверны. Больше верят в удачу, нежели в министерство сельского хозяйства и рыболовства! «Удачливый» шкипер может стать в конце концов владельцем собственного дома и автомобиля. Считается, что он обладает неким сверхъестественным чутьем, которое безошибочно приводит его к особо крупным косякам рыбы. Уж и не знаю, в чем на самом деле заключается их секрет — то ли они тщательно изучают официальные карты перемещения этих самых косяков, то ли действительно многолетняя погоня за рыбой выработала у них особое шестое чувство, — но

факт остается фактом: подобные «счастливики» редко возвращаются без приличного улова.

Мне довелось познакомиться с человеком, который уходил в плавание на долгие девять месяцев. Меня поразило судно, на котором он совершал свои длительные походы в Северное море. Раньше я не видел ничего подобного. Представьте себе корабль, у которого с шлюпбалки свешивается около тридцати маленьких гребных лодок. Сам же корабль — это по сути огромный плавучий сундук со льдом.

Подобная конструкция разработана специально для ловли гигантского палтуса. Эта рыба (между прочим, самая крупная из семейства камбалообразных) достигает от пяти до десяти футов в длину и водится на глубине от пятидесяти до ста пятидесяти фатомов. Обычное траление здесь бесполезно, ибо сеть проходит гораздо выше. Поймать такого гиганта можно лишь на соответствующую леску с крючком. Посему владелец судна разработал собственную методику. Когда они достигают места залегания палтуса, команда спускает на воду все тридцать подвесных лодочек. Моряки, вооруженные сверхпрочными удочками, занимают места в лодках и месяц за месяцем рыщут в заданном квадрате. В конце каждого дня они возвращаются к основному судну, чтобы перегрузить в холодильник улов. Когда рыбы наберется достаточное количество, капитан подает сигнал — три громких гудка. Это знак, что пора возвращаться домой, в родной, прекрасный Халл.

— Моя бедная жена по двенадцать месяцев дожидается, пока я вернусь домой, — поведал мне владелец судна. — А я в первую ночь вынужден оставаться в доках — жду, пока выгрузят всю рыбу!

Кто после этого будет рассказывать сказки о счастливой, безоблачной жизни рыболовов?



В одном из многочисленных халлских музеев представлена удивительная коллекция старинных автомобилей. Прелесть этой выставки заключается в том, что время работает на нее: с годами ценность экспонатов только возрастает. Экспозиция позволяет проследить весь путь развития отечественного автомобилестроения: от первых «вонючих телег» — невероятных конструкций, разработанных по образу коляски-брума — и до относительно современных (но все равно ужасно нелепых) авто, в которых разъезжали наши дедушки. Поверьте, на свете сыщется мало вещей, которые бы внушили мне большее уважение к отчаянной смелости наших предков, чем эти диковинные механизмы. Среди ветеранов стоит и машина, на которой лорд Монтегю (из Бьюли) повез короля Эдуарда в его первое автомобильное путешествие.

Да уж, бесстрашный человек был король Эдуард, доложу я вам. Что касается лорда Монтегю, то он мне видится сущим безумцем! Нисколько не удивлюсь, если у них в машине была топка, куда они закидывали уголь!

Лорд-мэр Халла является настоящим адмиралом.

Вместе с церемониальной цепью ему вручается и адмиральский флаг, который лорд-мэр имеет право вывешивать над своей резиденцией. И все корабли военно-морского флота Великобритании должны отдавать ему салют в виде залпа из шести орудий.

Это возвращает нас к временам правления Генриха VI, который своим указом ввел особую должность адмирала Хамбера, независимого от всех прочих королевских адмиралов. В его ведении находилась вся акватория Хамбера с прилегающими речными притоками.

Так что имейте в виду: обращаясь к лорд-мэру Халла, вы одновременно говорите и с адмиралом Хамбера.

Познакомившись с Халлом, могу сказать, что этот город не гонится за показными эффектами, но в нем ощущается какая-то солидность и основательность. И еще в нем царит характерная атмосфера морского порта, где в любую минуту может произойти нечто важное. Вот вы идете по улице, сворачиваете за ближайший угол и видите норвежскую шхуну, которая медленно входит в док, вращая антеннами над рубкой. И в этом сказывается веяние времени. Если прежде маленькие елочки росли себе спокойно в английских лесах и успевали достичь весьма почтенного возраста, то теперь их миллионами рубят под корень. Все портовые склады Халла заполнены этим грузом.

Здесь можно встретить корабли с грузом шерсти, зерна, каменного угля или готовых станков. Если же вам особенно повезет, то как-нибудь утром вы увидите караван рыболовецких траулеров, возвращающихся из очередного плавания по Северному морю. Это неказистые суда с низкой осадкой. Их дымовые трубы побелели от морской соли, а трюмы битком забиты мороженой рыбой, которая составляет трехдневный улов флотилии.

И пока вы наблюдаете, как эти «рабочие лошадки» причаливают к доку Сент-Эндрюс, вспомните, что за годы войны хамберские траулеры выловили три тысячи немецких плавучих мин. И что Хамбер обеспечил восемьсот судов и десять тысяч человек для проведения этой непривычной работы на просторах Северного моря. А также припомните, что свыше тысячи человек сложили свои головы на минных полях Первой мировой войны. Так что если вам доведется повстречать рыболовецкую флотилию, которая ранним утром входит в Халл, не поленитесь, снимите шляпу в знак уважения перед этими скромными трудягами и всеми грузами, которые они перевозили в прошлом, перевозят сейчас и будут перевозить в грядущие годы!

Я одолел подъем за Бишоп-Бертон, и передо мной распахнулась панорама зеленых полей, которые тянулись до самого Беверли.

Если вы путешествуете по Англии, то рано или поздно наступает момент, когда вы вот так же поднимаетесь на какую-нибудь возвышенность и застываете в полном восхищении. Взору вашему открывается картина мирной, архаичной Англии — зрелище, настолько прекрасное и неожиданное, что остается лишь молча стоять и со слезами благодарности взирать вокруг себя.

Глядя на далекий Беверли, я думал, что за последние пятьсот лет тут, должно быть, ничего не изменилось. И какой-нибудь мой далекий предок вот так же шагал по росистым лугам, огибая заросли серебристого боярышника. И точно так же издали любовался скоплением красных черепичных крыш и двумя изящными башнями местной церкви, которые маячат над зелеными купами деревьев. И ноздри его, наверное, так же трепетали, пытаюсь уловить запах дыма, тонкой голубоватой струйкой тянувшегося к неподвижным небесам.

Нет, что ни говорите, а случаются в жизни человека мгновения, когда ему не стыдно опуститься на колени прямо на обочине дороги. Примерно такие мысли одолевали меня на подъезде к маленькому городку Беверли, где располагается усыпальница святого Иоанна Беверлийского. Наверное, именно здесь, на вершине холма, делали последнюю остановку многочисленные паломники — передохнуть и возблагодарить Бога за благополучное завершение пути. И не они одни. Сюда же приходили многочисленные изгнанники и преступники, на чьих руках еще не

обсохла кровь жертв. Они останавливались, чтобы собраться с духом перед тем, как идти в святилище. В старых церквях присутствует нечто странное. Еще осматривая развалины королевского монастыря Бьюли в Нью-Форесте, я отметил их особую атмосферу, а визит в Беверли лишь укрепил меня в этом мнении.

Возможно, кто-то назовет это ощущением «Божьего мира», до сих пор витающим над зелеными лугами.

Подобные мысли крутились у меня в голове, когда я вошел в Беверли через Норт-Бар, северные ворота города. А еще я припомнил, что святой Иоанн был одним из наиболее почитаемых святых в Северной Англии. Его гробница превратила Беверли в подлинный город чудес. Даже Вильгельм Завоеватель во время своего опустошительного рейда на север страны предпочел обойти здешние края стороной — по его собственным словам, «дабы не нарушать покой святого Иоанна».

Отправляясь на войну, английские короли обязательно приезжали в Беверли, чтобы заручиться поддержкой могущественного святого. И не раз знамя с его изображением осеняло поля сражений. В частности, оно помогало королю Стефану в знаменитой Битве штандартов<sup>[4]</sup>. Тогда в центре английской армии стояла повозка с корабельной мачтой, на которой были укреплены четыре знамени — святых Петра Йоркского, Кутберта Дарэмского, Уилфрида Рипонского и Иоанна Беверлийского.

В прежние времена в Беверли со всех сторон стекались толпы паломников со своими бедами и болезнями. Известно, что в ходе битвы при Азенкуре здесь происходили многолюдные молебны, во время которых зафиксированы неоднократные случаи мироточения — на стенах гробницы выступали капли священной маслянистой влаги. После битвы король Генрих V приезжал в Беверли со своей женой

Екатериной Французской, чтобы вознести благодарность святому Иоанну за одержанную победу.

Со временем Беверли разбогател и превратился в один из ведущих городов королевства. В 1377 году доходы от подушного налога, собранного в Беверли, составили почти десять процентов от всех налогов страны. И это при том, что население городка едва перевалило за 13 тысяч человек!

Я прошелся по тихим улочкам Беверли, постоял на мощеных булыжником площадях, любовался на витрины маленьких магазинчиков, где — как и двести лет назад — были выставлены ружья и седла.

— Да нет, здесь никогда ничего особенного не происходило! — удивленно пожал плечами владелец местной лавки в ответ на мои настойчивые расспросы.

По-моему, Беверли — отличный пример английского городка, чье благополучие построено на костях святого. Процветающая ныне торговля возникла еще до норманнского завоевания: сначала появились многочисленные паломники, а следом обслуживавшие их торговцы. А ведь коммерция — это такое дело! Раз возникнув, она уже не умирает. Коли уж люди возвели свои прилавки у церковной стены, то, чтобы их разогнать, потребуется особое постановление парламента. Нечто подобное происходило и в Беверли: священники и пилигримы исчезли, а торговля осталась. Теперь здесь всю торговлю зерном, овцами и сельскохозяйственным оборудованием.

Сегодня это маленький тихий городок, над которым доминирует церковь Святого Иоанна — как в духовном, так и в физическом плане. По внешнему виду она вполне тянет на кафедральный собор. Не знакомые с историей туристы часто удивляются, каким ветром забросило это грандиозное строение в крохотный городок!

Однако церковь поражает не только внушительными размерами, но и красотой. Ее по праву считают самым

совершенным памятником готического зодчества в Англии. А причина, на мой взгляд, кроется в особом религиозном чувстве, характерном для той эпохи. Это ныне человеческий гений щедро расточает себя, воплощаясь в сотнях разнообразных профессий. В Средние же века люди посвящали себя — исключительно и безусловно — церкви! Наверное, поэтому церковь Святого Иоанна выглядит так, будто ее строили с песней. Здесь каждый кирпичик, каждый участок каменной резьбы напоен любовью и верой.

Неизвестные строители Беверли вкладывали весь пыл своей души в оформление церкви. Те силы, которые современные люди обращают на бизнес или хобби, изливались на каменные изваяния святых. Должно быть, потому их красота и не меркнет в веках. И даже когда прочие идеалы умрут, когда человечество утратит веру в самое себя, люди все равно будут приходить и с благоговением взирать на стены церкви Святого Иоанна.

В Беверли, как и в любом другом старинном местечке, имеются свои привидения. Однако они оказались вовсе не теми традиционными привидениями, которых я ожидал увидеть. По словам старожилов, в некоторые, особенно темные и ветреные ночи по улицам города проносится табун призрачных обезглавленных лошадей, а управляет ими не кто иной, как сэр Джоселин Перси! Правда, мне так и не удалось отыскать ни одного человека — даже в столь надежном месте, как местный паб «Королевская голова», — который бы видел это собственными глазами. Ну, да ладно. Бог с ними, с безголовыми лошадьми. Но куда, хотелось бы знать, подевались, призраки многочисленных беглецов — тех самых, что по традиции просили убежища в церкви?

Если верить сохранившимся хроникам, то за каких-нибудь шестьдесят лет в Беверли появились сто восемьдесят шесть убийц, двести восемь несостоятельных должников, пятьдесят четыре вора и

свыше пятисот прочих преступников. Все эти люди пришли искать защиты у святого Иоанна Беверлийского. И не то, чтобы пришли, а примчались — так, словно за ними гнались все бесы преисподней (полагаю, так оно и было). Некоторые из этих бедолаг заявили из самого Лондона! Но почему? Неужели они не могли найти церкви поближе, чтобы очиститься от прегрешений? Или же преступники считали, что никто не обеспечит им такой защиты, как святой Иоанн Беверлийский?

В здании церкви мне продемонстрировали массивное саксонское сидение, вырезанное из цельного камня. Это так называемый «фридстул», достигнув которого, беглецы обретали вождеденную безопасность. В дальнейшем зона защиты распространилась на всю территорию в радиусе мили от храма.

В старину здешние края славились многочисленными колониями бобров. Собственно, и свое название Беверли получил благодаря этим животным: «бивер» (бобер) плюс «ли» (луг). Вот и получилось (с небольшой коррекцией) «Беверли», то есть бобровый луг.

К своему удивлению, на берегу реки я действительно обнаружил бобров, занятых обычной работой. А на небольшом расстоянии от города располагалась, наверное, самая удивительная верфь во всей Англии. Устроена она прямо в поле! На стапелях стояло четыре судна в различной стадии готовности. Вокруг них сутились рабочие с молотками, а поодаль под навесом попыхивали кузнечные горны. Оттуда доносился мерный перестук — кузнецы прилаживали заклепки на металлические пластины.

Это, пожалуй, самый амбициозный проект современного Беверли. Местные судостроители обеспечивают халлских рыбаков великолепными траулерами. Правда, есть одна сложность: поскольку река здесь слишком узкая, то суда приходится спускать со стапелей боком, как делается в Селби. Меня

чрезвычайно тронула чисто сельская уединенность здешней верфи. Она выглядит почти нелегальной — как если бы трудолюбивые бобры Беверли тоже (по примеру Вильгельма Завоевателя) не желали «нарушать покой святого Иоанна».

#### 4

Я осматриваю величественное аббатство Селби и воскрешаю в памяти древнюю историю его создания.

Произошло это в те времена, когда Вильгельм Завоеватель только готовился к своему походу на Англию. Пока норманнский герцог поглядывал в сторону соседнего острова, некий французский монах по имени Бенедикт истово молился перед алтарем аббатства святого Германа в Осере. Главной местной реликвией являлся средний палец с правой руки святого Германа.

Юный монах мечтал о великих подвигах во имя веры. А пока он молился в надежде, что всемогущий Господь укажет ему путь, по которому следует идти. Очевидно, молитвы его были услышаны, потому что в один прекрасный день юноше явился сам святого Герман. Явился и молвил:

«Отправляйся в Англию, в место под названием Салепбия (Селби), и там возведи храм в мою честь и во славу Божию».

Бенедикт глубоко почитал своего святого — возможно, больше, чем любой другой монах в Осере. Но вместе с тем он был страстным патриотом родной Франции, и сама мысль о необходимости переселиться в далекую, незнакомую Англию наполняла его сердце печалью и отвращением. Юноша все медлил и откладывал отъезд. Тогда Герман вторично явился монаху и повторил свой приказ. А поскольку тот продолжал упорствовать в нежелании ехать, святой не



поленился и в третий раз прийти к юноше. На сей раз он уточнил требования: Бенедикт должен взять хранившийся на главном алтаре палец Германа и отвезти его в Англию. Кроме того, святой потребовал, чтобы монах нанес себе увечье — проделал дырку в предплечье, и обещал, что тот не почувствует ни боли, ни каких-либо неудобств в виде воспаления или горячки. Якобы священная реликвия защитит Бенедикта от всех бед, включая опасности далекого и небезопасного путешествия.

Пришлось юноше повиноваться.

Отправился он в Англию, но, видно, что-то напутал, так как прибыл не в Салебию (то бишь в йоркширский Селби), а в город под названием Салисберия (нынешний Солсбери в Уилтшире). Хорошо, что святой Герман приглядывал за своим протеже. Не успел Бенедикт осесть на новом месте и приступить к долгому и хлопотному строительству, как святой вновь явился и наставил незадачливого монаха на путь истинный.

Пришлось юноше тащиться через всю Англию, чтобы достичь расположенного в Норфолке городка Кингс-Линн. Здесь он пересек Хамбер и уже без препятствий добрался до заветного Селби.

Наконец-то Бенедикт начал возводить обещанный храм. А в это время на британском побережье высадился еще один француз. Он явился в Англию с куда менее благочестивыми целями и привел с собой отряд отборной конницы. Затем произошло небезызвестное сражение при Гастингсе, коварная стрела угодила прямо в глаз несчастному Гарольду, а результатом стало строительство лондонского Тауэра. Бенедикт тем временем продолжал корпеть над своим храмом. И вот случилось так, что один из норманнских баронов, на тот момент представлявший власть Завоевателя в Йорке, отправился по делам в Селби. Проплывая по реке Уз, он увидел крест на холме, а рядом молодого человека, в

одиначку строившего деревянную церковь. Выслушав его историю, барон проникся симпатией к земляку и пообещал похлопотать за него перед влиятельным лордом.

Он действительно добился от Вильгельма I королевской хартии. Так на месте деревянной церквушки возникло аббатство Селби, в дальнейшем прославившееся на всю Англию.

Городок Селби по-прежнему сохраняет свою королевскую атмосферу. Подобно Вестминстеру, Йорку, Виндзору и Бристолу он обладает правом облачать свой церковный хор в пурпур. И до сих пор, на протяжении многих веков, хранит память о своем основателе. Семнадцатого июля 1928 года все великое Селбийское аббатство (вернее, то, что от него осталось) примет участие в празднествах, посвященных девятой годовщине со дня рождения Вильгельма Завоевателя.

А что же на сегодняшний день представляет собой Селбийское аббатство? Увы, от былой мощи и величия не осталось и следа. Если что и сохранилось, так это потрясающая красота. А ведь когда-то это было третье по величине и богатству аббатство Севера. Его аббат был увенчан митрой и проделал путь до английского парламента. В Селби приезжали короли. Теперь же аббатство получает жалкие пожертвования в размере 56 фунтов, и всякий раз, когда возникает надобность в ремонте, приходится буквально пускать шапку по кругу.

— Ах, если бы только я был помоложе! — вздыхает здешний викарий. — Ничто на свете не удержало бы меня от поездки в Америку. Уж там-то я наверняка достал бы необходимые деньги!

И он бросает красноречивый взгляд на южное окно клироса, где изображены три звезды (на самом деле — шпоры) и две красные полосы. Это фамильный герб предков Джорджа Вашингтона, и красуется он здесь

еще с 1584 года. Наверное викарый прав: американцы придут в любой уголок Англии, лишь бы полюбоваться на герб своего любимого президента.

И коли уж речь зашла о геральдике, в Селби имеется еще одна любопытная диковинка. На одном из оконных витражей изображен щит с левой перевязью, что в Англии во все времена почиталось бризурой бастарда. Возникает закономерный вопрос: кому придет в голову кичиться незаконным происхождением? А объяснение до смешного нелепо. Просто во время очередной реставрации окон, которая проводилась в 1866 году, кто-то из рабочих вставил данное стекло наизнанку и тем самым превратил нормальную перевязь в «левую».

Это, наверное, единственный случай в истории, когда человек стал бастардом благодаря тривиальной ошибке стекольщика!

Но есть в Селбийском аббатстве тайны и помрачнее. В стене над северными воротами скрывается потайная комната, которую обычно не показывают посетителям. Я и сам узнал о ее существовании лишь благодаря любезности викария.

Чтобы туда попасть, необходимо преодолеть целую серию длинных и темных переходов. Вход на винтовую лестницу располагается в западной части церкви. Вы долго поднимаетесь по пыльным каменным ступенькам и в конце концов попадаете в полутемный трифорий, но уже на северной стороне. Отсюда вы спускаетесь еще на несколько ступенек и оказываетесь в помещении, куда никогда не проникал ни единый луч солнца.

В комнате попросту нет окон, и потому здесь всегда царит беспросветный мрак. По одной из версий комната эта служила тюремной камерой для проштрафившихся монахов. Но тогда как объяснить остатки древнего алтаря в восточном конце комнаты? Какие таинственные службы проводились здесь в полной темноте? Я не смог найти ответов на эти вопросы. Никаких письменных

свидетельств не обнаружилось, и никто из специалистов, осматривавших комнату, не сумел выдвинуть правдоподобной гипотезы.

Не могу покинуть Селби, не процитировав две надгробные надписи, обнаруженные мной в южном боковом приделе. Подозреваю, что большинство посетителей проходят мимо, не обращая на них внимания.

Первая эпитафия гласит:

Покоится тут тело Фрэнка Роу,  
Надгробья для прихода резал он,  
И те слова, что прежде вырезал  
Он для других, теперь ему  
Уже самому посвящены.

И вот вторая:

Упокоен здесь Арчер Джон,  
Под камнем сим лежит;  
Уж труп остыл и саван был  
Ему печальный сшит.  
И смерть пришла, и так рекла,  
Так молвила она:  
«Со мной ступай за дальний край,  
Не бойся, старина».  
Он не роптал и не страдал,  
Последовал за ней.  
И вот пресекся навсегда  
Счет отведенных дней.

Торжественный норманнский неф сложен руками тех же самых каменщиков, которые построили Дарэм. Лучи

солнца наискось освещают мощные колонны, напоминающие стволы деревьев в старой дубраве.

— Нет, сэр, — ответил церковный служитель, — привидений мне здесь видеть не доводилось. А если б и увидел... Я ведь в прошлом был солдатом, сэр. Служил и в Индии, и в Китае, и в Египте. Такого там насмотрелся, что никакие призраки теперь меня не испугают. А сюда я пришел в поисках спокойной жизни.

— Надеюсь, вы нашли то, что искали?

— Так точно, сэр! Нашел в полной мере.

## Глава третья

# Йорк и его викинги

*Описание древней Йоркской стены, согретой лучами апрельского солнца. Читатель узнает, почему каждый вечер звонят колокола церкви Святого Михаила, и как усилия одной женщины спасли целую гильдию торговцев — искателей приключений. Далее автор излагает некоторые свои соображения по поводу небезызвестного Дика Терпина, железнодорожных локомотивов и девушек, которые делают шоколад.*

### 1

День клонился к закату. Лучи заходящего солнца ласково освещали Йоркскую долину и возвышавшиеся над ней башни кафедрального собора Святого Петра. Дувший мне в спину легкий ветерок приносил с собой звук церковных колоколов, слышных на многие мили окрест. Я ехал мимо цветущих живых изгородей, и сердце мое ликовало, ибо впереди ждал Йорк — один из чудеснейших городов во всей Англии. Он представляется мне надежным якорем, который приковывает Англию к ее средневековому прошлому. В нашей стране много старинных городов. Там тоже есть кафедральные соборы и стены, не говоря уж о древних замках и жилых домах. Но Йорк — бесспорный, прирожденный король всех подобных городов. И подобно всем владыкам, он хранит королевское достоинство — не суетится, не добивается вашей любви. В этом нет нужды. Йорк достаточно просто существовать на свете. *Он просто Йорк!*

Сидя за рулем автомобиля, я разглядывал скопление красных черепичных крыш и чувствовал, как в душе моей просыпаются многочисленные католические предки. Я слышал их далекие, глухие голоса. Но тут же рядом с ними восстали и предки-протестанты: они недовольно ворчали и пытались вцепиться в горло ненавистным католикам. Удивительное ощущение! На время я перестал быть одиноким путешественником, направляющимся в Йорк, — вместе со мной наступала целая армия!

Кстати, спешу сообщить, что Йорк — последний город в Англии, куда запрещен въезд на автомобиле. Попасть в него можно лишь на коне или пешим ходом. К сожалению, мало кто из туристов об этом знает. Я приблизился к высокой белой стене с навесными бойницами, которая со всех сторон опоясывала город. Когда-то это была неприступная крепость. По четырем углам высились мощные сторожевые бастиионы, в стенах были проделаны крестообразные бойницы для лучников, надвратные башни украшали каменные изваяния — маленькие человечки, четко выделявшиеся на фоне закатного неба, прижимали к груди булыжники. Они сурово взирали на проходивших внизу людей, словно примеряясь, как бы половчее сбросить на них свою ношу. Защитники Йорка!

Мимо спешили пастухи со своими стадами. В воздухе пахло дымом, последние солнечные лучи освещали черепичные крыши, а изнутри — из-за крепостных стен — восхитительно веяло человеческим жильем, уютным скоплением множества мужчин и женщин. Подобная атмосфера характерна для любого крупного города, но особенно она ощущается в таких вот обнесенных стеной поселениях. Создается впечатление, будто вы стоите на пороге удобного и безопасного дома, где собралась целая толпа друзей.

Я пошел вдоль крепостной стены и скоро очутился возле Бутэмских ворот. Надпись на них гласила:

«Проход на север через Галтресский лес. В прошлом здесь стояла стража, которая охраняла ворота и при необходимости провожала путников через лес, дабы защитить их от волков».

Миновав ворота, я вошел в Йорк и не спеша направился в центр — сначала по Верхней Питерсгейт, а затем по Стоунгейт. Вокруг царила привычная вечерняя суэта: владельцы магазинов и лавок закрывали на ночь свои заведения. А над городом — перекрывая скрип ставен и хлопанье дверей — плыл мерный колокольный звон. Я поглядел на часы: восемь вечера. На башне церкви Святого Михаила, что на Спэрриергейт, начали отбивать вечернюю стражу. На протяжении веков звучат колокола, возвещающие приближение ночи. Они не только призывают горожан гасить огни, но и служат своеобразным маяком для заплутавших путников. Надо думать, в прошлом они спасли не одну жизнь. И хотя страшный Галтресский лес уже давно как таковой не существует, но официально считается, будто там до сих пор бродят лютые волки. Так что, древний обычай остается в силе: каждый вечер в восемь часов раздается колокольный звон.

Нет, воистину, Йорк — не город, а какая-то волшебная сказка!

Я решил перед завтраком совершить трехмильную прогулку по городской стене, благо Йорк представляет такую возможность. На мой взгляд, это не худший (если не самый лучший) способ начать день в Англии.

Тем более утро выдалось прекрасное — тихое, свежее, будто умытое апрельским дождем. В воздухе



пахло мокрой травой, и легкий ветерок задувал из-за каждого угла — словно шаловливый щенок затеял игру с собственным хвостом. У входа в Йоркминстер показался старый служка: он вытряхивал коврики и шурился от яркого света. Первые лучи восходящего солнца заглядывали в восточное окно собора, разгоняя утренние тени.

Для подъема я избрал Бутэмские ворота. Один лестничный пролет, второй... И вот я уже наверху Йоркской стены. Было еще совсем рано. Пройдет не меньше часа, прежде чем на улице появится первая работница с шоколадной фабрики. Я представил себе, как юная очаровательная особа деловито крутит педали велосипеда, демонстрируя всему миру свои розовые подвязки. Между прочим, это местная традиция: жители Йорка добираются до работы на велосипедах, и каждый велосипед снабжен звоночком.

Поднявшись на Йоркскую стену, вы оказываетесь выше печных труб. С одной стороны от вас тянутся фортификационные укрепления высотой в шесть футов. Через каждые несколько ярдов в них проделаны на уровне пояса довольно широкие прямоугольные отверстия: отсюда защитники города обстреливали врагов стрелами и опрокидывали на их головы котлы с кипящим маслом. Я подошел к одному такому отверстию и выглянул наружу. Внизу виднелся зеленый крепостной ров, а за ним теснились дома и сады внешнего поселения. Люди только просыпались, распахивали ставни домов, пили утренний чай, собирали детей в школу или же возились с велосипедными насосами — мирная сценка, которая наверняка больше бы удивила средневековых часовых, нежели вид наступающей вражеской армии!

Как непривычно им было бы стоять на этом месте: странные картины, странные звуки... Там, где зимними ночами раздавался вой волков, сегодня царят мир и

покой. Если кто и плачет, так только младенец, у которого режутся зубки!

По другую сторону от стены виднеется Йоркминстер и прилегающий к нему сад настоятеля. Стены собора просвечивают сквозь белокипенное цветение грушевых деревьев. В этот утренний час все, включая саму стену, кажется серебристо-белым. Тадкастерский камень, из которого она сложена, омывается дождями. Поэтому Йоркская стена всегда выглядит, как новенькая. Белой лентой тянется она вокруг старого города, изгибается, никогда не оставаясь прямой дольше, чем на расстоянии двадцати ярдов. Временами она исчезает среди зеленых крон деревьев, но затем снова появляется и весело бежит к белым бастионам.

Вокруг западной башни с громкими криками носились грачи. Как выяснилось, причиной птичьего переполоха стал садовник, который решил подровнять лужайку. Вот один из крылатых налетчиков выудил в срезанной траве первого весеннего червя и, ухватив его своим ярко-желтым клювом, взлетел с добычей на ветку яблони. Чуть выше устроился на суку крупный дрозд: запрокинув голову, он самозабвенно изливал душу в песне. Сбившись в шумные воинственные стаи, летали туда-сюда скворцы. Они беспрестанно посвистывали, переругивались и устраивали свалку из-за каждого зазевавшегося жука. Краткие моменты перемирия наступали лишь тогда, когда со стороны скворечников доносился сердитый, пронзительный писк. Тогда вся стая, миглом сплотившись, бросалась на помощь своим голодным неоперившимся отпрыскам.

Куранты на башне Йоркминстера пробили середину часа. К этому времени над многими крышами уже закурился дымок. Город постепенно просыпался и втягивался в привычное течение повседневной жизни. На улице появились первые велосипеды. И отовсюду — со всех концов города — плыл колокольные звон. На то

он и Йорк! Вы когда-нибудь видели средневековый город без колоколов? Здесь даже продажа угля сопровождается колокольным звоном!

Я достиг ворот Монк-Бар (тех самых, где застыли каменные человечки с камнями) и двинулся дальше в сторону Уэлмгейтских ворот — единственных, сохранивших в веках свой мощный барбакан. Забавно было видеть эти древние стены, украшенные современной антенной! Здесь, в самом романтическом здании Йорка живет, между прочим, офицер полиции. Далее следуют Виктория-Бар и Маклгейт, где на геральдических щитах мирно соседствуют английские львы и французские лилии. Затем я вышел к Таннерс-Моут. С этой точки открывается великолепный вид на Йоркский собор, чьи знаменитые башни гордо реют над городом. А белая стена изгибалась и вводила все дальше и дальше...

Я был чрезвычайно рад, что надумал прогуляться этим ранним апрельским утром. Замечательная вышла прогулка! Прекрасный, незабываемый город!

С наступлением темноты, когда уже отзвонили вечернюю стражу, я выхожу пройтись по городу. Удивительно, насколько Йорк привязан к старинного образца вывескам, раскачивающимся прямо над мостовой! Я поднимаюсь по Верхней Узгейт, прохожу мимо церкви Всех Святых, которая упоминается еще в Книге Судного дня. Помнится, в прежние времена в открытой башне церкви на ночь зажигали фонарь, дабы он служил путеводным светочем для бедняг, заплутавших в ужасном Галтресском лесу. Почему бы жителям Йорка не возродить этот славный обычай?

Затем я сворачиваю за угол и не могу сдержать улыбки при виде названия улицы — Уип-ма-Уоп-ма-гейт! Наверное, это самое забавное название во всей Англии. Переводится оно как «улица Бей-меня-Колоти-меня».

Если верить городским хроникам, то в старину здесь высился позорный столб, у которого выставляли преступников на всеобщее поругание. Еще несколько поворотов наугад — и я теряю всякую ориентацию. Как приятно заблудиться в ночном Йорке!

Уж не знаю, где я очутился — на Джаббергейт, Гудрэмгейт, Свайнгейт, Стоунбоу-лейн или на Шемблс. Да и какая разница? Все названия в равной степени ласкают слух. Если это действительно Шемблс, то где-то поблизости должны обретаться мясники (или флешеры, как их называют в Йорке). На протяжении пяти веков люди этой профессии — мясники и забойщики скота — торговали здесь своей продукцией. И по вечерам, закончив приборку в лавках, выплескивали целые ушаты воды, смешанной с окровавленными внутренностями животных, в широкий каменный желоб, проложенный прямо посередине мостовой.

Дома с выступающими верхними этажами напоминают сборище пузатых олдерменов, собравшихся обсудить важные дела. Они стоят так плотно, что местами заслоняют небо. Полагаю, если бы некий местный Ромео выглянул в окошко, он вполне мог бы поцеловать свою Джульетту, живущую на противоположной стороне улицы. Я иду по узенькой средневековой улице Мясников. Фонари отбрасывают причудливые тени, и мне кажется, будто вот сейчас из-за угла покажется Пистоль или капрал Ним...

Колокол на соборной башне пробил десять часов. Я отправляюсь в постель, улыбаясь при мысли, что засыпаю не где-нибудь, а внутри белых Йоркских стен. Мне нравится этот город. Нравится его архаичная красота, спокойствие и величие, а также тот неспешный ритм жизни, который Йорк сохраняет уже многие сотни лет. Я с нетерпением жду утра, когда снова увижу сияющие белые стены и яблони в цвету.

Полагаю, девять из десяти жителей Йорка живут и не обращают внимания на самый романтический звук в городе. Что касается меня, пришлого чужака, то я всякий раз с замиранием сердца жду этого мгновения. Если же случается так, что мои наручные часы спешат, и в назначенный час долгожданный звук не раздается, то я начинаю беспокоиться: выглядываю в окно, тревожно прислушиваюсь, пока не убеждаюсь — все в порядке, я его не пропустил.

Каждый вечер ровно в восемь часов мощный колокол на белой башне церкви Святого Михаила (на Спэрриергейт) отбивает вечернюю стражу. Кажется, будто старая каменная башня даже слегка накренилась, изнемогая под тяжестью ежедневных трудов. Этот обычай был заведен Вильгельмом Завоевателем много веков назад. И с тех пор на протяжении девятисот лет колокол звонил ежевечерне, если не считать перерыва на военные годы. По вине кайзера Вильгельма этот обычай ненадолго отменили, но затем колокольный звон снова был восстановлен в своих правах.

Он раздается в тот час, когда остальные Йоркские колокола уже дремлют, отдыхая от дневных трудов. И всякий раз, когда на город, как сейчас, спускается чудесный апрельский вечер — аромат цветущих садов, ни малейшего ветерка, и дымок тянется вертикально вверх в неподвижное весеннее небо — раздается низкий мелодичный звон. Колокол настойчиво звонит на протяжении двух или трех минут, как бы напоминая Йоркским детям, что пора отходить ко сну.

— Ну, да, — снисходительно улыбается представитель молодого поколения. — Традиции и все такое... Но вы забываете, что на дворе двадцатый век! Не знаю, не знаю. Лично я собираюсь в кино!

А церковный колокол все звонит, с непреклонностью умудренного жизнью старика.

В свой нынешний визит в Йорк я стал задумываться: интересно, а кто берет на себя эту ежевечернюю обязанность? Что это за человек? Как выглядит? И нравится ли ему его занятие? А вчера вечером меня вдруг осенило: как было бы здорово самому оказаться на его месте! Я представил, как потом говорю всем знакомым: «Как-то раз мне довелось отзвонить вечернюю стражу в Йорке!» Люди часто хвастаются и более глупыми достижениями. Думаю, на их фоне мой повод выглядел бы куда значительнее.

Так или иначе, я вышел в полвосьмого из гостиницы, проследовал по Спэрриергейт (улице Шпорников) и подошел к церкви Святого Михаила, которую местные жители и поныне кличут не иначе, как «церковью Завоевателя» — что поделать, у Йорка долгая память. Церковь в этот поздний час выглядела пустынной, по углам сгущались вечерние сумерки. Я постучался в дверь ризницы, и звук этот эхом отозвался в высоких церковных сводах. Ответа не последовало, и я вернулся в главный зал, где длинные ряды деревянных скамей смотрели на меня с оскорбленным видом чопорных старых дев. Выбрав одну, выглядевшую наименее возмущенной, я присел и стал дожидаться прихода звонаря. С каждой минутой в церкви становилось все темнее.

Без пяти минут восемь раздался резкий металлический звук — кто-то поворачивал металлическую ручку на дубовой двери, намереваясь войти в церковь. Затем послышался шум шагов по каменным плитам, и в проходе обозначилась фигура седовласого мужчины с матерчатой кепкой в руках. Я поднялся ему навстречу, и на мгновение мы оба замерли, с недоверием взирая друг на друга.

— Я пришел, чтобы вместо вас отзвонить вечернюю службу, — сообщил я.

— А что, вы звонарь? — поинтересовался он.

Деваться некуда, пришлось честно признаться:

— Нет, сэр. Тем не менее я подумал, что ваши коллеги не станут возражать, если...

— Дело не в этом, — прервал меня мужчина. — Но знаете ли, здешний колокол весит двенадцать хандредвейтов<sup>[5]</sup>. И если у вас нет привычки управляться с такими большими колоколами, то это может плохо кончиться. Веревка способна захлестнуться на горле и вздернуть вас на поперечную балку.

Он помолчал в задумчивости, а затем добавил:

— Мне бы не хотелось, чтобы вас оглушило... или случилось еще что похуже. Знаете, как-то раз...

Он начал подниматься на колокольню по крутой спиральной лестнице, я следовал за ним. По дороге старик рассказал мне душераздирающую историю о том, как один самонадеянный иностранец прикинулся профессиональным звонарем, и что из этого вышло. Веревка от огромного колокола обвилась у него вокруг горла и едва не лишила жизни! Но я, движимый тщеславием беспечного новичка, продолжал думать про себя: «Ничего, он приведет колокол в движение, а уж потом-то я, небось, как-нибудь да справлюсь».

Однако когда мы достигли самого верха колокольни, энтузиазма у меня заметно поубавилось. Вокруг царила зловещая тьма, и откуда-то сверху свисали толстенные веревки, напоминавшие мертвых змей. Мы молча стояли в ожидании назначенного момента. Наконец снаружи донесся бой курантов. С последним ударом часов звонарь взялся обеими руками за веревку и буквально бросился с нею на пол. В тот же миг раздался низкий, протяжный и сладостный звук:

— Динг-дон!

Колокольный звон поплыл над вечерним Йорком...

Увидев конструкцию в действии, я почувствовал, что решимость моя испарилась без следа. Увы, никогда мне не звонить вечернюю стражу! Проклятая веревка вела себя, как обезумевший боа-констриктор в камере пыток из ночного кошмара. Она извивалась, точно живая, металась по полу и время от времени с молниеносной быстротой выстреливала свободным концом куда-то в темноту. Глаз не успевал следить за ее перемещениями! Я вынужден был с прискорбием констатировать, что явно переоценил свои силы. Однако Джон Уилсон, йоркский звонарь, похоже, знал, как усмирить обезумевшую тварь. Пара искусных движений, и коварная веревка притихла в его руках. Теперь она двигалась легко и размеренно. Старик умудрялся манипулировать ею и одновременно поддерживать беседу со мной. Я поинтересовался, существуют ли какие-нибудь легенды, связанные с колоколом Йорка.

— В книжках-то вы, конечно, ничего не найдете, — отвечал мне мистер Уилсон, — но есть одна история, которую передают из поколения в поколение. Давным-давно, еще в Средние века, в нашем городе объявился человек, который на много лет вперед оплатил работу церковного колокола.

— Динг-дон! — подтвердил колокол.

— Понимаете, человек этот заплутал ночью в Галтресском лесу, который раньше начинался сразу за Бутэмскими воротами и тянулся на многие мили. А надо сказать, что в лесу тогда бродили волки, и ночевать там было совсем небезопасно. Несчастный бродил, не зная, в какую сторону свернуть, и совсем уж было отчаялся, но в этот миг услышал...

— Динг-дон! — вклинился колокол в рассказ.

— ...вот-вот, услышал колокольный звон, доносившийся из Йорка. Человек пошел на звук и вскоре добрался до Бутэмских ворот. Первый вопрос, который



он задал стражникам, был: «В какой церкви звонят?» Ну, те и рассказали: так мол и так, звонят в церкви Святого Михаила, что на улице Шпорников.

— Динг-дон! — гудел колокол, словно говоря: «Чистая правда! Именно так все и было, и случилось это за много лет до того, как вы появились на свет, даже тогда я был уже очень, очень старым!»

— Ну вот, — продолжал мистер Уилсон, — в благодарность за свое спасение человек этот оставил деньги, чтобы колокол звучал вечно и помогал другим странникам найти дорогу к воротам Йорка. Каждый вечер я прихожу сюда, чтобы отзвонить вечернюю стражу, и ежегодно получаю по десять фунтов из тех денег, которые оставил незнакомец...

— Динг-дон! — в последний раз прозвенел колокол; затем все стихло.

Я посмотрел вниз. Уличные фонари на Спэрриергейт показались мне тусклыми и какими-то унылыми. Никому, похоже, не было дела до старой церкви и ее колокола. Эхо только что отзвучавшего звона медленно плыло над аккуратными домиками с зелеными газонами — пригорода Йорка, раскинувшегося на том месте, где прежде шумел дремучий Галтресский лес!

Все здесь сейчас изменилось. Однако я знаю наверняка — и не пытайтесь меня в этом разубедить! — что седовласый Йорк сохранил верность своему прошлому.

Мы с мистером Уилсоном спустились вниз. Старик запер дверь, ведущую на колокольню, и лишь после этого продолжил свой рассказ.

— Я работаю звонарем уж тридцать лет, — сказал он, — и лишь однажды пропустил службу. Как-то раз перед праздником урожая я поехал в Тадкастер за цветами, и — можете себе представить? — пропустил обратный поезд!

В голосе старика слышалось подлинное отчаяние. Он пропустил поезд! Я представил, как он стоит на платформе пригородного поезда в Тадкастере — с охапкой осенних цветов в руках и со слезами на глазах. Ведь он знал, что «сегодня в Йорке не будет вечернего звона»!

— И лишь однажды я допустил грубейшую ошибку, сэр, — помолчав, признался звонарь. — Знаете, в довоенные годы у меня была привычка — после вечерней стражи я еще отбивал и день месяца. Так вот, как-то раз я стал звонить и обсчитался (уж не знаю, чем была занята моя глупая башка в тот вечер!) Выхожу я, значит, из церкви, а меня уж полицейский дожидается. «Ага, — говорит, — вы-то мне и нужны, мистер Уилсон! Что это вы звоните? По-вашему выходит, в этом месяце тридцать два дня. Так, что ли?»

Старик навесил замок на дубовые двери церкви, и мы с ним побрели по тускло освещенной Спэрриергейт.

— Мне кажется, сэр, что подобные штуки, — сказал он, кивнув в сторону колокольни, — очень важны. Я имею в виду: если человек оставляет деньги для того, чтобы что-то делалось вечно, то его наказ надо исполнять добросовестно. Так, как если бы он был жив и в любой момент мог прийти и проверить. Если хотите, можете назвать это чувством долга. И я горжусь, что честно исполняю свой долг. Доброй ночи, сэр...

Попрощавшись, он смешался с уличной толпой, и я быстро потерял из виду его матерчатую кепку. Звонарь, который на протяжении тридцати лет добросовестно исполняет приказ Вильгельма Завоевателя и завещание незнакомого человека, о котором не известно ничего, кроме того, что он хотел помочь другим людям.

Если вы заглянете на улицу Фоссгейт, то непременно увидите старую дверь, на которой начертана молитва «Да пошлет нам Бог удачу». За ней обнаружится мощный дворик, в котором стоит старинное здание с каменными ступеньками. Это Холл Йоркских торговцев — искателей приключений. В шестнадцатом веке, когда Йорк являлся центром суконной промышленности, здесь располагалась штаб-квартира исключительно богатой и могущественной гильдии торговцев шерстяными тканями. В некотором смысле йоркский Холл стал родоначальником большинства торговых компаний Англии: Лидс, Брэдфорд, Галифакс и Хаддерсфилд — все они зародились и получили путевку в жизнь в этих стенах.

Поднявшись по каменной лестнице и заплатив шесть пенсов на входе, вы тут же повстречаетесь с седовласой дамой, которая устроит вам обзорную экскурсию по зданию. Прислушайтесь к ее пояснениям! Буквально с первых же слов станет ясно, что женщина эта — не простой хранитель музея. Но тогда кто же она? И что здесь делает? Загадка! Возможно, это знатная дама, оказавшаяся в стесненных обстоятельствах и вынужденная таким образом зарабатывать себе на жизнь? Однако вскоре вы заметите, что, рассказывая о торговцах — искателях приключений, она всегда говорит не «они», а «мы». И в голосе ее слышится законная гордость — как если бы она сама принадлежала к этому славному племени!

Как ни удивительно, так оно и есть! Она является единственной женщиной в мире, представляющей старинную гильдию торговцев — искателей приключений. А также единственной женщиной — представительницей «ливрейной компании» Йорка. Ее имя — мисс Мод Селлерс, но в Йорке ее чаще называют просто доктор Мод. Звание «доктор» вполне

заслуженно, поскольку мисс Селлерс обладает ученой степенью в области литературы.

Но как же так вышло, что доктор Мод стала Йоркским торговцем — искателем приключений? Это не просто романтическая история, а еще и памятник научному энтузиазму.

Незадолго перед войной доктор Мод — уже тогда обладательница академических регалий — приехала в Йорк. Ее интересовала история местных торговцев — искателей приключений. На тот момент Мод Селлерс являлась признанным авторитетом в области английской средневековщины, специализировалась она на истории ранней коммерции.

Ей понадобилось совсем немного времени, чтобы уяснить: Йоркская гильдия торговцев — искателей приключений приказала долго жить. Она хорошо потрудились — за спиной у нее осталось множество славных деяний, но сейчас гильдия тихо умирала. В ее составе было всего лишь двадцать пять членов, а на балансе одно-единственное здание, со следами былой красоты, но находящееся в состоянии полного упадка. Доктор Мод спустилась в подвал и там увидела несколько бедно одетых старух: они собрались у камина, как делали это со времен Средневековья. Мисс Селлерс энергично взялась за дело: перевернула огромные дубовые сундуки, отыскала старые записи компании, отредактировала их и опубликовала.

Вот тогда-то все и случилось! Доктор Мод влюбилась в это старое здание и в умирающую компанию. Она стала разъезжать с лекциями по всему Йоркширу, знакомить людей с историей славной гильдии. И оставшиеся члены компании — по сути, двадцать пять пенсионеров — вдруг воспряли духом. Они и сами полезли в свои пыльные сундуки, и то, что они там обнаружили, переполнило их сердца законной гордостью. Ого, оказывается, они — обладатели

богатого и древнего наследия! Знаете, наши торговцы — искатели приключений оказались в роли заколдованного принца: спал, спал сотни лет, а тут проснулся и выяснил, что является наследником пышного титула. Пользы мало, но все равно греет душу.

Это доктор Мод заставила их вспомнить (и заново пережить) события давно минувших дней. Ее глазами они увидели, как их далекие предки плывут по Узу на маленьких лодочках. В трюмах дорогое сукно, которое они везут в далекий Гамбург. Увидели они также и схватки с конкурентами из Ганзейской лиги, в которые неоднократно приходилось вступать упрямым йоркширцам. И вот уже красные обветренные лица земляков мелькают на далеких зарубежных рынках. Так зарождалась коммерция на севере Англии: заморские походы Йоркских торговцев стали первым заграничным предприятием англичан.

Доктор Мод помогла жителям Йорка увидеть историю как непрерывную прямую линию — прошлое, настоящее, будущее. И тогда они сплотились вокруг этой женщины, сумевшей реанимировать их торговую славу. Она смогла так пронять бережливых йоркширцев, что те покряхтели и залезли к себе в карман — пожертвовали деньги на восстановление компании! Йоркцы снова стали гордиться своей принадлежностью к гильдии, за сравнительно короткий срок число членов выросло с двадцати пяти до шестидесяти одного человека.

И в один прекрасный день под старыми сводами Холла собрался торжественный конклав и постановил сделать доктора Мод действительным членом гильдии. Так Мод Селлерс стала единственной в мире женщиной — торговцем — искателем приключений.

Может показаться странным, что дама со степенью доктора литературы решила посвятить свою жизнь

бесконечным экскурсиям по старому дому. Неужели не скучно ежедневно пересказывать одни и те же истории малолетним школьникам и приезжим американцам? Я так прямо и спросил мисс Селлерс: не считает ли она свою жизнь загубленной?

— О боже, конечно же нет! С какой стати мне так считать? — удивилась она. — А что касается скуки, так я вообще никогда не скучаю. Это не в моем характере. Думаю, если бы я зарабатывала на жизнь содержанием рыбной лавки, то и тогда бы находила волнующие моменты в своей работе. Наверное, у меня очень уравновешенный тип мышления: мне все интересно, но ничто не задевает чрезмерно. Здесь передо мной проходит куча народа из всех уголков земного шара. У меня есть возможность путешествовать по миру, знакомиться с новыми местами и их обитателями. Меня, видите ли, очень интересуют люди. По сути, это мое хобби... Меня не могут не радовать успехи, которых мы здесь добились. Но я далека от того, чтобы преувеличивать свою роль. Одна, без помощи горожан, я бы ничего не достигла. Йорк — исключительно щедрый и великодушный город.

Беседа не могла отвлечь меня от осмотра великолепного старого здания, единственного сохранившегося в Англии средневекового Холла торговцев — искателей приключений. Глаза разбегались при виде старинных деревянных панелей, дубовых балок и разнообразных предметов, относящихся к работе древней торговой гильдии. Среди всего прочего я увидел весы, сделанные еще в 1790 году. Меня поразило тот факт, что торговый дом — производитель этих весов — существует и поныне. Более того, он до сих пор снабжает измерительной техникой Банк Англии! А доктор Мод поведала замечательную историю.

— Как-то раз, будучи проездом в Лондоне, я зашла в эту фирму и пожаловалась на свои весы, —

рассказывала она. — Служащие были очень любезны. Они принесли мне извинения и вызвались тут же устранить неисправность. «А когда вы приобрели свои весы?» — спросили они меня. Я ответила: «В 1790 году». Если они и удивились, то вида не подали. И, надо отдать им должное, они действительно отрегулировали мои весы, и с тех пор у нас нет с ними проблем...

Помимо своих прямых обязанностей, доктор Мод тратит много времени и сил на реставрацию старого Холла. Она постоянно что-то перестраивает и улучшает, стремясь вернуть зданию его средневековый вид. Наиболее удачной оказалась переделка подземных помещений. После того как рабочие убрали ряд перегородок, взгляду открылась чудесная просторная крипта с мощными дубовыми колоннами. За эту работу мисс Селлерс снискала самую горячую благодарность — причем не только членов гильдии и местных жителей, но и всех, кто заинтересован в сохранении исторического наследия Англии.

Возрожденная крипта заняла свое полноценное место в ряду достопримечательностей Йорка.

Мы как раз находились в подземной части здания, когда над головой у нас раздался оглушительный топот. Впечатление было такое, будто в Холл ворвался целый табун лошадей.

— О, мой бог! — встрепенулась доктор Мод. — Школьники! Я должна идти! Знаете, я никогда не пренебрегаю занятиями со школьниками. Дети — это подлинное чудо! Они способны так тонко чувствовать... и так живо представлять. Надо лишь найти правильный подход к ним. Извините, мне пора!

И она поспешно удалилась!

Полагаю, доктор Мод не одна такая у нас в стране. Многие ученые приезжают в самые удаленные уголки Англии, чтобы никогда уже не уехать. Их сердца

навсегда прикипают к какому-либо определенному месту или историческому воспоминанию. И мы можем только позавидовать этим людям, ибо они нашли свое место в жизни.

Доктор Мод живет в старом здании на Фоссгейт, которое некогда служило домом для самых удачливых и влиятельных купцов Йорка. Теперь она здесь одна — последняя представительница великой гильдии, оживляющая своим присутствием древние стены Холла. Школьники называют ее «дамой, которая все показывает», американские туристы — «гидом», а коллеги-единомышленники величают «почтенным хранителем». Однако все это не более чем имена. На самом же деле мисс Селлерс была и остается последним подлинным торговцем — искателем приключений.

И я подозреваю, что тихими лунными ночами, когда тени былых Йоркских купцов слетаются на родную Фоссгейт, они с удивлением взирают на доктора Мод и недоверчиво шепчут: «Последний торговец — искатель приключений — женщина!»

Очень хочется надеяться, что они по достоинству оценят самоотверженность и мужество этой женщины и снимут шляпу перед последним искателем приключений города Йорка!

#### 4

Что мы знаем о Дике Терпине? Семнадцатого апреля 1739 года этот человек взошел по ступеням виселицы и добрых полчаса беседовал со своим палачом. Потом, когда собравшаяся публика стала проявлять признаки беспокойства, он самостоятельно спрыгнул вниз — тем самым совершив прыжок в вечность, достойный джентльмена.



Камера, где некогда содержался Дик Терпин, не входит в число туристических аттракционов Йорка. Туда не водят посетителей — слишком много чести для беглого преступника! Я по собственному почину пришел в здание старой городской тюрьмы, вплотную примыкающее к Йоркским казармам. Уже много лет никто не использовал эти камеры по назначению, они постепенно ветшали, разрушались и в конце концов приобрели совсем уж мрачный вид. Только я было собирался войти внутрь, как из темноты раздался голос:

— Кошелек или жизнь?

Я так и застыл с поднятыми вверх руками.

Из мрака полуразрушенной темницы выскочил маленький мальчик с игрушечным пистолетом. С первого взгляда было видно, что сей юный джентльмен с утра не удосужился причесать свои вихры и помыть коленки. Моя реакция, похоже, поставила его в тупик. Мальчишка настолько не ожидал, что один из этих здоровенных, непонятных и нелогичных взрослых, которые время от времени возникали на его пути, поведет себя, как нормальный ребенок, что мигом утратил вкус к игре. Он перестал в меня целиться и даже выпустил из рук пистолет, который повис на куске бечевки, трижды обмотанной вокруг пояса.

— Ага, вот ты и попался! — воскликнул я, прихватывая его за светло-русый вихор. — А все потому, что допустил ошибку, непростительную для разбойника с большой дороги! Ну, признавайся: как тебя звать?

— Дик Терпин! — ухмыльнулся мальчишка.

— Да будет тебе известно, Дик Терпин, что я собираюсь тебя повесить!

— Да ну? — с радостной улыбкой переспросил «разбойник».

В этот миг из темного закутка выскочил еще один мальчонка и закричал:

— Он все врет! Это я Дик Терпин...

— А вот и не вру! Мы договорились, что ты будешь Черной Бесс! — парировал мой знакомец.

Между обоими «Терпинами» завязался яростный спор, вновь защелкали, затарахтели игрушечные пистолеты. Но тут одному из соперников пришла в голову счастливая мысль похвастаться передо мной спрятанными сокровищами, и распря моментально была забыта. Как я мог отказаться от столь великодушного предложения? И мы гуськом двинулись в обход тюремной стены — на цыпочках, крадучись, время от времени отстреливаясь от невидимых пиратов, которые, по-видимому, преследовали нашу маленькую экспедицию. Наконец мои провожатые остановились перед солидной глыбой плитняка, закрывавшей отверстие в стене. Совместными усилиями мы отодвинули камень в сторону. Внутри и вправду обнаружился тайник, из которого были извлечены следующие предметы: спичечный коробок, несколько довольно симпатичных гладких камешков и небольшое количество блестящей фольги.

— Это золото! — шепотом сообщили мне мальчишки.

Я, в свою очередь, признался, что давненько не видал такой кучи золота — пожалуй, с тех пор, как мы с сэром Фрэнсисом Дрейком орудовали в Панаме. Да, были времена! Как сейчас помню: мы дотла сожгли Сан-Диего и возвращались домой с серебряными подсвечниками, прикрепленными к мачтам корабля!

По счастью — а вы ведь знаете, как трудно прервать затянувшуюся мальчишескую игру, — в этот миг раздался громкий женский голос:

— Уилли!

Существует много способов прокричать коротенькое слово «Уилли». Можно вложить в него любовь, тревогу, печаль... Но в этом голосе не чувствовалось ничего подобного — лишь нетерпеливое желание поскорее узнать, куда же запропастился Уилли. Да еще

раздражение из-за того, что этот самый Уилли сделал (или, наоборот, не сделал). Как бы то ни было, но на обоих моих разбойников зов произвел поистине магическое воздействие. Мальчишки замерли на месте, выпучив глаза и забыв закрыть рты. Еще мгновение, и они бросились наутек, подобно парочке перепуганных кроликов.

Если восьми- или десятилетний мальчишка снисходит до того, что включает меня в свою игру, лично я воспринимаю это как комплимент. Мне видится бесконечно ценной возможность хоть ненадолго, пусть всего лишь на минутку, заглянуть в волшебный мир детской фантазии. Вновь очутиться в сказочной стране, где по капустной грядке проложена кровавая тропа войны, где прямо из-за угла выплывают испанские галеоны, а по пятам крадутся кровожадные индейцы.

Как же повезло мальчишкам из Йоркских казарм, у которых под боком столь заманчивое место для игры — старое здание тюрьмы с сырыми коридорами и темными заплесневелыми камерами. И как, должно быть, их матери благословляют незабвенного Дика Терпина в дни стирки, когда пользуются возможностью хоть на время выпроводить непоседливых отроков из дома.

Со своей стороны, я очень рад, что двое моих Терпинов из Йоркской тюрьмы, скорее всего, никогда не прочтут этой книги. Не слишком-то приятно разрушать мальчишеские иллюзии!

Если говорить о реальном Дике Терпине, то мне придется разочаровать читателей: он, конечно же, никогда не скакал, сломя голову, из Лондона в Йорк, да и лошади по кличке Черная Бесс у него не было. И, что еще важнее, не было за спиной всех тех героических деяний, которые приписывает ему народная молва. Просто ни единого проблеска героизма и романтики! Дик Терпин был обычным разбойником и конокрадом,

который грабил своих же земляков и при этом не гнушался самых подлых приемов.

Я говорю так отнюдь не из моралистических соображений. Поверьте, моему сердцу тоже мил романтический образ благородного разбойника. Я восхищаюсь им не меньше какой-нибудь средневековой рыночной торговли. Взять хотя бы Клода Дюваля! Вот подлинная артистическая натура, не чуждая юмора и высоких порывов. Полагаю, многие его жертвы чувствовали себя польщенными, распростившись с собственным кошельком. Чего только стоит эпизод с ограблением на Хаунслоу-Хит! Просто картинка из приключенческого романа: полночь, безлюдная пустошь, тут же стоит разоренный экипаж, а Клод Дюваль предлагает даме — жене ограбленного путника — потанцевать с ним при свете луны. Я живо представляю себе, как все это происходило: галантный поклон, приглашение на танец, дама очарована, она не в силах отказать молодому привлекательному разбойнику. И вот они уже движутся — сближаются, расходятся, изящно приседают. Дюваль вполголоса мурлычет прелестную мелодию, написанную для спинета; в одной руке он сжимает заряженный пистолет; демонический взгляд устремлен на даму, а все же нет-нет, да и метнется на пустынную дорогу за ее спиной. Подобная идея никогда не могла бы прийти в голову недалекому Дику Терпину.

Своим бессмертием он обязан Гаррисону Эйнсворту. Если бы не литературное мастерство этого джентльмена, мир никогда бы не узнал о лошади по кличке Черная Бесс, а имя самого Терпина бесследно затерялось бы на страницах полицейских протоколов. Что касается безумной скачки в Йорк, то, как пишет мистер Чарльз Харпер в своей книге «Великая Северная дорога», она действительно случилась, но не имела никакого отношения к Дику Терпину. Подлинным героем этой истории являлся Джон Невинсон, и он — в полном

соответствии с благородной традицией Робин Гуда — грабил богатых и помогал бедным. Мне рассказывали, что в йоркширских деревнях до сих пор с благодарностью вспоминают этого человека.

И путь, который тогда пришлось проделать Невинсону, был гораздо длиннее, чем переезд из Лондона в Йорк, приписываемый Дику Терпину. На самом деле он выехал из Чатэма, и покрыл расстояние в двести тридцать миль (а именно столько от Чатэма до Йорка) за пятнадцать часов. Таким образом получается, что в среднем он проделывал по пятнадцать миль в час, а для того времени это считалось фантастической скоростью. Но что же толкнуло Джона Невинсона на такую сумасшедшую скачку?

А дело было так. Ранним майским утром 1676 года — то есть более чем за пятьдесят лет до фиктивного рекорда Терпина — Невинсон ограбил некоего человека, ехавшего из Чатэма в Гэдсхилл. Наш разбойник нуждался в надежном алиби, и вот тогда-то в мозгу его зародилась безумная идея. Невинсон развернул коня и помчался в направлении Йорка!

Он пересек Темзу где-то возле Грейвсенда, миновал Тилбери и продолжал скакать до городка с названием Челмсфорд. Здесь Невинсон остановился на полчаса, чтобы дать немного отдохнуть взмыленному коню, и снова продолжил путь. Он проехал Кембридж и добрался до Хантингдона, где устроил себе еще одну получасовую передышку. После этого он безостановочно скакал до самого Йорка, куда добрался уже под вечер. Невинсон старался передвигаться по проселочным дорогам и, надо думать, по пути не раз заглядывал к знакомым фермерам, чтобы разжиться свежей лошадью.

Добравшись до Йорка, Невинсон сразу же отправился к себе домой, где переоделся в чистое платье и в таком виде неторопливо двинулся к ближайшему полю для игры в шары. Здесь как раз

находился лорд-мэр Йорка, который отдыхал в обществе друзей. Невинсон как бы невзначай приблизился к играющим и поинтересовался, который час. Было без четверти восемь.

Позже, когда Невинсона арестовали по подозрению в ограблении, свидетели с готовностью подтвердили, что видели его в это время в Йорке. А поскольку никому и в голову не пришло, что человек может в один и тот же день находиться и в Чатэме, и в Йорке, то Невинсона оправдали.

Такова истинная история безумной скачки в Йорк, и несомненно, именно она вдохновила Эйнсворта на создание известного литературного эпизода.

Я разыскал-таки камеру Терпина, которая оказалась сырым полуподвальным помещением. Она производила отталкивающее впечатление. Думаю, любой здравомыслящий человек (если только он не агент по продаже и аренде недвижимости) охарактеризовал бы ее коротким и экспрессивным словечком: «Ужас!»

На обратном пути я повстречал своих давешних Диков Терпинов: неестественно чистые и присмирившие, уже без пистолетов, они чинно вышагивали рядом с матерью.

## 5

Мой друг Билл, который постоянно пользуется поездами, согласованными с пароходным расписанием, однажды сказал: «Локомотивы — одушевленные существа. Они похожи на женщин: тоже хотят, чтобы их холили и лелеяли».

Если это правда, то за белыми стенами Йорка расположен самый настоящий железнодорожный рай. Здесь, в паровозных депо, поезда любят, холят и

лелеют. Загляните в одно из этих заведений! Количество любви и заботы, которое ежедневно, год за годом, изливается здесь на поезда, таково, что ревнивые жены машинистов взвыли бы от зависти.

Железная дорога является главным работодателем для Йоркских мужчин, точно так же, как шоколадная фабрика выполняет ту же функцию для женщин. Йорк играет роль важнейшего транспортного центра английского Севера. Здесь, на огромном Йоркском вокзале, сходятся тысячи путей сообщения. Словно нити, пропущенные через кольцо, они собираются вместе, а затем разбегаются во всех направлениях, к самым отдаленным уголкам земли. Для многих тысяч людей Йорк (как и Карлайл) — не более чем грохот молочных бидонов, которые ранним утром сгружают на холодную платформу. В некотором смысле йоркский вокзал более знаменит, чем кафедральный собор Йоркминстер.

Изогнутые платформы Йорка представляют собой несомненный интерес для любого, кто интересуется железнодорожным транспортом. Они имеют свое неповторимое лицо. Если лондонские вокзалы встречают вас неизменно-жизнерадостным «Итак, мы прибываем!», то здесь вы, скорее, услышите бесконечно усталое «Привет, вот и Йорк!» и сразу же звук поспешно удаляющихся шагов — народ спешит в станционный буфет, который работает ночь напролет.

Для Йоркского вокзала характерны усталые, воспаленные глаза и удрученные разговоры. Даже болтливые оптимисты, которые в Питерборо сияют улыбками, к моменту прибытия в Йорк превращаются в угрюмых мизантропов и всерьез обдумывают, кого бы лучше убить. Все книги прочитаны, от просмотренных рекламных проспектов уже рябит в глазах. Йоркский вокзал — бесконечная череда лиц. Вот идет толпа пассажиров первого класса (вагон для некурящих) —

несчастных измотанных старушек, закутанных в клетчатые шали. А рядом с ними колышется море рыжих абердинских голов. Ах, эти кроткие улыбки — так улыбаться умеют только шотландцы! Очень скоро эти неунывающие острословы двинутся на перекладных дальше — в свой любимый гранитный «до-ом».

Самые невероятные поезда приходят на йоркский вокзал. Здесь можно увидеть надпись на вагоне «Йовил» или, еще того лучше, «Дорчестер». И остается лишь гадать, каким непостижимым образом они попали сюда, на север Англии. Диковинный топографический винегрет из «Пензанса», «Тонтона», «Бристоля», «Оксфорда» и «Донкастера», похоже, является привычным блюдом для станционных служащих. Они всех гостеприимно приветствуют под стеклянными сводами вокзала.

На платформах Йоркского вокзала разыгрывается вечная комедия жизни. Но мне хочется пригласить вас на задворки этой сцены — в паровозные депо, где вы познакомитесь с подлинной драмой. Именно сюда стремятся все локомотивы, эти огромные железные «леди», которые ждут, чтобы их холили и лелеяли. Их встречают люди с покрасневшими от угольной пыли глазами и почерневшими от копоти лицами. Именно они своими руками в промасленных рукавицах ощупают и огладят наших привередливых красавиц, наведут на них лоск, прежде чем выпустить в дальнейший путь.

Здесь, в Йорке, транзитные поезда меняют локомотивы. Депо № 4 представляет собой огромный учебный плац, на котором собрались целые роты зеленых великанов. В самом центре находится поворотный круг, а вокруг него — подобно спицам в колесе — расположились десятки паровозов. Они нетерпеливо пыhtят (и вправду как живые), дожидаясь своей очереди — чтобы поскорее пройти этот круг и выйти на ночную работу.



Позади 4-го депо стоит депо № 3, в котором обслуживается техника попроще. И, наконец, депо № 1, куда загоняют и вовсе мелкие, неказистые паровозики. Время от времени здесь появляется допотопная машина не поддающейся опознанию категории — с медным колпаком, напоминающим блестящие шлемы пожарников, и с высоченной дымовой трубой. Даже местные старожилы пренебрежительно фыркают, поглядывая в сторону нелепого пришельца.

— Ну и ну! — шипят одни с презрением. — И кто же выпустил это чудовище из музея?

— Как там поживает мистер Стефенсон, дорогуша? — издеваются другие.

И все обитатели депо № 1 закатываются язвительным смехом.

Да уж, местная публика не чета зеленым олимпийцам из 4-го депо! Те-то красавцы хоть куда: начищенные бока сверкают, новенькие шатуны поблескивают от свежей смазки, топки забиты первоклассным углем, бойлерные трубы чистенькие, как свисток. Им и в голову не придет опускаться до злословия и перемывания чужих косточек, которым развлекаются сплетники из соседнего депо. Защищенные своим неоспоримым превосходством, они напоминают гвардейцев на общевойсковом параде.

Со всех сторон их окружает пропахший дымом и маслом полумрак депо. Олимпийцы терпеливо ждут своего часа — изящные, как скаковые лошади; мощные, как породистые рысаки; чуткие и покладистые, как женщины. Они выжидающе поглядывают в сторону человека возле пылающей топки и уносятся мыслями к далеким городам. Впереди их ждут Лондон и Шеффилд, Ньюкасл и Манчестер. Они тихонько урчат, как закипающий чайник, и пропускают мимо ушей сторонние разговоры.

А соседки все не унимаются.

— Нет, вы видели этот «Пасифик» с наружными подшипниками? Совершенно дурацкий вид! На его месте я бы постыдилась...

— А вы слышали, что сказал ремонтный вагон Поклингтонскому поезду?

— Нет! — с жадным возбуждением. — А что?

— Ах, не будь я такой воспитанной леди (вы же знаете, однажды мне довелось побывать на пригородном вокзале Кингс-Кросс?)... ну, да ладно, скажу. Это касается поезда «семь — шестнадцать», который вез Кубок в Лондон. Только смотрите, дорогуша, никому не повторяйте...

Тихие, завистливые перешептывания смолкают, когда из 4-го депо доносится резкий металлический скрежет. Это ожил один из олимпийцев — огромный локомотив Z-типа. Он двинулся к поворотному кругу, немного потоптался, а затем рванулся на освободившийся путь. «Прощайте! — прокричал он оставшимся. — Вперед, на Шеффилд!» И устремился в ночную темноту — туда, где призывно помигивали зеленые огни, и разматывалась стальная лента рельсов...

В полутемном депо царило молчание, которое нарушалось лишь потрескиванием угля в топке. Медленно тянулись минуты, складываясь в часы. Затем откуда-то издалека донесся низкий гудок и нарастающий стук колес. Все ближе, ближе... И вот — словно вспышка метеорита! — по главному пути промчался огромный зеленый «Пасифик». Оглушительный шум, стремительное мелькание освещенных окон. И снова все стихло. Наверное, по контрасту, тишина кажется еще глубже; темнота — еще чернее.

И тут один из олимпийцев не выдерживает.

— Едет на Кингс-Кросс и опаздывает на целых шесть минут! — возмущается он. — Клянусь моими шатунами...

— Ну, уж ты-то с твоими шатунами никогда не бывал на Кингс-Кросс, — мягко осаживает глубокий бас.

Все молчат, не возражают. Никто не смеет оспаривать мнение уважаемого «Пасифика»!

Никто, за исключением старого обшарпанного состава, который самым нахальным образом вмешивается в беседу небожителей.

— Пикш-пикш-пикш... Пикша-и-камбала... Пикша-и-камбала... Пикша-и-камбала! — сиплый, астматический гудок оглашает ночную тишину, когда неказистый поезд проезжает мимо депо № 4.

В город привезли рыбу из Халла!

Зеленые олимпийцы один за другим проходят поворотный круг и покидают депо. В этот миг они напоминают стальных рыцарей, отправляющихся на поиски приключений. Некоторым из них предстоит увидеть, как поднимается солнце над голубыми холмами Шотландии. Другие, наоборот, устремятся на юг, увозя в своих недрах мужчин, женщин и множество различных товаров. Но куда бы ни направлялись поезда, во главе их всегда будет стоять самый важный человек — тот самый, который холит и лелеет своих подопечных. Этот человек с грубым, покрасневшим от жара паровозной топки лицом стоит в головной кабине и ловко управляется с целой кучей металлических рычагов и манометров. В то же время его помощник, перегнувшись через поручни, зорко смотрит вперед — туда, где извивается стальная лента дороги...

— Если хотите, чтоб все было хорошо, — скажет любой начальник станции, — то есть никаких аварий, расследований и прочих неприятностей, никогда не разлучайте машиниста с его локомотивом.

А еще в Йорке есть мертвая станция.

Сегодня к ее платформам не прибывают поезда, по мощеным дорожкам не проходят люди. Чтобы взглянуть

на нее, достаточно взобраться на стену напротив действующего вокзала. Посмотрите вниз, и прямо позади безобразного мемориала сэра Эдвина Лютиенса вы увидите мертвую станцию, о которой я говорю. В прошлом, когда Йорк играл роль конечного пункта назначения, здесь кипела оживленная жизнь — это была главная железнодорожная станция города. По этим булыжникам прохаживался Чарльз Диккенс и другие знаменитые англичане. В викторианскую эпоху, если нашим предкам зачем-то требовалось попасть в Шотландию, то они поступали именно таким образом: доезжали на поезде до Йорка, а отсюда уже на экипажах отправлялись на север.

Движимый любопытством, я пришел на заброшенную станцию. Мне хотелось увидеть все собственными глазами. Здесь царили упадок и запустение. Маленький, непритязательный вокзал, на котором гуляли неизбежные сквозняки. Звук ветра живо напомнил мне шорох старомодных кринолинов. Я почти уверен, что в полночь на день рождения Джорджа Стефенсона на станции появляется призрачный поезд с шестифутовой дымовой трубой. Поблескивая пузатыми боками, он медленно вползает на платформу, и встречать его выходит целая толпа привидений.

Однако остальное время здесь ничего не происходит. Мертвый покой, который царит на старой станции, лишь изредка нарушает прилетевший издалека гудок скорого поезда, который уже через четыре часа будет в Лондоне.

## 6

Накануне своего отъезда из Йорка я разгадал самую главную тайну этого города (во всяком случае она интриговала меня больше всего).

Дело в том, что старый, средневековый Йорк в определенные моменты превращался в место нашествия милых, юных и очень современных девушек. Они всегда появлялись внезапно: только что их не было — и вдруг они запрудили все улицы. Мне никогда не удавалось проследить, каким образом это происходит. Просто в какой-то миг я осознавал, что девичья волна нахлынула — беспощадная и неотвратимая, как морской прилив.

Основным местом проведения парадов служит Кони-стрит, или Кроличья. Между прочим, улица эта не имеет никакого отношения к кроликам, а ее название является искаженным Конинг-стрит, то есть Королевской дорогой (или *via regia* на латыни). Это главная торговая улица Йорка, и в обычное время она не представляет особого интереса. Днем здесь не слишком многолюдно, глазу не за что зацепиться. Ну, разве что неспешно пройдет парочка отставных полковников в брюках гольф (как правило, они увлеченно беседуют и производят при этом столько шума, сколько и целой гвардейской бригаде не произвести). Или же промелькнет прелестная йоркширская девушка в твидовом костюмчике с двумя терьерами на поводке. Но ближе к вечеру Кони-стрит совершенно преображается: ее заполняют тысячи и тысячи симпатичных миниатюрных девушек.

Это работницы Йоркской шоколадной фабрики.

Попробуйте доехать до окраины города и выйти на конечной остановке трамвая. На вас обрушится такой густой одуряющий запах горячего шоколада, что немедленно сведет челюсти. Если кто и чувствует себя нормально в подобной обстановке, так это дети. Но даже эти маленькие сорванцы делаются задумчивыми и беспрестанно облизывают губы. По обеим сторонам от дороги тянутся огромные фабричные здания в окружении цветущих садов и площадок для отдыха. Это царство современной рациональной архитектуры с явным привкусом кубизма.

Обилие простора и зелени не может не радовать. Я вспоминаю одного моего знакомого из Шеффилда (неисправимого оптимиста), который доказывал, что именно так и будет выглядеть его родной город в далеком, неопределенном будущем.

Этот огромный производственный комбинат, где трудятся три тысячи мужчин и почти четыре тысячи женщин, является одной из достопримечательностей Йорка. Американцы обязательно приезжают сюда на экскурсию после знакомства с кафедральным собором. Всего же за год комбинат посещают свыше сорока тысяч туристов. Прямо с улицы вы попадаете в просторный холл, где вас радушно встречают служащие компании. После традиционных рукопожатий они ведут вас в своеобразный музей, где в старых банках из-под масла произрастают какао-бобы и ваниль.

Затем появляется очаровательная девушка в коричневой униформе, которая любезно приглашает на обзорную экскурсию. Итак, в ближайшие два часа вам предстоит собственными глазами увидеть, как делают шоколад.

Прежде всего вы оказываетесь в помещении с огромными воронками, куда засыпают древесные опилки. К сожалению, я запомнил, сколько именно тонн опилок ежедневно поступает с лесопилки. Помню только, что идут они на растопку.

Следующий на очереди столярный цех, где производят тару для транспортировки уже готовой продукции. Здесь я осознал, что наш мир вполне заслужил наказание зубной болью, ибо потребление шоколада превосходит всякие разумные пределы! В этом цеху производят даже не сотни, а многие тысячи упаковочных клеток самых различных размеров и конфигураций. Тонкие фанерные ящики служат для доставки в пределах Англии; толстые деревянные — для дальних путешествий в такие места, как Брисбен,

Торонто и даже Сьерра-Леоне (жителей которого трудно заподозрить в любви к шоколаду). Воистину, жизнь не перестает удивлять нас своими сюрпризами!

Далее моя провожатая в коричневом мундирчике повела меня по широким светлым коридорам, по стенам которых были развешаны горшки с роскошными папоротниками. Путь оказался неблизкий, мы прошли, наверное, несколько миль. Время от времени нас обгоняли люди на самодвижущихся тележках, девушки в белых халатах выпархивали из одних дверей и скрывались за другими. Здесь тоже гуляли различные запахи — от самых тяжелых, крупнокалиберных запахов кофе до легких, изысканных ароматов лимонного конфитюра. Просто поразительно, как работники комбината выдерживают столь массивную атаку на их обонятельные рецепторы! Наверное, за долгие годы работы у них выработался своеобразный иммунитет. Думается, если бы они — упаси Боже! — внезапно ослепли, то прекрасно смогли бы ориентироваться в этих бесконечных коридорах при помощи своего носа.

Мы вошли в длинную светлую комнату, и вот здесь-то мне наконец открылась тайна Кони-стрит. Я понял, откуда берутся (и куда скрываются) девичьи толпы на улицах Йорка. Сотни милостивых девушек в опрятных халатиках и белых шапочках на головах сидели за столами и очень ловко собирали коробочки для шоколада. У меня просто глаза разбежались от такого количества юных сосредоточенных лиц. А ведь за этой огромной комнатой располагались другие, тоже полные девушек-сборщиц. Все они за работой напевали.

Я выяснил, что нарядные — серебро с золотом — коробки с шоколадом, которые мужчины обычно дарят возлюбленным перед свадьбой, оформляются обязательно вручную. Доверяют это наиболее опытным и способным работницам: девушки вырезают узоры из цветной бумаги и аккуратно наклеивают на

заготовленные коробочки. А товар попроще — те шоколадные наборы, которые мужья дарят супругам — собираются бездушными машинами. Я видел, как работает этот конвейер: блестящие стальные рычаги двигаются, повторяя одну и ту же операцию, воспроизводя один и тот же рисунок — ничего не меняя и никогда не ошибаясь. Другие машины (столь же точные и непогрешимые) берут своими механическими пальцами нужную этикетку и мягко нашлепывают ее на банку с шоколадом. И так час за часом. Я специально наблюдал, надеясь заметить хоть один сбой в работе. Бесполезно! Они никогда не ошибаются, не давая человеку пожалеть их и полюбить.

Затем мне показали спортивный зал, где работающие девушки поправляют здоровье. Там я застал специального штатного психолога, он о чем-то беседовал с врачом в белом медицинском халате. Как выяснилось, они ожидали прибытия служащего из городского отдела здравоохранения. Боже мой, подумалось мне, сколько важных специалистов стоит за каждой плиткой шоколада!

Девушка вела меня дальше по коридору, демонстрируя все новые чудеса. За время экскурсии я увидел столько всего, что в конце концов начисто утратил способность удивляться. Мне показалось, что мой пресыщенный мозг и сам превратился в глыбу засахаренного марципана. Здесь все работало безукоризненно, придраться было не к чему! В числе прочего я увидел железнодорожные рельсы, на которых стоял небольшой состав. Он ежедневно отправляется в путь, развозя продукцию комбината по всем уголкам страны. Мы прошли мимо прекрасного цветущего розария и просторной светлой столовой. Затем заглянули на огромный склад, где работники таможи трудились бок о бок со складскими рабочими. Я собственными глазами увидел тысячи мешков какао-



бобов, тонны сахара и карамели. Девушка-экскурсовод ловко сновала по этим лабиринтам, попутно сообщая мне кучу статистических данных.

— Замечательно! — похвалил я, ничуть не покривив душой. — Но расскажите мне о работницах вашей фабрики. Мне интересно, например, на что они тратят заработанные деньги.

— О, некоторые помогают своим матерям.

— Некоторые? А большая часть скупает шелковые чулки и шляпки?

— Ну, — замялась девушка (видно было, как любовь к истине борется в ней с профессиональной лояльностью). — Возможно, что и так.

Видя ее замешательство, я счел за благо не развивать данную тему.

Едва ли не самое большое впечатление на меня произвела огромная, устроенная исключительно по науке раздевалка. Здесь работали вентиляторы, крючки для одежды были прибиты на одинаковом (очевидно, строго рассчитанном) расстоянии. На них висели сотни маленьких разноцветных шляпок — синих, красных, зеленых, желтоватых и черных, а под ними сотни маленьких синих, красных, зеленых, желтоватых и черных бархатных жакетов. Все они ожидали, когда их хозяйки закончат работать и отправятся на свой ежедневный променад по Кони-стрит...

Сейчас я не берусь вспомнить, как это произошло и когда... Но могу засвидетельствовать: это был волнующий миг. Проходя мимо стеклянной двери, я случайно заглянул внутрь и увидел шоколад! Огромный кусок шоколада плыл по конвейерной ленте, направляясь в двадцать шесть цехов, где его обработают, расфасуют, упакуют и отошлют на потребу неизвестным лакомкам.

— Смотрите! — закричал я. — Шоколад!

Мой энтузиазм вызвал ответную реакцию у девушки. Она уже приготовилась распахнуть передо мной очередные двери, но тут я сломался. Мои бедные мозги отказывались впитывать новые впечатления, а от запаха горячего шоколада меня уже ощутимо подташнивало. Поэтому я поблагодарил за интересную экскурсию и поспешил ретироваться.

## 7

Перед отъездом я решил попрощаться с Йорком. А для этого поступил так же, как большинство туристов: поднялся на самый верх кафедрального собора Святого Петра. Подъем, кстати, оказался не слишком тяжелым. Так что я даже не запыхался, когда оказался на широкой, продуваемой всеми ветрами крыше собора. Перегнувшись через балюстраду, я увидел далеко внизу зеленые поля, тянувшиеся почти до горизонта. Местами они перемежались темнеющими лесами. Все вместе это составляло Йоркскую равнину.

В лучах апрельского солнца она выглядела особенно тучной и процветающей. Сады настоятеля утопали в цвету, над персиковыми деревьями летали грачи. Временами они сбивались в стаи и тогда своими крыльями закрывали едва ли не пол-акра земли.

С одной стороны передо мной открывалась великолепная панорама на Йоркские крыши. Море красной черепицы с торчащими вверх трубами. Над каждой трубой вьется дымок. Абсолютно средневековая картинка! Общее расположение улиц тоже наводило на мысль о Средних веках. Хотя, наверное, и при римлянах Йорк выглядел так же — беспорядочное скопление домов под красной черепицей. В ту пору это был великий город — римская столица под названием Эборак. Я припомнил, что двое из римских цезарей

умерли в Йорке. И что Константин Великий именно здесь был провозглашен императором. Если б эти поля умели говорить, они поведали бы нам о событиях почти двухтысячелетней давности — как маршировали легионы, выкликая имя нового цезаря, властелина Римского мира.

Я долго стоял, разглядывая зеленую долину и собиравшиеся в ее дальнем конце облака.

## Глава четвертая

# Британский курорт: Харрогит

*Я встречаю необычного секретаря городского совета, принимаю грязевую ванну в Харрогите, слушаю рассказ жителя Нэйрсборо о матушке Шиптон, а затем попадаю в Рипон и наслаждаюсь звуками саксонского горна на рыночной площади.*

### 1

В Йоркшире множество маленьких старинных городков, которые живут, словно погруженные в непреходящую полуденную дрему, и дожидаются своей Джейн Остин.

Очки местного викария ярко поблескивают на солнце, когда он — чинный и серьезный — катит мимо на велосипеде. Церковные колокола добросовестно отмеряют каждую четверть часа — будто это имеет какое-то значение! И фермеры... Они собираются кучками на импровизированном овечьем рынке, стоят, живописно облокотившись на загородки, обсуждают выставленный товар. Или же, тяжело ступая по мощеной мостовой, неспешно шагают в пивную «Гнедая кобыла».

Сквозь матовые стекла заведения нет-нет да и мелькнет огненно-рыжая головка местной барменши. Вот она подошла к окну и приветственно помахала симпатичному прохожему, клерку акционерной компании. У здешнего полицейского немного работы. Всегда есть время остановиться поболтать с кем-нибудь из местных жителей. Сейчас он как раз обсуждает текущие дела с одним из старейших обитателей городка.

Что касается этого почтенного старца, то он большую часть дня проводит на углу пивной: стоит себе, опершись на суковатую палку, и внимательно разглядывает прохожих с целью вовремя выявить приезжего чужака и проводить его неодобрительным взглядом. А ну, как тот стащит здание ратуши или крест на базарной площади! Изредка проедет на велосипеде строгая и важная матрона, которая никогда в жизни не демонстрировала (и не продемонстрирует!) окружающему миру свои коленки.

Иногда по главной улице проходит стадо коров с маленьким пастушком в арьергарде. Или же забредет целая отара овец — сплошная серая лавина — покорная, меланхоличная, она медленно движется, цокая копытцами по булыжной мостовой и оглашая округу мемеканьем. Рядом всегда трусит маленькая энергичная колли, которая зорко следит за порядком.

Огромные мятные конфеты пылятся в стеклянных банках на витрине кондитерской лавки. В глазах начальницы почтового отделения застыла мудрость прошедших веков. Местный шорник выглядит так, будто на заднем дворе у него стоит собственный кадиллак; а оружейных дел мастера можно принять за майора.

На всем лежит печать векового покоя и скуки. Так и хочется из чистого озорства нарушить это безмятежное спокойствие! Например, зайти на почту и отправить телеграмму-«молнию» в Букингемский дворец. А затем выйти и опрометью броситься на окраину городка. Бьюсь об заклад: вы добежите как раз вовремя, чтобы услышать сенсационные новости о своем поступке. Что, тайна почтовых отправок? Но человеческая натура сильнее правил Почтового ведомства. К тому же здесь такая тоска... Любое отступление от правил становится событием.

Вот на главной улице показалась изящная гнедая кобыла с белой звездой во лбу. На спине у нее сидит

маленький грум в коротких серых сапожках. Лошадка легко выступает на тонких ногах, помахивая пышным хвостом, который водопадом струится на ветру. Время от времени она вскидывает породистую узкую морду, и тогда раздается едва слышное позвякивание уздечки. Жизнь в городке ненадолго замирает — все оставляют свои дела и следят за этой живописной парочкой.

Я поинтересовался, где можно найти секретаря городского совета, и бдительный старик тут же отправил меня к стоявшему возле церкви особнячку в георгианском стиле. На нем белыми буквами по черному стеклу красовалась надпись: «Мистер Э. Б. Бланк, адвокат, уполномоченный нотариус».

На первом этаже я застал молодого человека с торчащими во все стороны рыжими вихрами. Сидя на высоком табурете, он что-то старательно писал в толстенном грессбухе.

— Вам навверх! — пробормотал он и ткнул пальцем в потолок, обнажив при этом пять дюймов костлявого запястья.

Я стал подниматься по скрипучей лестнице и на верхней площадке уткнулся в полуоткрытую дверь.

— Войдите! — послышался низкий, глубокий голос.

Я заглянул внутрь и увидел возле окна заваленный бумагами стол с наклонной столешницей. За ним сидел пожилой мужчина в черной ермолке и что-то читал. На носу у него поблескивали очки в металлической оправе. Я деликатно кашлянул, но мужчина не счел нужным оторваться от своего занятия. Ну, что ж, придется подождать. От нечего делать я принялся оглядываться по сторонам. На каминной доске стоял термос, рядом с ним — коробка для сэндвичей и аккуратно сложенная салфетка.

Окно комнаты выходило на церковное кладбище. Вокруг серой башни летали грачи. Из дома напротив вышел человек с черным чемоданчиком, по виду врач. Я

стал думать, что там приключилось: кто-то покинул бrenную землю или, напротив, только прибыл в наш мир? Могильные холмики густо поросли нарциссами, однако многие из них уже отцвели либо были сорваны. Внезапно я наткнулся на внимательный и слегка насмешливый взгляд хозяина кабинета.

— Итак, что вам угодно? — спросил он, почесывая свою ермолку кончиком ножа для разрезания бумаг.

— Простите, сэр, вы секретарь городского совета? — поинтересовался я.

— Строго говоря, не совсем, — ответил мужчина. — Но фактически я исполняю эти обременительные обязанности в данном окружном совете. Чем могу служить?

Однако изложить свою просьбу я не успел, ибо мужчина резко развернулся в кресле и обратился ко мне с самым серьезным видом:

— Скажите, вы видели когда-нибудь молитвенник Эдуарда VI?

Я признался, что нет, и он тут же вручил мне означенный экземпляр. Мои слабые попытки получить интересовавшую информацию относительно городского округа остались незамеченными. Где уж им было конкурировать с библиографическим ражем, охватившим моего собеседника!

— Недавно я по случаю приобрел первое издание «Религии врача» Брауна, — сообщил он мне с самодовольным видом. — И знаете, за сколько? Ну же, сэр, попробуйте угадать!

— За фунт?

На лице у него появилось выражение триумфа, которое, наверное, даже Цезарь не часто мог себе позволить. Старик со всего размаха шмякнул ножом по столешнице и выкрикнул:

— За пять шиллингов!

В этот миг зазвонил телефон на столе, но старик не обратил на него ни малейшего внимания.

— А однажды я чуть было не купил старопечатного Чосера... — похвастался он.

И перекрывая телефонную трель, завершил фразу:

— ...но он, к сожалению, оказался в плохом состоянии!

Телефон продолжал трезвонить, издавая резкие, требовательные звуки.

По лицу старика пробежала тень раздражения, и он, не слова не говоря, снял аппарат со стола и поставил на пол, себе под ноги. Я обратил внимание, что там уже лежала большая часть грессбухов. Тут телефон наконец замолчал, и мужчина водворил его на место.

Он продолжал увлеченно говорить, а я внимательно слушал. Мне доставляло огромное удовольствие видеть, что у нас в провинциальной Англии еще не перевелись такие колоритные персонажи, словно списанные со страниц диккенсовских романов. Слушая, как он разглагольствует о своих разногласиях с городским советом Уитби, я размышлял: интересно, а если бы я пришел к нему с сообщением, что город горит, сменил бы он пластинку или продолжал бы вещать в том же духе? Скорее всего, последнее. Этот человек обладал весьма строгими моральными критериями, и такая мелочь, как пожар, вряд ли заставила бы его поступиться принципами. Он определенно мне нравился! Старик говорил о папе Григории I так, будто тот был его кузеном и не далее, как на прошлой неделе заглядывал в гости.

Церковные часы пробили два пополудни. Я заметил взгляд, который мой собеседник украдкой бросил на коробку с сэндвичами, и посчитал невежливым затягивать аудиенцию.

— Всего доброго, сэръ, — напутствовал он меня. — И, между прочим, если вас действительно интересует



вопрос нашего градоустройства, обратитесь к нашему инспектору, мистеру Джонсу. На мой взгляд, это малоинтересно, но вам в конце концов виднее. До свидания...

Я побрел вниз по скрипучей лестнице.

— Послушайте! — его голос настиг меня на полпути.

Я посмотрел вверх и увидел, что мой новый знакомый стоит, перегнувшись через перила. Лицо его — с широким лбом и прямым носом (только что без бакенбардов) — напоминало лица стариков викторианской эпохи, а черная старомодная ермолка лишь усиливала впечатление.

— Послушайте! — кричал он мне вслед. — Вам, наверное, известно, что святой Августин без воодушевления воспринял приказ отправиться в Англию и проповедовать среди местных язычников. На самом деле он даже вернулся в Рим и всем рассказывал, как его пугает путешествие в эту ужасную, варварскую страну. Еще раз до свидания, сэр...

Я снова вышел на рыночную площадь и увидел, что там почти ничего не изменилось. Фермеры по-прежнему стояли возле загородки и критически рассматривали выставленных на продажу коров. Подобные взгляды — придиричivé, насмешливые — я неоднократно отмечал у профессоров Королевской академии на чьей-нибудь персональной выставке. Две-три старушки (из числа наиболее упорных) продолжали сидеть со своими корзинами в надежде дожидаться покупателей. Над залитыми солнечным светом улицами плыл колокольный звон. Маленький городок пребывал в привычном состоянии послеобеденной дремы. Блаженный, ничем не нарушаемый покой...

Я миновал военный мемориал, стоявший на окраине городка на огороженной площади.

Что за чудо эти маленькие английские городки — и как же быстро они могут проснуться.

## 2

Сегодня поутру я очнулся в дурном расположении духа. Мысль, что никому на свете нет до меня дела, наводила безысходную хандру. А посему я решил поехать в Харрогит.

Для людей, склонных к одиночеству и мучительному самоанализу, нет ничего лучше, чем курорт с минеральными водами. Он действует на них подобно своеобразному духовному коктейлю. Если вы чувствуете, что сами себе опротивели, немедленно отправляйтесь на воды, а там уже попытайтесь исследовать симптомы. Оглянитесь по сторонам, и вы обнаружите, что вокруг полным-полно людей, куда хуже вас. По всем признакам они должны были бы ненавидеть себя, однако прекрасно уживаются сами с собой и с собственными недостатками — с какой же стати вам комплексовать?

Все курорты, как правило, встречают с распростертыми объятиями. Они взирают на вас с материнской любовью, причем заглядывают не в глаза, а еще глубже — внутрь, в самые печенки. И, независимо от того, что они там обнаружили, проникаются еще большей любовью. Эти милые, любезные старушки по имени Сомерсет, Бат — а также чрезвычайно похожие на них Челтнем, Лимингтон и Бакстон — буквально обволакивают своей любовью и заботой. По сравнению с ними Харрогит обнаруживает не слишком много сердечности.

Можно сказать, что Харрогит — северный Бат. Но в отличие от Бата, который действует на своих гостей усыпляюще, Харрогит, напротив, бодрит и побуждает к действию. Это место не предполагает длительное

отдохновение в креслах. Харрогит втрое больше любого другого английского курорта, а его магазины напоминают если не Бонд-стрит, то уж точно Монте-Карло или Канны: они полны прелестных, бесполезных вещей. Здесь можно увидеть миниатюрных балерин, танцующих на подставке из оникса, изящные японские поделки из нефрита и чайные сервизы эпохи королевы Анны (последние, на мой взгляд, приобретаются в качестве благодарственной жертвы за благополучное излечение от миокардита).

Харрогит поражает изобилием цветов. У меня посветлело на душе, когда я увидел тысячи алых тюльпанов, как на параде выстроившихся на центральной площади.

Звуковой фон Харрогита — характерное жужжание газонокосилки на зеленой лужайке и бесконечные дискуссии по поводу деталей дамского туалета.

А чего только стоит запах Харрогита — впрочем, об этом я расскажу чуть позднее.

Большинство курортов эксплуатируют один или два источника целебной воды, над которым и возводятся насосные залы. Харрогит выгодно отличается от них: в его недрах скрывается целая химическая лаборатория. Здесь располагается не менее восьмидесяти восьми минеральных источников, среди которых не сыщешь и двух одинаковых по составу. Таким образом, Харрогит представляет собой великолепную иллюстрацию к закону о неравномерном распределении благ в природе. Представьте: восемьдесят восемь источников, битком набитых различными ценными веществами — и все в одном маленькому городке!

Минеральное богатство Харрогита представлено в самой широкой гамме — от типичной сернистой воды, через различные солевые и щелочные растворы, до чистейших железистых источников. Такое впечатление, будто матушка-природа сказала:

— А ну-ка, перетряхнем хорошенько земные слои и выплеснем наружу фонтан содовой воды с мороженым. А уж люди пусть сами думают, что из этого состряпать — либо минеральную водичку, которую невозможно пить без противогоза, либо шипучий напиток, напоминающий прокисший лимонад.

Сказано — сделано. Так возник Харрогит.

Я вошел в Насосный зал и спросил стаканчик сернистой воды. Мне было известно, что Харрогит специализируется на этом виде источников. Нигде больше, ни в одной химической лаборатории, вам не предложат столько серы в одном стакане. Неудивительно, что атмосфера в Насосном зале буквально перенасыщена серными испарениями. Я не мог отделаться от ощущения, будто где-то поблизости медленно разлагается парочка трупов древних мамонтов.

Однако главное потрясение ждало меня впереди. Даже сейчас, по прошествии нескольких часов, я затрудняюсь подобрать слова, дабы описать, что пережил, приложившись к стакану со «Старой сернистой водичкой», как называют ее здешние старожилы. Больше всего это напоминало чудовищный коктейль из протухших яиц, серных спичек и ацетилена!

Полагаю, если я и решусь когда-либо повторить такой подвиг, то лишь под воздействием острого приступа глюкозурии.

Разочарованный своим опытом, я поспешно покинул Насосный зал и побрел в Зимний сад, присматриваясь по дороге к врачам и находившимся на излечении курортникам. Время от времени я проходил мимо очередного серосодержащего источника, и тогда на меня вновь обрушивался запах разлагающегося мамонта.

Меня удивило неожиданно большое количество молодых людей, проходивших лечение на курорте. Если

в Бате обычно преобладают пациенты среднего и пожилого возраста, то Харрогит по непонятным причинам привлекает к себе молодежь. И откуда только они все берутся, эти юные ревматики и неврастеники?

— Большинство из них приобрело свои болезни во время войны, — объяснил мне один из врачей.

В водолечебнице представлен весь спектр средств (некоторые показались мне весьма приятными, иные же производили устрашающее впечатление), с помощью которых современная бальнеология может воздействовать на внутреннюю структуру человека. Я подробно поведал тамошним лекарям о своей хандре и неудовлетворенности жизнью, а после поинтересовался, что они могут мне предложить. Ответ последовал незамедлительно:

— Электрический торф!

Ну, что ж, решил я, торф так торф, и десять минут спустя бодро входил, помахивая чистым полотенцем, в просторное светлое помещение, выложенное кафельной плиткой. Однако тут я увидел чудовищное сооружение в центре комнаты, и сердце мое сжалось от недобрых предчувствий. Это была большая ванна, заполненная некой странной субстанцией, больше всего смахивающей на кипящую грязь или, может, на смесь горячей овсяной каши с шоколадом.

При ближайшем рассмотрении каша оказалась природным торфом, добываемым на йоркширских болотах близ Торпа. Мне сообщили, что в разгар курортного сезона в Харрогит завозят до двадцати пяти тонн торфа в неделю. Здесь его смешивают с сернистой водой и подогревают до нужной температуры. Я выслушал необходимые объяснения, сидя на краю ванны и пытаясь собраться с духом. Мне никак не удавалось уговорить себя хотя бы потрогать ногой это отвратительное месиво. Чтобы выиграть время, я поинтересовался у служителя водолечебницы: а много

ли он встречал людей, которые предпочли собственный артрит такому способу лечения.

— Знаете, сэр, за все годы, что я здесь работаю, мне встретился лишь один молодой человек, который наотрез отказался залезать внутрь. И это было весьма прискорбно, ибо названный юноша страдал тяжелейшей формой ревматизма. Увы, но никакие уговоры не помогали: стоило ему взглянуть на ванну, как беднягу пробивала нервная дрожь. Он так и не смог побороть свой страх. Пришлось уйти ни с чем!

Этот рассказ придал мне мужества. Скажите на милость, сколько, оказывается, на свете малодушных слабаков! Я резко опустил ногу в теплую, мягкую жижу, подсознательно ожидая встречи с омерзительной, скользкой тварью. Но ничего подобного, естественно, не произошло, со всех сторон меня окружала теплая, илистая и слегка ароматизированная грязь.

Приободрившись, я целиком нырнул в ванну, и, захватив полную пригоршню болотной жижи, попытался ее идентифицировать. Она представляла собой однородную кашу, в которой попадались мелкие, мягкие на ощупь веточки. Действительно, ванна была заполнена гниющей растительной субстанцией. Она оказывала успокаивающее и расслабляющее воздействие.

— Наверное, женщины ужасно нервничают в такой ванне? — снисходительно улыбнулся я, сооружая у себя на груди грязевой куличик.

— Вовсе нет, — откликнулся служитель. — Ни разу не сталкивался ни с чем подобным. Напротив, мне рассказывали, что дамы охотно принимают ванну. Еще и намазывают грязь на лицо. Говорят, она благотворно влияет на цвет кожи.

Разговаривая, он ловко закрепил медные электроды у меня на голове и ногах и повернул переключатель. В тот же миг тело мое пронзили тысячи мелких

электрических иголок. Я лежал и думал о том, что все наши рассуждения о хрупкости женщин носят явно надуманный характер.

По завершении процедуры человек выползает из ванны весь облепленный липкой торфяной жижей, подобно склизкому морскому чудовищу. Как-то раз, прогуливаясь по набережной Виктории, я наблюдал неудачную попытку суицида: некий мужчина прыгнул в Темзу, но неверно рассчитал время прилива. В результате он оказался по горло в речной грязи, откуда и был благополучно выужен доброхотами-зеваками. Мне припомнился этот бедняга, пока я шлепал из торфяной ванны под игольчатый душ. Через несколько минут струйки чистой прохладной воды бесследно смыли с меня остатки торфяных болот Йоркшира.

Посещение Харрогита обогатило меня множеством ярких воспоминаний. Я мог бы рассказать о парафиновых обертываниях, электрических ваннах, лечении горячим воздухом и еще о дюжине других полезных процедур. Но больше всего мне запомнились приятные минуты, проведенные в Зимнем саду. Ты сидишь — чисто вымытый, приятно расслабленный, — наслаждаешься звуками оркестра и лениво размышляешь, чем бы таким могла страдать вон та очаровательная девушка в зеленой шляпке.

Полагаю, немало курортных романов начиналось именно таким образом — на почве невинного, отвлеченного интереса к чужим заболеваниям...

Но наступает миг, когда старые почечники медленно поднимаются со своих кресел, за ними следуют уважаемые джентльмены с застарелой подагрой — их кости протестующе скрипят, юные ревматики героически преодолевают свой недуг. Звуки оркестра смолкают, иллюстрированные журналы безжалостно

летят в сторону... Для обитателей Харрогита настало время принимать витамины!

### 3

Пожилой мужчина стоял, перегнувшись через перила моста Нэйрсборо. Я застыл рядом точно в такой же позе (да и вы сделаете то же самое, если когда-нибудь окажетесь на этом мосту!)

Отсюда открывается потрясающий вид. Так и кажется, будто природа создавала Нэйрсборо в приливе творческого вдохновения. Городок расположен в живописной горной долине. Маленькие домики карабкаются вверх по каменистому склону. Над зелеными кронами деревьев высятся круглые серые башни старинного нормандского замка. По дну ущелья медленно несет свои светлые, чистые воды речка Нидд. Над ее извилистым руслом перекинут высокий тонкий мост, напоминающий фрагмент римского акведука возле Арля. Солнечные лучи косо падают на долину, оставляя один склон в тени и ярко освещая фруктовые деревья на противоположной стороне. Цветущие яблони искрятся всеми цветами радуги. Они похожи на персонажей сказочной пантомимы: словно обсыпанные блестками феи застыли на месте, ожидая своего выхода на сцену.

На мелководье плавает лодка-плоскодонка. Ею управляет девушка в ярко-красной шляпе. Это яркое пятно кажется мне гениальным штрихом, дополняющим идиллическую картинку окрестностей Нэйрсборо. Не иначе как действующий президент Королевской академии водрузил эту шляпку на голову девушки.

Стоявший рядом со мной старик прицельно сплюнул в воды Нидда и заметил, что денек сегодня выдался жаркий.



— Скажите, а что вам известно о матушке Шиптон? — поинтересовался я.

Он вынул трубку изо рта и с готовностью придвинулся поближе.

Города — как люди. С некоторыми из них столетиями ничего не происходит, а другие становятся ареной удивительных событий. Что касается Нэйрсборо, то городок этот кажется ничем не примечательным: большую часть времени он тихо дремлет в ожидании базарного воскресения. Однако впечатление обманчиво. На самом деле Нэйрсборо хранит множество ярких воспоминаний, и большая часть их связана с убийствами и черной магией.

Взять хотя бы старинный замок на холме — это подлинный музей средневековой истории! В прошлом он служил прибежищем для четверых рыцарей, в угоду королю зарезавших Томаса Бекета. Убийцы архиепископа Кентерберийского на целый год затворились в стенах замка. Они переждали, пока не утихнет поднявшаяся шумиха, и лишь тогда отбыли в Святую Землю замаливать грехи. А неподалеку от замка расположена пещера святого Роберта из Нэйрсборо. Вот замечательный пример человека, который сумел разбогатеть и не утратить при этом святости. Но чаще данную пещеру вспоминают в связи с именем Юджина Арама, который в 1744 году убил Дэниэла Кларка и долгое время прятал здесь тело своей жертвы. Местные жители до сих пор живо обсуждают это давнее происшествие, причем выказывают немалую симпатию в адрес Юджина Арама (что, с моей точки зрения, не поддается разумному объяснению).

Но, конечно же, самым знаменитым персонажем является матушка Шиптон.

Сегодня, полагаю, всем известно, что эта простая женщина, родившаяся в Нэйрсборо в 1488 году,

предсказала появление автомобилей, телеграфа и железной дороги, не говоря уж о многих знаменательных событиях политической английской истории. Эти пророчества снискали матушке Шиптон неувядающую славу.

Придут экипажи без лошадей,  
И несчастья наполнят мир людей...  
Весь мир от запада и до востока  
Слово облетит в мгновение ока.

И это лишь два примера из ее удивительных рифмованных предсказаний! Еще совсем недавно культ матушки Шиптон царил буквально в каждой дворницкой и столовой для слуг. Эта женщина была оракулом всех горничных и кухарок. Я и сам узнал о ней в далеком детстве от нашей домашней кухарки — женщины доброй, но недалекой и суеверной. Помню, как она во всем происходящем искала (и с восторгом находила!) подтверждение зашифрованных посланий матушки Шиптон.

И надо признать, она была не одинока в своих устремлениях. Многие поколения позднейших исследователей — людей, куда более образованных, чем наша кухарка, — потратили немало времени на разгадывание криптограмм Матушки. В декабре 1846 года «Блэквудс мэгэзин» написал об одном из ее пророчеств, которое на протяжении столетий занимало умы англичан. Вот оно:

Тысяча восемьсот тридцать пятый...  
Кто из нас тогда будет жив?  
Придут и уйдут короли,  
Придут и уйдут иные владыки,  
Прейдут сановники и министры,

Свет повидает крах многих планов,  
Многие станут продавать свои голоса,  
Многие обернутся против себя.  
Добро станет злом, а зло благом  
В коридорах Вестминстера.  
Но когда с вершины церкви Боу  
Слетит могучий дракон,  
Тогда и Святой Павел  
Лишится шара с крестом,  
И все люди увидят,  
Как они встретятся на холме у Флита...

Представьте себе, все предсказания полностью сбылись, — восклицает автор статьи. — В точно назначенный срок, в году 1835-м, случился ремонт собора Святого Павла, в ходе которого потребовалось снять крест и шар. По странному совпадению в то же самое время ремонтировалась и церковь Боу. Дракона на время сняли с ее шпиля и вместе с крестом и шаром Святого Павла отправили на реставрацию в мастерскую медника на Ладгейт-Хилл, рядом с тюрьмой Флит. Таким образом все три лондонских символа оказались лежащими вместе в стенах одной мастерской. Тысячи горожан приходили посмотреть на это и подивиться неожиданно сбывшемуся пророчеству матушки Шиптон.

Или вот еще пример. Рабочие прокладывали туннель под Темзой и дошли примерно до середины русла, когда глинистая почва не выдержала и обвалилась. Воды реки хлынули в образовавшуюся брешь и быстро заполнили туннель. Рабочим, чтобы не погибнуть, пришлось срочно выбираться вплавь.

— О, да, она была великой колдуньей, — рассказывал старик, — и, как полагается, страшно уродливой.

Он указал трубкой на скопление зеленых крон на правом берегу.

— Она родилась вон там, и настоящее имя ее было Урсула Саутейл.

Затем старик поведал мне, что отцом Урсулы был некто иной, как сам дьявол. Якобы ее мамаша как-то прогуливалась вечерком по окраине Нэйрсборо и натолкнулась на нечистого в образе приятного молодого человека. Он совершенно очаровал бедную женщину, и они стали «встречаться». Ну, а дальше все было, как водится: дьявол соблазнил ее и лишь после того открыл свое подлинное лицо. Судя по всему, женщина довольно спокойно восприняла это известие. В награду «козлоногий» одарил ее магическими способностями врачевать, убивать людей и животных, накликать грозы и вообще всячески вредить своим соседям.

Маленькая Урсула, плод греховной страсти, унаследовала таланты матери. Та, состарившись, удалилась в монастырь и предоставила дочь собственной судьбе. Девушка стала зарабатывать на жизнь сочинением рифмованных двустиший и так преуспела в этом занятии, что скоро прославилась на всю страну. В отличие от большинства ведьм, матушка Шиптон пользовалась всеобщей любовью в народе. Во всяком случае мне не удалось обнаружить никаких свидетельств гонений на нее. Никто и никогда не пытался утопить ее или сжечь на костре. Матушка Шиптон умерла своей смертью, причем, история эта заслуживает отдельного рассказа. В 1561 году она решила, что уже достаточно пожила на свете, и сама определила день своей кончины. В назначенный срок она попрощалась со всеми друзьями, улеглась в постель и, в полном соответствии с собственными предсказаниями, умерла.

Мне рассказывали, что во многих областях Йоркшира матушку Шиптон до сих пор почитают как святую, и тысячи людей ежегодно совершают паломничество в пещеру, где она родилась.

Я тоже решил посетить это примечательное место. Дорога проходила через великолепный парк, разбитый на берегу реки. Возле самой пещеры располагается небольшой водопад с названием «Капающий источник». С давних лет он знаменит тем, что воды его обращают любой предмет в камень. Можно представить, какое воздействие подобный аттракцион производил на суеверную средневековую публику. Полагаю, матушка Шиптон сознательно использовала «магические» свойства источника для укрепления своей колдовской репутации.

На самом деле в окрестностях Харрогита немало таких минеральных источников, насыщенных кремнием и другими химическими элементами. В данном случае воды «волшебного» ключа скапливались на каменном карнизе и уже оттуда стекали тонкой струйкой вниз. Я любовался на обширную коллекцию предметов, подвешенных под карнизом. Вода просачивается сквозь них и, благодаря минеральным отложениям, постепенно превращает в камень. Мне рассказывали, что некоторые посетители оставляют здесь пару перчаток, а вернувшись следующим летом, находят их в совершенно окаменевшем состоянии. В настоящий момент на «химической обработке» находились: кусок губки, игрушечный плюшевый медведь, перчатки, мужской котелок и несколько набитых чучел — небольшой собачки, кошки, сокола, совы и ласки.

— Лучше всего выходит с губкой, — пояснил мне местный смотритель. — И это естественно, ведь вода просачивается равномерно и химическая реакция идет одновременно во всем материале. Уже через месяц

достигается нужный эффект. С собакой или, скажем, с кошкой так быстро не управиться. Там вещество твердое, и для полного окаменения потребуется не меньше года.

При источнике сформировался целый музей окаменевших предметов. Достаточно заглянуть туда, чтобы понять: люди довольно давно уже развлекаются подобным образом. Так, среди экспонатов я обнаружил изящный зонтик ранней викторианской эпохи. Все его оборочки и воланчики застыли и превратились в чистый гранит!

Если вам повезет попасть в Нэйрсборо в рыночный день, обязательно прогуляйтесь по городу. Центральная улица сплошь заставлена прилавками, на которых разложена всякая всячина. Местные фермеры и их жены могут приобрести здесь буквально все необходимое — за исключением, наверное, лишь нужной погоды. Но тут уж ничего не попишешь! Во все времена крестьяне зависели в этом от Божьей воли. Кстати, если вы знакомы с девонширскими фермерами, будет интересно понаблюдать за их йоркширскими собратьями. Здесь та же статья — здоровая, крепкая, тяжеловесная, — но абсолютно другой характер!

К полудню торговая суматоха достигает своего пика. Ей мало главной улицы, и она выплескивается на соседние переулки, постепенно захватывая весь центр города. Нэйрсборо приобретает совершенно средневековый вид. Наверное, точно так же выглядела когда-то наша лондонская Чипсайд.

Каждый вечер, незадолго до девяти часов на главной рыночной площади Рипона появляется человек, похожий на средневекового разбойника с большой

дороги. Одет он в длиннополый бежевый сюртук и шляпу-треуголку, какую нашивал старина Дик Терпин; в руках у него большой серебряный горн. Никто из горожан не обращает на него особого внимания, ибо он прохаживается здесь еще со времен Альфреда Великого.

Несколько минут мужчина стоит неподвижно, прислушиваясь к бою часов на главной башне собора. С последним ударом курантов — ровно в девять — он подносит горн к губам, и окрестности города оглашаются громким и меланхоличным гудением. Первые звуки разбиваются о фасад городской ратуши — здания терракотового цвета, на карнизе которого начертано золотыми буквами: «Если Господь не защищает город, то труды Хранителя будут напрасны».

После этого горнист обходит рыночную площадь по периметру и на каждом из углов посылает в ночное небо пронзительный печальный сигнал.

Вот уже на протяжении тысячи лет на улицах Рипона раздается звук горна. Местные жители именуют его «началом вечерней стражи». Считается, что этот обычай существовал задолго до того, как в 886 году Альфред Великий даровал Рипону статус города. С незапамятных времен звук серебряного горна знаменовал еженощный обход города с целью охраны и надзора за порядком. Мэр города — или, как его называли в старину, Хранитель — нес ответственность за все совершенные преступления, как кражи или, упаси Бог, убийства. Жители Рипона вынуждены были оплачивать свою безопасность. Ежегодно каждый домовладелец вносил налог: по два пенса с «узкого» дома с одним входом; и по четыре пенса с домов, имеющих наряду с парадным и черный вход.

Таким образом, Рипон может претендовать на роль родоначальника системы страхования против ночных ограблений со взломом.

— Быть горнистом в Рипоне — нелегкий труд, — рассказывал мне нынешний служащий. — Приходится постоянно тренировать легкие, потому что вокруг полным-полно парней, которые метят на ваше место. И если только кто-то из них превзойдет вас в качестве и длительности сигнала, то все — можете считать себя уволенным. Приходится терпеть постоянные проверки: а не утратили ли вы былой квалификации? Взять хотя бы того горниста, что работал до меня... Ему отказали от места. А ведь он выдувал сигнал на протяжении сорока девяти секунд. Я нескольких секунд не дотягиваю до его рекорда. А чего стоят эти американцы! В летнюю пору они заявляются сюда сотнями. Всем хочется послушать, как я играю «вечернюю стражу». Знаете, мне порой кажется, что этот обычай более знаменит в Америке, чем у нас в Англии!

Что касается меня, то я вполне могу поверить, что рипонский горн, подобно охотничьему кличу Джона Пила, способен и мертвого поднять из могилы. Собственно, рассказывают, будто такое уже однажды произошло. Случилось это в сентябре 1923 года, когда совет города решил возродить старинную традицию, не соблюдавшуюся уже триста девятнадцать лет. Согласно той традиции, горнист должен был подавать сигнал перед домом Хранителя. Я видел это старинное здание, некогда принадлежавшее Хью Рипли — человеку, который в 1604 году занимал пост мэра.

Церемония происходила при большом скоплении народа — в тот вечер едва не половина Рипона собралась послушать горниста. И вот, когда он взял самую верхнюю, пронзительную ноту, по толпе прокатился приглушенный шум голосов. Тысячи людей увидели, как в одном из окон верхнего этажа возникло лицо Хью Рипли! Бывший мэр города окинул взглядом собравшуюся толпу и снова растворился в темноте.



В Рипоне до сих пор можно разыскать очевидцев описываемого события. Эти люди свято веруют, будто видели той ночью призрак старого Рипли. И хотел бы я посмотреть, у кого хватит смелости опровергнуть их рассказ. В любом случае история-то красивая!

Эти маленькие йоркширские города-ярмарки весьма типичны.

Вы можете приехать в один из них на георгианском поезде, пообедать в традиционном трактире с названием «Лошадиная голова» и — если не заглядывать в заброшенный порт — даже не догадаться, что городок уже двести лет как мертв. Рипон выгодно отличается от своих собратьев. Внешне он тоже мало изменился за последние столетия, но, несмотря на это, городок явно не собирается умирать. Напротив, он удивляет деловой хваткой и предприимчивостью. У Рипона есть еще одна отличительная особенность: это единственный город на севере Англии, где до сих пор бережно хранят память об Уилфриде Рипонском — одном из четырех великих северных святых. Трех остальным — святым Петру Йоркскому, Кутберту Дарэмскому и Иоанну Беверлийскому — повезло меньше. Они не стали объектом ежегодного протестантского празднества, которое представляет собой воистину незабываемое зрелище. Что касается Рипона, то здесь в первую неделю августа проходит торжественное шествие, посвященное покровителю города, Уилфриду Рипонскому. Неискушенный иностранец наверняка удивится, увидев в центре процессии самого святого (живого-живехонького!) — тот едет верхом в окружении музыкантов, обряженный в рясу и с обязательным посохом в руках.

Данный обычай возвращает нас к самым истокам истории Рипона. Это воспоминание о том дне, когда святой Уилфрид вернулся в родной монастырь после

длительного миссионерского странствия. Подобно тому как парад лорд-мэра в Лондоне берет начало в далеком прошлом — по сути, он имитирует торжественные процессии «королей» торговли и их приспешников, — так и рипонский праздник отражает давнее счастливое событие для горожан.

— Мы могли бы напомнить Лондону, — сказал один из старожилов Рипона, — что он является всего лишь третьим городом в Англии. Ведь в древности столицей считался Йорк, за ним шел Рипон, и потом только Лондон. Не знаю, было ли такое, чтобы все трое — лорд-мэры Лондона, Йорка и наш мэр — встретились на каком-нибудь официальном мероприятии. Но если бы такое когда-либо произошло, то лондонцы были бы сильно разочарованы, увидев, что их уважаемый лорд-мэр лишь третий по старшинству...

В наше беспокойное время, когда весь мир куда-то спешит и меняется прямо на ходу, особо важно хотя бы изредка посещать такие маленькие городки, как Рипон. Только здесь вы получаете возможность прикоснуться к незыблемым корням Англии, ощутить дыхание далекого и непреходящего прошлого.

## Глава пятая

# Северные аббатства

*Я открываю для себя три бриллианта Норт-Ридинга — аббатства Фаунтинс, Жерво и Риво.*

### 1

Бывают такие мгновения, когда путник останавливается и говорит себе: «Ну, вот и все! Мое путешествие окончилось, едва успев начаться. Нет никакого смысла ехать дальше! Ведь исколеси я даже все дороги, пространствуй еще сто лет, все равно ничего более прекрасного не увижу».

Со мной такое случилось трижды за один день. Подобная мысль приходила мне в голову всякий раз, когда я в восхищении замирал перед разрушенными алтарями Фаунтинса, Жерво и Риво. Могу засвидетельствовать: все три старинных аббатства — истинные драгоценности Норт-Ридинга. Следовало бы учредить какой-нибудь благотворительный фонд, который бы собирал всех несчастных людей, всех больных телом и духом, и привозил бы их к этим аббатствам. Ибо это место, где царят Мир, Покой и Красота.

Раньше мне уже доводилось видеть Гластонбери с его разрушенной аркадой над зеленой травой; я видел королевский монастырь Бьюли в Нью-Форесте, чьи развалины маячат подобно белому призраку в полях; я осматривал аббатства в Тинтерне, Тьюксбери, Билдвасе и еще с дюжину подобных мест в Южной и Западной Англии. Но нигде я не встречал ничего, что смогло бы сравниться по красоте с этими тремя аббатствами —

Фаунтинс, Риво и Жерво. В Англии нет другого такого места, где бы мне захотелось провести долгий летний день. Будь моя воля, я бы на рассвете приехал в Фаунтинс, полдень встречал бы в Риво, а Жерво отвел бы вечерние часы — это аббатство как самое меланхоличное из всей троицы наиболее подходит для созерцания летнего заката.

Любому из своих соотечественников (не важно, женщине или мужчине), жаждущему духовного катарсиса, я бы посоветовал: «Отправляйтесь в Рипон и посетите все три аббатства по очереди». Их белые останки излучают благостный покой, в этих аббатствах сосредоточена вся гордость и слава нашего прошлого. Подобно трем святым, остановившимся помолиться в пути, они застыли коленопреклоненные посреди зеленых йоркширских лугов с россыпью белых маргариток. Странные, двойственные чувства одолевают протестанта на развалинах этих аббатств. Я не могу разделить радость Джорджа Борроу по поводу разрушения этого средоточия средневековых суеверий. Но, с другой стороны, мне не понять и ужаса католика перед Реформацией, которая в конечном счете привела к падению великих аббатств. Одно я могу сказать с уверенностью: нет прощения человеку, поднявшему руку на такую совершенную красоту. Да будет покрыто позором имя того грубого, бесчувственного варвара, который посмел разрушить столь прекрасные творения!

И когда вы безмолвно взираете на разоренный неф, когда на цыпочках идете по боковому приделу, над которым вместо крыши сияют голубые небеса, или же сидите на треснувших сидениях в опустевшем здании капитула — возможно, вас, как и меня, посетит крамольная мысль о том, что ныне, в годину своего упадка, эти святыни ближе к Богу, чем в прежние, более счастливые времена.

Упрямый зеленовато-бурый мох покрывает главный престол Фаунтинского аббатства. Ласковые лучи послеполуденного солнца освещают западную стену, проникают сквозь многочисленные проломы внутрь церкви и отпечатывают золотые квадраты и треугольники на нормандских колоннах главного нефа. Мелкие птички беспрепятственно летают туда-сюда через пустые глазницы окон, освещающих хоры, а от главного алтаря к западным воротам протянулась зеленая ковровая дорожка, состоящая из легчайшего и нежнейшего дерна во всей Англии. Обратите внимание на оконные проемы, в которых не осталось ни единого дюйма стекла, и вы будете поражены открывшимся зрелищем. Такое впечатление, будто вы смотрите на оправленную в раму картину, на которой переплетенные ветви и зеленые листья образуют сакральные узоры.

Здание аббатства, в котором преобладают серые и красно-коричневые цвета, стоит в самом центре старинного парка. Оглянитесь по сторонам, пока шагаете по тропинке длиной в целую милю. Слева от вас за деревьями скрывается декоративный водоем, и вы то и дело отмечаете проблески блестящей водной глади. А справа сплошное буйство красок: там на многочисленных пригорках и лужайках высыпали первые весенние цветы — бледно-желтые примулы, лиловые фиалки, а рядом с ними простодушные незабудки и синие колокольчики, вместе они формируют облачко темно-голубого тумана, которое парит в футе над травой.

Очередной поворот, и вашему взору предстает здание аббатства — заброшенное, пустынное, но невыразимо прекрасное даже в своем разрушении. Оно

стоит на берегу небольшой речушки, наполовину заросшей камышами и сорной травой...

Фаунтинское аббатство — одно из самых прекрасных зрелищ во всей Англии. Оно радует глаз и производит неизгладимое впечатление на душу человека. Вы смотрите на полуразрушенное здание и подсознательно достраиваете его, восстанавливая былое великолепие. Здесь вы подправили арку, там возвели недостающую колонну... Увы, сегодня уже не создают такой безупречной красоты. Как зачарованный, двинулся я к безмолвным руинам. Навстречу мне вышел сторож, присматривающий за памятником. Он оказался пожилым джентльменом с блекло-голубыми глазами. На лице его отразилось явное удовольствие, когда я заметил, что из всех развалин католических аббатств Фаунтинс сохранился лучше всего. Старик, в свою очередь, сообщил мне, что в этом году настоящее нашествие маргариток. Сущее бедствие! Так густо растут, и такие неподатливые — он просто замучился их пропалывать. Ах, если б этому аббатству удалось избежать ярости Реформации...

Затем сторож рассказал, что свинцовое покрытие с крыши было продано еще в пятнадцатом веке одному «влиятельному джентльмену из Лондона».

— Генриху VIII?

— Никак нет. Того джентльмена звали сэра Ричард Грешэм. Он содрал весь свинец с крыши и тут же переплавил его в слитки. А затем погрузил их в телегу и укатил обратно в Лондон. Ну и, конечно, после этого здание стало стремительно разрушаться...

День выдался на редкость солнечный и ясный. Тишину нарушало лишь пение дрозда, который восседал в нише трансепта, подобно маленькому святому в коричневой рясе. Он пел самозабвенно: выдавал несколько длинных трелей, затем умолкал и чутко

прислушивался, склонив набок свою лягушачью головку. Птицы свободно летали внутри полуразрушенной церкви. Время от времени из невысокого придорожного кустарника выскакивали дикие кролики и неслись в тенистое укрытие стен, мелькая на ходу короткими светлыми хвостиками...

Я уселся со своим походным блокнотом возле торчащей каменной плиты, некогда служившей главным престолом храма. Мне припомнилась история, которую я прочитал в исторической хронике. Как-то один француз сказал Ричарду I:

— У себя дома, в Англии, вы лелеете трех дочерей, которых любите превыше Божьей благодати. Их имена — Гордыня, Роскошь и Алчность.

На что король якобы ему ответил:

— Увы, мой друг, вы ошибаетесь: этих красавиц давно уже нет в Англии. Я выдал их замуж: Гордыня перешла к тамплиерам, Роскошь к августинцам, а что касается Алчности, то ее следует искать у цистерцианцев.

Оставим сие утверждение на совести историка. Однако были времена, еще до этого пресловутого «замужества», когда бедные, добродетельные монахи бродили по дорогам Англии в поисках места для аббатства. И мне приятнее думать об этих бессребрениках, нежели об их погрязших в роскоши и разврате собратях. Самая же главная заслуга английского монашества, на мой взгляд, заключается в том, что в темные, смутные времена они сохранили для потомков светоч знаний и культуры. Но, боже мой, как они умудрялись строить свои невероятно прекрасные аббатства? Этот вопрос я задал одному знакомому архитектору и получил неожиданный ответ:

— Они пели, и их работа делалась сама собой. Они просто пели! Вспомните мои слова, когда будете в Фаунтинс. Ибо церковь эта не что иное, как

воплощенный в камне псалом. Бедные, скромные монахи покидали обитель в Йорке и шли по бездорожью, по диким, пустынным местам. Они терпели всяческие лишения, зачастую голодали и холодали, но в сердцах их жила одна мечта — возвести храм во славу Божию. Монахи брали камень из местных каменоломен, сплавляли его по реке, выгружали на заросших колючим кустарником лугах — и все это время пели! Именно так выросло замечательное аббатство Фаунтинс — как воплощение их великой, непреходящей веры.

Вот так и создавались самые великие шедевры Средних веков — анонимно, руками безвестных и бескорыстных тружеников.

Ныне эти великолепные развалины стоят посреди зеленой поляны, и солнечные лучи, проходя через оконные проломы, пронизывают их насквозь.

Теперь лишь птицы распевают здесь вечерние молитвы... День близится к концу, тени удлиняются. И хотя на замшелом, позеленевшем алтаре Фаунтинс еще играют солнечные лучи, между колоннами пустынного нефа уже сгущается тьма. Я никак не могу оторваться от этого места. Здесь каждый камень пропитан миром и покоем. Я брожу по разрушенным галереям, спускаюсь в холодные подвальные склепы, разглядываю серые норманнские арки и наслаждаюсь царящей повсюду печальной тишиной.

Наконец я покидаю здание и медленно иду прочь. Но на самой границе поляны — там, где кролики резвятся в колючем кустарнике — останавливаюсь и в последний раз оглядываюсь на аббатство. Издалека оно кажется светло-серым, почти серебристым. Фаунтинс напоминает мне старого, седого монаха, преклонившего колени посреди луговины. И, глядя на него, я понимаю: не столь уж важно, что там происходило потом. Главное, что



когда-то — пусть на короткое время — прекрасная мечта воплотилась в реальность.

### 3

Солнце уже садилось, когда я снова вернулся в Рипон. Задерживаться там я не стал, а сразу повернул на северо-запад, в сторону Уэст-Танфилда и Мэшема. Окружающий пейзаж постепенно менялся: плодородная долина переходила в негостеприимные болотистые пустоши, а затем и вовсе сменялась отрогами Пеннинских гор. Вскоре я увидел справа от себя аббатство Жерво — оно стояло посреди зеленого луга, на некотором расстоянии от дороги. Приблизившись к домику смотрителя, я постучал в дверь и попросил ключ от аббатства. Сторож попытался меня отговорить. Уже очень поздно, ворчал он, солнце почти село. Может, лучше отложить осмотр здания на завтра? Ну, хорошо, хорошо... Вот вам ключ, сэр, но все равно вы в темноте ничего не разглядите...

И я потопал напрямик через луг, на котором паслись длиннохвостые овцы с ягнятами. С трудом нащупав под колючими побегами ежевики поворотный затвор, я отпер ворота и направился к заброшенным руинам. Это все, что осталось от некогда могущественного аббатства Жерво. На уцелевшей колонне посреди здания капитула сидел дрозд и распевал свою вечернюю песню. Запрокинув крошечную головку, он посылал в темнеющие небеса пронзительные переливчатые трели. Верхушка стен еще хранила тепло закатных лучей, а их основание уже погрузилось во тьму.

Величественные развалины казались мне призрачными декорациями из волшебной страны фэйри. Я словно бы попал в сказочный дворец Спящей Красавицы. Не смея нарушать волшебных чар этого

места, я тихо прошел по открытому дворику, миновал полуразрушенную аркаду, свернул за угол и лицом к лицу встретился с призраком величественной церкви. Здесь царила тишина, нарушаемая лишь птичьим пением да доносившимся с луга жалобным блеянием ягнят.

Я присел на каменную скамью, почти целиком затянутую побегами ежевики. В сочетании с мелкими голубенькими цветочками они создавали живописный ковер, имитирующий средневековую вышивку. Шесть колонн, которые некогда поддерживали крышу, сейчас бесполезными обрубками тянулись в небо. На полу в беспорядке валялись надгробные камни, обозначая место, где вечным сном спят увенчанные митрой аббаты. На память мне пришла чудесная история, повествующая о том, как было основано это аббатство. Давным-давно, еще на заре христианства, случилось так, что группа странствующих монахов из Байлендского аббатства заблудилась в здешних краях. Пришлось им заночевать прямо под открытым небом. И вот во время ночевки одному из монахов, а точнее сказать, аббату явилось чудесное видение. Увидел он женщину с маленьким мальчиком.

— О прекрасная дама, — удивился аббат, — что ты делаешь ночью в столь диком и пустынном месте?

— Мне часто приходится бывать в пустынных местах, — со сдержанной улыбкой отвечала женщина. — Недавно я посетила Риво и Байленд, а сейчас направляюсь в новый монастырь.

Обрадовался аббат неожиданной удаче и обратился к женщине с такими словами:

— Какое приятное совпадение! Мы с братьями тоже принадлежим Байлендскому аббатству. Не иначе, как сам Бог послал нам тебя, добрая женщина! Не откажи в помощи бедным монахам — укажи дорогу к новому

монастырю, дабы не пришлось нам ночевать в этом диком краю.

Незнакомка посмотрела на него все с той же едва заметной улыбкой и поправила:

— Это раньше вы принадлежали Байлендскому аббатству, а ныне вы монахи Жерво.

После чего она обернулась к мальчику и сказала:

— Помоги им, мой дорогой сын! Проводи этих людей, ибо долг призывает меня в иное место.

И с этими словами она исчезла.

А мальчик пошел впереди монахов, в руке он держал ветку, отломанную от дерева. Шли они довольно долго, пока не достигли пустынной поляны, со всех сторон окруженной холмами. Здесь ребенок остановился и воткнул ветку в землю. И, о чудо! В тот же миг слетелись на нее белые птицы. Посмотрел мальчик на монахов и промолвил:

— Пройдет совсем немного времени, и здесь будут поклоняться Богу.

И прежде чем монахи поняли, с кем разговаривают, прежде чем они успели упасть на колени и вознести благодарственную молитву, Он тоже исчез...

— Здесь будут поклоняться Богу...

Мало-помалу птичье пение смолкло, последние закатные лучи угасли. А я все никак не мог уйти — сидел на каменной скамье и наблюдал, как сгущаются ночные тени. В проеме сломанной арки виднелся кусок темного неба, на котором уже зажглась первая звезда. В шепоте ветра мне слышались слова молитвы. Нет, что ни говорите, а Жерво обладает загадочными чарами, которые берут вас в плен, побуждают забыть обо всем и преклонить колени прямо здесь, на замшелых камнях аббатства.

В темноте моя рука нашарила что-то гладкое и холодное. Это оказался осколок средневекового изразца с характерным рисунком — голубая лилия на желтом

фоне. Когда-то такими плитками был вымощен пол в здании капитула, где собирались аббаты, дабы обсудить весьма серьезные и важные проблемы. Этот кусочек изразца помнит прикосновение их сандалий, как поступь рыцарей и сквайров, приходивших в Жерво со всей округи. Даже святые отшельники время от времени покидали свои негостеприимные холмы и устремлялись в Жерво в поисках тепла и человеческого участия. Неодолимый инстинкт коллекционера заставил меня опустить найденную плитку в карман. И тут же я услышал суровый голос совести:

— Ты не можешь забрать ее!

Я попытался спорить:

— Все равно кто-нибудь это сделает! Если не я, так какой-нибудь американский турист. А я сохраню эту плитку в память о Жерво.

— Разве ты забыл заповедь: не укради?

— Но если это воровство поможет сохранить реликвию? — возражал я.

— Оглянись вокруг! Ведь ты здесь далеко не единственный вор. Подумай сам: может ли Жерво позволить себе лишиться даже одной-единственной, пусть самой маленькой плитки? И что от него останется в результате?

Этот довод меня убедил. Я вынул плитку из кармана и засунул ее подальше — туда, где никто не сможет найти. Если бы эта история приключилась при свете дня, то, думаю, я все же унес бы свою находку с собой. Но сейчас, когда древние стены аббатства нашептывали молитвы в сгущавшихся сумерках, подобный поступок показался мне настоящим святотатством...

Тем временем совсем уже стемнело. Над рекой и на прилегавших лугах клубился густой, белесоватый туман. Овцы бродили в этом тумане, подобно призракам давно умерших послушников. Я в последний раз оглянулся на

развалины аббатства, темным пятном выделявшиеся на фоне неба.

— Пройдет совсем немного времени, и здесь будут поклоняться Богу.

#### 4

Если вы хотите увидеть подлинную английскую глубинку — настолько английскую, что в это даже трудно поверить, — тогда отправляйтесь на север от Йорка, к болотистым пустошам Пикеринга. Отсюда уже рукой подать до аббатства Риво.

По дороге я сделал остановку в Керкдейле и был вознагражден необычным зрелищем: здесь в квадратной башне старой саксонской церкви поселился рой диких пчел. Мерное, деловитое жужжание оживило серые камни собора Святого Григория и наполнило их энергией. Это же гудение задавало ключевую ноту в тихой, дремотной атмосфере всего городка.

Огромные тисовые деревья отбрасывают глубокие синие тени. Очаровательный церковный дворик ничуть не уступал тому, что я когда-то видел в сомерсетском Коршеме, неподалеку от Бата. Здесь до сих пор сохранились солнечные часы саксонских времен. Надпись на них гласит, что церковь была перестроена в эпоху Эдуарда Исповедника!

В этой части мира живут прелестные девушки с румяными лицами и льняными волосами. Проезжая по дороге, вы видите, как они стоят по колено в траве и собирают в передники желтые лютики. По полю медленно движутся плуги, оставляя за собой ровную коричневую борозду. Следом за ними лениво летят вороны, оглашая окрестности хриплым карканьем. Дойдя до края пашни, смирные рабочие лошади останавливаются на несколько минут, чтобы ухватить

молодые побеги боярышника, а затем разворачиваются по широкой дуге и тянут новую борозду. Леса и кустарник оглашаются несмолкаемым птичьим пением. По канавам щедро рассыпаны желтые головки первоцвета. По обочинам бродят флегматичные овцы, рядом с ними пасутся короткохвостые ягнята. Эти создания набрались уже достаточно опыта, чтобы не бросаться в испуге от каждого прохожего и не жаться к своим матерям, подобно застенчивым детям.

Я заехал в городок Хелмсли и на главной рыночной площади увидел глашатая с колокольчиком. И хотя его никто не слышал, кроме статуи лорда Февершема, глашатай продолжал кричать о том, что сегодня после обеда на лугу состоится матч по крикету! Я словно заглянул в Англию столетней давности. Маленькие домики из серого камня выглядели исключительно достойно. Весь городок раскинулся так привольно, будто пространство как таковое абсолютно не важно. И жизнь он воспринимает с таким спокойствием, словно время для него тоже ничего не значит. За околицей протекает шумный ручеек. Иногда на берегу появляются женщины с ведрами, а порой в ручей заходят коровы — они тоже очень умные с виду и, судя по всему, приходят сюда не воды напиться, а поразмыслить над вечными проблемами.

Узкий переулок выводит вас за пределы Хелмсли в направлении Риво. Добравшись до вершины холма, я отыскал домик, стоявший в самом центре березовой рощи. Я позвонил у ворот, уплатил положенный шиллинг и в результате был допущен к величайшему зрелищу во всей Англии. Передо мной простиралась аккуратно подстриженная лужайка — от обилия маргариток она казалась молочно-белой, — а на дальнем конце ее громоздились развалины аббатства Риво.

Это происходило в 1758 году, когда английские джентльмены не только развлекались псовой охотой, но и почитывали на досуге Вергилия, а на заседаниях парламента, свободно цитировали Феокрита. К этой славной плеяде относился и сэр Томас Данком, богатый помещик из Северного Йоркшира. Пока его супруга на манер пасторальной пастушки томно почивала в тенистой беседке, сэр Томас загорелся мечтой возвести на своих землях небольшой греческий храм. В качестве места для строительства он избрал один из холмов по соседству с аббатством Риво. И поныне можно лицезреть классические колонны этого храма, которые горделиво высятся на заросшем маргаритками холме.

Ах, что это было за время! Его по праву можно назвать счастливой эпохой для нашей мелкопоместной аристократии. Никогда еще — ни до того, ни после — английские сельские джентльмены не жили столь полной жизнью. По окончании строительства сэр Томас пригласил итальянского живописца по имени Берничи, дабы тот расписал потолок готового павильона. От него требовалось создать фрески в духе «Авроры» Гвидо — известного произведения, украшавшего палаццо Роспильози в Риме. Работа эта снискала итальянцу вековую славу, и до сих пор имя Берничи поминают во всех сельских трактирах до самого Йорка! Рассказывают, будто он три года (а кое-кто утверждает, что и все семь!) пролежал на спине, малюя пышнотелых богинь. Непонятно, правда, с чем связана такая медлительность: то ли сэр Томас слишком хорошо оплачивал услуги приглашенного мастера, то ли Берничи оказался не слишком трудолюбивым живописцем и до последнего момента откладывал исполнение заказа.

В любом случае храм был выстроен и расписан. И ныне он возвышается над болотистыми пустошами Северного Йоркшира памятником великолепному

восемнадцатому столетию. Прямо от его ступеней начинается насыпная дорога, достаточно широкая, чтобы по ней могли проехать четыре повозки в ряд. Эта зеленая полоса, засеянная гладким, ухоженным дерном тянется почти на милю, извиваясь по гребню холма.

Внизу же, в чашеобразной долине, лежат серебристо-серые развалины Риво. Вокруг бывшего аббатства громоздятся йоркширские холмы, испещренные узкими белыми тропинками. В небе проплывают облака, и тени их неслышно скользят по долине. Над руинами гуляют ветры, приносящие с собой запах далеких полей и чего-то свежего, соленого, намекающего на близость моря.

Местные жители ухаживают за долиной. Они так же коротко подстригают траву, как делал это старый сэр Томас, которому пришла в голову фантазия воссоздать идиллический пейзаж с маленьким греческим храмом в центре.

Трудно подобрать слова, чтобы описать аббатство Риво. Я бы сказал, что оно не уступает по красоте Фаунтинс и одновременно лишено меланхоличности, присущей Жерво. Густой ковер из маргариток устилает пол в нефе, с успехом заменяя утраченное мозаичное покрытие; на разрушенных хорах воркуют дикие голуби, справляя свою вечернюю службу; длинные тени протянулись через все трансепты. Чудесная картина! Волшебная мечта...

Если среди моих соотечественников и есть люди, недовольные министерством общественных работ Его Величества, то им было бы весьма полезно побывать в Риво. Несколько лет назад руины аббатства перешли на попечение этой организации, и ныне Риво наслаждается такой заботой, какой не знал со времен печально знаменитого разрушения монастырей.

Сегодня аббатство является объектом научного изучения. Раскопки ведут квалифицированные



археологи, и каждый камень, каждый извлеченный из-под земли осколок находят свое место в специально организованном музее.

Полагаю, в нашей стране немало исторических памятников, которые терпеливо ждут и мечтают о таких же умелых и заботливых руках.

## Глава шестая

### Уитби и местный гагат

*Я встречаюсь с охотниками за птичьими яйцами, восторгаюсь Скарборо, влюбляюсь в Уитби, наблюдаю за работой последних резчиков по гагату и, распрощавшись с ними, направляюсь в Дарэм и Ньюкасл.*

#### 1

Трое мужчин сидели на краю отвесного обрыва неподалеку от Фламборо-Хед. Они дружно тянули веревку, которой, казалось, не было конца! Внизу под утесом плескались морские волны, и меня чрезвычайно заинтересовало, что же эти люди пытаются вытащить из глубин Северного моря.

Погода стояла пасмурная и ветреная, и море было серо-стального цвета. Лишь у самого берега, у подножия меловых утесов оно пенилось белыми барашками. Оно шипело и ярилось, неистово завихряясь вокруг высоких, острых скал, и постепенно — прилив за приливом — протачивало себе дорогу в глубь суши. Не удивлюсь, если в конце концов море отгрызет этот кусок земли и превратит его в остров. Это настоящий Корнуолл, только перенесенный на север Англии...

Мужчины по-прежнему фут за футом тащили свою веревку, и было ясно, что ноша их — чем бы она ни оказалась — очень тяжела.

Когда они уже вытянули не менее трех сотен футов веревки, над краем утеса появилось некое привидение, которое довольно резво, цепляясь за зеленую траву, вскарабкалось на землю. Сначала я увидел металлическую каску военного образца. За ней

показалось кирпично-красное лицо с голубыми глазами, а затем и коренастое тело, облаченное в голубой комбинезон и крест-накрест перепоясанное кожаными ремнями. Последними появились ноги в грубых башмаках и странное приспособление, с виду напоминавшее плетеную люльку. Как выяснилось, это фантастическое сооружение крепилось к поясу скалолаза, и к нему же при помощи стального карабина присоединялся конец веревки. Через плечо у мужчины были перекинута две просторные полотняные сумки, и выглядел он как странная помесь грабителя и морского пехотинца в полном походном облачении.

Тяжело ступая, мужчина направился к стоявшей поодаль большой корзине. Здесь он начал опорожнять сумки, достав в общей сложности около трех десятков крупных заостренных яиц. Все они были ярко-голубого цвета с черными пятнышками и загогулинами. Вскоре я узнал, что мужчину зовут Сэм Ленг, и он охотник за птичьими яйцами из близлежащего Бемптона.

— Это яйца кайры, — пояснил Сэм, демонстрируя мне содержимое корзины.

Она была полна все тех же необычных яиц — удивительной формы и цвета, с живописным рисунком, будто нанесенным кистью эксцентричного художника. Мне безумно захотелось заполучить хотя бы парочку таких яиц.

— Что я с ними делаю? — переспросил Сэм. — Продаю, конечно. Коллекционеры их хорошо скупают... А кроме того, яйца кайры годятся в пищу — они гораздо вкуснее и питательнее куриных.

На свете существует множество опасных и увлекательных занятий. Но, пожалуй, самым интересным из них мне кажется дело, которым занимаются собиратели яиц из Бемптона. Каждый год с мая по июль (то есть в период гнездования птиц) они

совершают свои дерзкие рейды на скалы. Насколько мне известно, это единственное место в Англии, где с незапамятных времен практикуется подобный промысел.

Утесы в этой части побережья выглядят совершенно неприступными. Наверное, именно по этой причине морские птицы избрали их для выведения своего потомства. Из Исландии сюда прилетают морские кайры — очаровательные птицы, немного смахивающие на пингвинов. И не они одни. Компанию кайрам составляют серебристые чайки, моевки, большие бакланы, тупики (которых за красный крючковатый клюв здесь прозвали «морскими попугаями») и множество других перелетных птиц. В середине лета прибрежные скалы буквально кишмя кишат пернатыми.

Схема, по которой действует Сэм Ленг, предельно проста. Напялив на себя рабочую экипировку и закрепив на поясе веревку, он подает знак своим подручным, и те медленно спускают его с вершины утеса. Появление человека вызывает страшный переполох среди обитателей скал. Правда, реагируют они по-разному. Некоторые птицы, к примеру моевки, являют собой образец нервных, беспокойных родителей: они суматошно кружат вокруг незваного гостя, оглашая окрестности хриплыми криками. Другие — как кайры — демонстрируют более спокойное, философское отношение к жизни. Они попросту снимаются с места и улетают на морские просторы. Возможно, они не осознают опасности, которая угрожает их гнездам. Но мне кажется, что кайры воспринимают непрошеное вторжение человека как долгожданную передышку в родительских трудах. Они без возражения покидают свои ярко-голубые яйца, в их булькающих возгласах слышится беспечное: «Привет ревизору! Все понимаем — плановый контроль рождаемости». Опустившись на морские волны, кайры принимаются развлекаться всеми

известными им способами: плавают, ныряют, переворачиваются в воде, демонстрируя небесам свое белое брюшко... а то еще встанут столбиком и быстро-быстро хлопают крыльями по воде. И все это время бросают веселые взгляды в сторону Сэма Ленга, как бы спрашивая: «Ну, что? Еще не пора возвращаться?»

— С кайрами очень удобно работать, — сообщил Сэм. — Гнезд они не устраивают, просто откладывают яйцо на край скалы. В кладке обычно лишь одно яйцо. Но если я его заберу, то кайра откладывает второе яйцо. Иногда даже может отложить и третье, если с первыми двумя не повезло.

Экие обязательные птицы эти кайры!

— А для чего вы надеваете металлическую каску? — поинтересовался я.

— Чтобы защититься от падающих камней — это главная опасность в нашей профессии. Как-то раз мне на голову свалился осколок скалы, и если б не каска...

Я осторожно подполз к краю обрыва и посмотрел вниз — туда, где на глубине четырехсот футов висела крошечная скорчившаяся фигурка Сэма Ленга. Люлька заметно раскачивалась на ветру, под ногами перекачивались зловещие волны Северного моря. Со всех сторон Сэма осаждали рассерженные птицы, а он бесстрашно перебирался от утеса к утесу, собирая голубые и зеленые яйца.

У меня возникло идиотское желание попробовать себя в этом рискованном занятии, и я попросил разрешения спуститься со скалы. К великому моему удивлению (и ужасу!), Сэм Ленг не стал возражать. Итак, я попался в ловушку собственного безрассудства!

Отступить было некуда, и я безропотно позволил навьючить на себя походное снаряжение мистера Ленга, включая знаменитую металлическую каску. На плечо навесили две полотняные торбы и, прикрепив веревку к

поясному карабину, подвели к краю утеса. Здесь мне вручили направляющую веревку и, посоветовав «травить понемногу», отправили в самостоятельное плавание.

Преодолев первоначальный шок, я обнаружил себя висящим над пропастью лицом к отвесному склону скалы. Инстинкт заставил меня поскорее упереться в него ногами. Заняв таким образом почти перпендикулярное положение, я стал судорожно перебирать веревку. Это был ужасный миг: я ощущал себя мухой на потолке. Сверху надо мной нависал край утеса, поросший грубой травой. Оттуда доносились крики: «Трави, трави полегоньку!»

Я был бы рад последовать совету, но как-то не получалось. Думаю, мешала вездесущая сила гравитации вкупе с обуявшей меня паникой. Наконец что-то там наверху поддалось, и проблема решилась сама собой. Я стал потихоньку опускаться, отталкиваясь ногами от поверхности склона. Голоса сверху объявили, что я «отлично иду».

И все бы могло завершиться удачно, если бы в какой-то момент мой ботинок не вышиб камень из меловой скалы. Осколок полетел вниз, и я невольно проследил за его падением. О Боже! Он летел бесконечно долго. Все вниз и вниз — сквозь стаи мечущихся чаек, туда, где на невообразимом расстоянии разбивались волны о прибрежные скалы. Этот нечаянный взгляд дорого мне обошелся! Все нервы завязались тугим узлом в области желудка. Я повис на веревке, окаменев от ужаса. Причем пугала не сама смерть, а вот эта перспектива и дальше висеть над бездной — вращаться, раскачиваться, возможно, даже перевернуться вверх ногами. Наверное, у меня был очень нелепый вид. Несколько чаек подлетели вплотную и прокричали что-то весьма оскорбительное. Внезапно веревка, на которой я висел, показалась мне живым злобным

существом, замыслившим какую-то каверзу со смертельным исходом.

Господи, ну почему люди так необдуманно ввязываются в опасные ситуации? Я проклинал себя на все корки. С какой стати мне вздумалось ограбить этих милых, ни в чем не повинных птичек? И зачем только я посмотрел вниз! То, что я увидел, напугало до смерти: сплошная меловая стена, которая тремя сотнями футов ниже переходила в кипящее море. Я принялся отчаянно дергать веревку, требуя, чтобы меня немедленно вытащили. В ответ на мой сигнал веревка натянулась и медленно поползла вверх. Четверо мужчин — свидетели моего бесславного возвращения — встретили меня понимающими улыбками.

— Не переживай, приятель! — сказал один из них. — Ты далеко не первый, кто с полдороги запросился обратно.

— Покорно благодарю! — отвечал я, терзаясь муками самоуничижения.

Сэм Ленг вновь облачился в свое обмундирование и молча скользнул вниз со склона. Он вернулся через пятнадцать минут и достал из мешка два десятка чудеснейших яиц — сине-зеленых с черными пятнышками. Ах, как я ему завидовал в тот момент! Будь я заслуженным генералом, то, не задумываясь, отдал бы все свои ордена и медали за возможность оказаться на месте бесстрашного Сэма Ленга!

Четыре с половиной минуты вы варите яйцо кайры в кипящей воде, затем вооружаетесь чайной ложечкой, разбиваете твердую скорлупу и — пожалуйста! — наслаждаетесь самым восхитительным на свете яйцом. Вкус у него не такой резкий, как у гусиного, и оно не отдает рыбой. Белок у него плотный, слегка голубоватого оттенка, а желток неожиданного, темно-красного цвета. Особым шиком считается заказать яйцо

кайры в ресторане отеля. Появление в зале официанта с маленькой подставкой, на которой красуется необычное пятнистое яйцо, нарушает привычную атмосферу английского завтрака. Дети принимают его за раскрашенное пасхальное яйцо и жутко вам завидуют. Они начинают вслух негодовать и требовать такого же подарка. Между столиками витает озадаченный шепот. Кто-то останавливает официанта и расспрашивает об этой диковинке. Затем шум стихает, окружающие с любопытством следят, как вы отправляете в рот первую порцию деликатеса. И все в душе гадают: действительно ли это так вкусно, как вы изображаете? Или, может быть, вы просто рисуетесь? Или вообще взяли яйцо на спор?

Я счастлив сообщить, что эти яйца, хвала небесам, еще не вошли в непереносимую диету наших эпикурейцев.

## 2

Если какой-нибудь продюсер малобюджетного кино надумает снимать сцену в алжирских декорациях, то он сможет изрядно сэкономить, организовав съемки в нашем родном Скарборо. Да-да, не смейтесь, это вполне реальной вариант. Просто нужно дождаться по-настоящему солнечного дня да захватить с собой три сотни бутафорских пальм — и Алжир вам обеспечен!

Йоркшир — не графство, а целая страна. В трех северных ридингах воплотились все основные типы английских ландшафтов. Болотистые йоркширские пустоши как две капли воды похожи на Дартмур, поля и равнины смахивают на Дербишир, окрестности Фламборо-Хед напоминают Корнуолл, а Йоркская долина — типичный Херефордшир. Таким образом, Йоркшир по праву может считаться своеобразной хрестоматией Англии. Это установленный факт, с которым никто уже



не спорит. Но Скарборо! Этот городок являет собой подлинное чудо природа, и остается лишь гадать, как такое место вообще могло возникнуть на карте нашей страны. Создается впечатление, будто Господь Бог создал Скарборо в порыве творческого вдохновения, дабы продемонстрировать всему миру, сколь изобретательна и многогранна может быть йоркширская природа!

Прогуливаясь тихой лунной ночью по центральной части города, вы подсознательно ожидаете, что вот-вот из-за угла навстречу выедет шейх в синем бурнусе на белой берберской лошадке. Уверяю вас, подобный персонаж выглядел бы вполне естественно на узких, горбатых улочках Скарборо! Старый рыбацкий городок, выросший на задворках морского порта, представляет собой живописную картину. Маленькие домики взбираются по крутому склону холма, красные черепичные крыши беспорядочно громоздятся одна на другую — ну, чем не старая арабская крепость Касбы! Но стоит посмотреть на голубой залив, окаймленный белой полосой пенистого прибоя, с его висячими садами и современными зданиями, и вы подумаете, что нет, Касба-то Касбой, но, скорее все же, это французский квартал. Ах, каким бы подарком судьбы стал Скарборо для нашей британской киноиндустрии, если бы люди научились выращивать финиковые пальмы на холодных берегах Северного моря!

Однако на том сюрпризы Скарборо не кончаются. Стоит лишь увериться, что городок этот — точная копия Алжира, как природное освещение неуловимо меняется, ветерок стихает, и дым из печных труб, подобно сизому туману, повисает над крышами Старого города. И вот перед вами уже типичное средиземноморское побережье Франции! А по ночам, когда контуры холма — с его зубчатой крепостной стеной и мерцающими звездочками невидимых окошек — четко

вырисовываются на фоне бархатного ночного неба, начинает казаться, будто Скарборо — младший брат Гибралтара.

Как правило, я остаюсь равнодушен к общепризнанным красотам курортных городов, но в данном случае пришлось изменить собственным принципам. Скарборо сразу и безоговорочно завоевал мое сердце, и я настаиваю, что городок этот является подлинным украшением английского побережья.

Когда-то он славился своими судостроительными верфями. Теперь та страница городской истории осталась в прошлом, однако морской порт Скарборо по-прежнему функционирует: сюда заходят рыболовецкие суда, возвращающиеся с промысла в Северном море. В городе до сих пор сохранились маленькие лавочки, где витают запахи смолы и пеньки, канатной пряжи и непромокаемых морских штормовок.

Я поднялся в шесть утра и отправился в порт, чтобы посмотреть, как выгружают улов с маленьких рыбачьих шхун. В этот ранний час город еще спит и видит сладостные сны об июльском наплыве туристов. Однако в порту кипит оживленная жизнь: повсюду снуют люди в синем джерси и грубых моряцких башмаках. Только что на волне прилива в порт вошла «Паризьен» с грузом североморской трески. Увы, после трехдневного пребывания в море шхуна мало чем напоминает изысканную парижанку. Скорее, она смахивает на рабочую лошадку, вернувшуюся в родную конюшню после долгого трудового дня. Собравшиеся на пристани рыбаки — суровые мужчины с обветренными лицами и маленькими золотыми кольцами в ушах — придирчиво наблюдают, как из трюма корзина за корзиной выгружают улов. Вслед за тем рыбу сортируют по сортам и отправляют на рыбный рынок.

Чего здесь только нет — помимо обещанной трески, палтус и камбала, скаты, крабы и омары...

Утренняя прогулка по Старому городу стоит того, чтобы подняться на рассвете. В этой части города множество старинных живописных домиков. В этом отношении Скарборо ничуть не уступает Честеру. Когда-то район славился своими контрабандистами, и до сих пор дерзкий дух куража и презрения к опасности витает над улочками. Многие из них пересекаются под совершенно невероятными углами, и приходится посторониться, чтобы пропустить какого-нибудь моряка, который тяжело шагает по булыжной мостовой с грузом сетей на плече. В крохотных темных двориках сидят старики с наружностью настоящих квакеров. Они заняты делом: острыми ножами обезглавливают тушки трески (позже эти головы пойдут на приманку для крабов).

В разгар сезона вся городская жизнь сосредоточивалась вокруг источника. Скарборо, конечно же, нельзя назвать курортом в полном смысле этого слова, но город по праву гордится источником минеральной воды, который бьет среди прибрежных скал. С незапамятных времен местные жители использовали свою воду как лечебное средство практически от всех болезней, а с 1620 года источник получил широкую известность и за пределами графства. В восемнадцатом веке сюда уже съезжались несчастные подагрики со всей Англии. Они с удовольствием пили целебную водичку Скарборо и, говорят, оставались весьма довольны результатами. Так продолжалось до тех пор, пока в результате землетрясения источник на целых два года не ушел под землю. Жители Скарборо почувствовали себя осиротевшими. Они приложили немало усилий и в конце концов сумели снова отыскать благословенный ключ. Над ним возвели величественный и помпезный Насосный зал, который существует и поныне, превратившись в некое средоточие общественной жизни Скарборо. Правда, со временем его

значение как лечебного заведения несколько уменьшилось, и Насосный зал превратился в некий развлекательный центр, подозрительно смахивающий на казино!

Но тем не менее каждое утро сюда стекаются толпы выздоравливающих пациентов, квартирующих в окрестных домах. Они отважно преодолевают лестничный пролет, ведущий вниз, в два помещения, где среди замшелых камней бьет чудодейственный источник. Я тоже решил приобщиться к этому чуду природы. Вода имела довольно мягкой и приятный вкус с легким привкусом земли — будто кто-то перед этим вымачивал в ней грибы.

— В наше время многие люди принимают ее для улучшения пищеварения, — сообщила мне обслуживавшая источник женщина.

Я полагаю, что любому приморскому городку, вынужденному ютиться на прибрежных скалах, было бы полезно ознакомиться с опытом Скарборо.

Море в этой части побережья ведет постоянную борьбу с сушей. Волны неустанно бьются о берег, прогрызая себе путь в меловых утесах. В этих условиях жители Скарборо решили воздержаться от строительства традиционного променада, а пошли по пути возведения террасированных садов. Результат превзошел все ожидания: они не только укрепили береговую линию, но и создали незабываемый по красоте городской пейзаж.

Ныне крутые, скалистые берега Скарборо превращены в сплошной розарий. Маленькие висячие садики испещрены множеством извилистых тропинок с уютными беседками, где можно отдохнуть и полюбоваться голубой гладью залива. В результате прогулка доставляет подлинное удовольствие. Горожане бережно относятся к своей земле. Вы не найдете здесь

заброшенных уголков — каждый квадратный дюйм побережья старательно возделан и являет собой маленький шедевр ландшафтного искусства.

Столь необычное архитектурное решение обеспечило Скарборо атмосферу благородной сдержанности, которая выгодно отличает его от прочих приморских городов. Вместо вульгарного, шумного бульвара мы видим сотни ухоженных дорожек, которые разбегаются во всех направлениях и скрываются за гребнем реконструированной скалы.

Уже в первые часы знакомства со Скарборо вы отметите одну удивительную особенность: по улицам города расхаживает множество миниатюрных моряков. Несмотря на свой маленький рост — около четырех футов, — они ведут себя солидно, вышагивают вразвалку, как и полагается бывалым матросам. Проследив за любым из них, вы придете к дверям Мореходного училища — единственного учебного заведения такого рода, которое имеет собственный корабль. Это судно, оснащенное по всем правилам морского искусства, является подарком, который преподнес родному городу мистер К. К. Грэм. Человек этот в годы войны занимал пост мэра Скарборо и, надо сказать, стал одним из самых популярных мэров за всю историю города.

В этой связи я подумал: если бы сотни тысяч фунтов стерлингов, выброшенные на строительство уродливых кенотафов (которые рано или поздно будут снесены нашими детьми или внуками), могли бы быть потрачены на нужды подрастающего поколения или наших уважаемых стариков. Насколько разумнее было бы перевести эти деньги на счет государственных школ или домов призрения!

В тот момент, когда я посетил Мореходное училище, все кадеты были заняты подготовкой своей любимой

«Мэйзи Грэм», 100-тонной шхуны, к многодневному плаванию вдоль восточных берегов Шотландии. Крепкие, загорелые мальчишки сшивали парусиновые полотнища, сбивали новую дверь для каюты, ползали на коленях, исследуя каждый дюйм снятого с мачт грота. Один из пареньков вытянулся по стойке «смирно» и доложил мне:

— В этом путешествии нам предстоит встретиться с военно-морскими кораблями, сэр.

— И где же произойдет встреча? — поинтересовался я.

— В северных водах, сэр, — отчеканил он по всей форме.

Директор училища лейтенант Хезер с гордостью сообщил, что их заведение пользуется заслуженным авторитетом во всех уголках Соединенного Королевства. Сюда приезжают учиться мальчики из Лондона, Саутенда, Харрогита, Шеффилда и даже Канады. Девяносто шесть выпускников училища в дальнейшем продолжают свою службу в рядах Военно-морского или торгового флотов.

— В прошлом году мы ходили к берегам Норвегии, — рассказывал он. — И представляете, нам не пришлось нанимать рабочих со стороны. Мальчики сами справлялись со всей работой. А два года назад, во время выставки, наш корабль ходил в Уэмбли. За три дня мы добрались тихим ходом до Дептфорда. Да, сэр, мы единственная школа, у которой есть собственный учебный корабль. И мы гордимся этим фактом...

Я считаю, что всякий человек, оказавшийся в Скарборо, должен обязательно посетить эту уникальную школу. Что же касается современных миллионеров, пожелавших увековечить свое имя в истории мореплавания, то для них подобный визит будет вдвойне полезен. Ибо трудно придумать лучшую модель для благотворительной акции, нежели Мореходное

училище Скарборо. Полагаю, наша держава только выиграла бы, если б у нее появился маленький флот вот таких вот «Мэйзи Грэм».

Каждый день солнце встает над Северным морем и опускается за стенами Скарборо. Белые меловые утесы громоздятся вдоль берега, который, изгибаясь плавной дугой, уходит на юг, к Файли. Привычная картина... Но затем, как это часто бывает в здешних краях, свет меняется, а вместе с ним меняется окраска прибрежных скал. Теперь они приобретают нежно-розовый оттенок — тот самый приглушенный розовый цвет, который поразил меня на западном берегу Нила в окрестностях Луксора.

И я в очередной раз озадаченно качаю головой. Нет, какое же это непостижимое и романтическое место!

### 3

Когда-нибудь, когда у меня будет больше времени, я обязательно вернусь в Уитби. Вернусь только для того, чтобы, напялив на себя старинные фланелевые панталоны и самую древнюю в мире шляпу, поклоняться по улицам этого очаровательного городка. Ибо Уитби словно специально создан для бесцельного шатания, дуракаваляния и прочих приятных занятий. С этой целью по всему городу расставлены столбы. Гладкие, отполированные спилами многих поколений бездельников, они так и манят к себе — приглашают подойти, навалиться всем весом и постоять в благостном состоянии ничегонеделания. Эти столбы-искусители сулят полный комфорт и абсолютное расслабление!

И вот вы останавливаетесь возле одного из таких столбов, прислоняетесь и закуриваете сигаретку. Рядом стоит такой же бездельник — светлое джерси, темно —

голубые глаза — ах, какой приятный молодой человек! И вы заводите с ним неспешный разговор: обсуждаете сегодняшнюю погоду и качество омаров в ближайшем; ресторанчике. Затем неспешно бредете дальше... За вами почти наверняка увяжется бездомный пес да паратройка восхитительно неопрятных, босоногих ребятишек. Тем временем начинается час прилива, уровень воды в реке Эск неуклонно повышается. И тогда на вершину мачты, укрепленной у самого входа в порт, поднимается некий предмет, напоминающий футбольный мяч-переросток. Это — условный сигнал для маячащих вдали лодок-плоскодонок. Он сообщает рыбакам, что вода поднялась достаточно высоко, и они могут безбоязненно плыть домой. И они возвращаются (кто под парусами, а кто и тархтя стареньким паровым двигателем), бросают якорь в гавани Уитби и прямо на набережной выгружают улов.

На этом импровизированном рыбном рынке под открытым небом представлены в основном крабы, черно-голубые омары и лосось. Вскоре появляются и первые покупательницы — женщины, замотанные в шали, с объемистыми корзинками в руках. Начинается непрерывный торг. Там и сям мелькает симпатичная статная блондинка. Готов поспорить, что эта красотка отращивает косы с самого рождения и за всю свою жизнь не выкурила ни одной сигареты. Ее сопровождают маленькие беззубые старушки с добрыми глазами, скрывающимися в сеточке мелких морщинок.

Ну, что ж... Омары и крабы благополучно проданы, лосось — в силу своей дороговизны — остался невостребованным. Может, в другом месте повезет больше... Оживление спадает, рынок закрывается — еще до того, как породивший его прилив сменяется отливом.

Больше смотреть не на что, и городские бездельники возвращаются к своим отполированным столбам.



Я считаю, что каждый, кого судьба забросит на юг Англии, просто обязан посетить город Уитби. Хотя бы для того, чтобы увидеть, как Йоркшир умеет копировать то лучшее, что есть в Корнуолле и Девоне. Уитби — это Бриксем и Полперро, перенесенные на северо-восточное побережье. Здесь также имеются свои замечательные художники, которые воспроизводят красоты родного края на стенах Берлингтон-хауса. Но вы их никогда не узнаете, ибо эти люди — в отличие от своих южных коллег — не считают нужным бравировать балахонами из мешковины и экзотическими браслетами.

Два высоких зеленых утеса разделены долиной, по которой протекает река Эск. Восточный утес стал пристанищем Старого Уитби. Маленькие домики с черепичными крышами карабкаются по склону утеса, издаലെка напоминая колонию ярко-красных моллюсков, прилепившихся к подводной скале. Улочки образуют неправильной формы террасы, которые нависают одна над другой. Все вместе — красные черепичные крыши и высокие дымовые трубы — образуют один из самых прелестных городских пейзажей, какие мне доводилось видеть в Англии. А высоко над Старым городом — почти на самой вершине утеса, куда ведет каменная лестница из ста девяноста девяти ступенек — виднеются серебристо-серые развалины местного аббатства. Оно было посвящено (и носило имя) святой девы Хильды. Аббатство прежде всего прославилось тем, что именно здесь Кэдмону, знаменитому монаху-пастуху, явились его пророческие видения. Но это не единственная лепта, которую данное аббатство внесло в историю христианизации Англии. Тысяча двести шестьдесят три года назад здесь состоялся специальный синод, призванный разрешить разногласия между Ирландской церковью и конкурировавшей с ней римско-католической церковью. В ходе этого разбирательства была наконец установлена точная дата Пасхи, которая

на протяжении многих лет оставалась камнем преткновения между представителями обеих конфессий.

По другую сторону от реки Эск расположился Новый Уитби. Этот район города тоже задуман как скопление террас, но отлично спланированных, разбавленных небольшими садиками и ухоженными лужайками. И хотя Новый Уитби слишком похож на наш аристократический Кенсингтон, чтобы затронуть мое сердце, все же, справедливости ради, должен признать: это исключительно удобное и приятное место для жизни. Когда-нибудь со временем оно превратится в настоящее подобие Скарборо. Здесь уже построен развлекательный центр, где горожане могут поесть, потанцевать и даже посмотреть спектакль. Все это замечательно, непонятно только, почему его назвали «Спа» — ведь никакими целебными водами здесь и не пахнет!

Если говорить о деловой активности, то Старый Уитби представляет собой удручающее зрелище. Кораблестроительные верфи (равно как и контрабандная торговля), некогда процветавшие в этом районе, давно уже почили в бозе. Две другие отрасли — рыболовство и производство украшений из гагата — тоже находятся в состоянии безнадежного упадка. В то же время Новый Уитби активно пытается зарабатывать деньги на игроках в теннис и гольф-клубах. Ну и, конечно, взимает посильную мзду с туристов, которые приезжают посмотреть на Старый город.

Наверное, оптимальным вариантом было бы жить на западном утесе, а проводить время на восточном. Старый Уитби меня совершенно очаровал, я могу любоваться им до бесконечности. Какое наслаждение гулять по старым кривым улочкам и переулкам, которые здесь зовутся «ярдами», то есть дворами. Здесь явственно ощущается дыхание моря: рыбаки сушат на солнышке сети для ловли лосося, постоянно доносятся какие-то новости из порта. Единственный мост через

реку — тот самый, который связывает между собой Старый и Новый Уитби — периодически разводят, чтобы дать возможность рыбацким судам выйти в открытое море. А заезжие гости, которые рыщут повсюду в поисках необычных впечатлений (так и слышу их возгласы: «Нет, ты только посмотри! Ну, не чудо ли?»), давно уже воспринимаются как неизбежное зло.

Прогуливаясь по Уитби и невольно сравнивая его с Кловелли — таким же своеобразным и живописным городком в Девоншире, — я обратил внимание, сколь поразному ведут себя два эти города. Если Кловелли воспринимает восхищение многочисленных туристов как должное, то Уитби совершенно искренне не понимает, для чего приезжают все эти люди.

Разговаривают местные жители на особом диалекте, который зачастую (особенно в устах беззубых старожил) становится почти недоступным для понимания. Вот, кстати, любопытно послушать, как изъяснялись бы между собой два старика — из Уитби и девонширского Бриксема!

Особое удовольствие мне доставляло наблюдать за местными детишками. Надо сказать, что их здесь великое множество. Ни в одном английском городе я не видел такого количества детей на квадратный ярд. Создается впечатление, будто весь Уитби — один огромный детский сад! Дети снуют по улицам, возятся в полосе прибоя, оккупируют зеленые лужайки западного утеса и, по ходу дела, насыщают весь город ощущением пронзительного, немотивированного счастья. Многие из детишек отправляются на исследование длинной каменной лестницы, ведущей к руинам аббатства (ха, а вы бы не пошли на их месте?) И мне неоднократно доводилось наблюдать, как поздним вечером какой-нибудь несчастный папаша кряхтя карабкается по каменным ступеням в поисках загулявших отпрысков.

Позже можно видеть, как тот же папаша спускается вниз, волоча за шиворот двух неслухов и останавливаясь через ступеньку, чтобы дать выход родительским эмоциям. Кто его осудит? Лично я считаю: если мужчина трое суток провел на палубе рыболовецкой шхуны в Северном море, а по возвращении домой, вместо того чтобы отдыхать, вынужден тащиться на вершину утеса (не забудьте, там ровно сто девяносто девять ступенек), он имеет право на подобное самовыражение!

В Уитби дети отлично проводят время. Старый порт представляет им прекрасные возможности для выброса энергии. Да и городские улицы, по ощущениям, были специально спроектированы самими детьми как идеальная площадка для игры в прятки. И, конечно же, здесь бродит огромное количество собак, в любой миг готовых присоединиться ко всякой ребячьей забаве!

На закате солнца вы обязательно должны подняться на вершину утеса и постоять в длинной тени аббатства Святой Хильды.

Обычно в это время суток ветер стихает, и вы можете услышать далекий колокольный звон, долетающий со стороны моря.

Рассказывают, будто давным-давно в Уитби заявила некая пиратская шайка, не обремененная христианским вероисповеданием. Прочесав весь берег, они добрались до аббатства и похитили колокола с церковной колокольни. Совершив это святотатственное злодеяние, пираты сели на свою галеру и отправились восвояси. Но не успели они выйти в открытое море, как их настигло справедливое возмездие. Погода неожиданно испортилась — небо потемнело, откуда ни возьмись налетел шквалистый ветер. Поднялся страшный шторм, огромные волны захлестывали суденышко и в конце концов потопили его вместе с похищенными колоколами. По слухам, те так и остались

лежать на морском дне. Поговаривают также, что, если влюбленный юноша поднимется к развалинам аббатства в полночь накануне дня Всех Святых и, обратившись лицом к морю, прошепчет имя своей избранницы, то, возможно — если судьба будет к нему благосклонна, — произойдет чудо: откуда-то из морской пучины послышится колокольный звон. Большой колокол Уитбийского аббатства сыграет для возлюбленных свадебный марш.

Красивое поверье... Впрочем, нет нужды дожидаться праздника Всех Святых: каждую ночь, если хорошенько вслушаться, можно различить тихий колокольный звон, поднимающийся из морских глубин. Верить или не верить в легенду — ваше дело. Я и сам — если б дело происходило в любой другой части Англии — наверняка сказал бы, что это просто работает бакен с колоколами.

#### 4

Было время, когда любая уважающая себя англичанка носила гагаты из Уитби. Спросите свою бабушку, и она подтвердит вам, что в ту эпоху отказ от гагатовых украшений был равносителен личному оскорблению королевы Виктории!

Местные мастера изготавливали из этого материала оригинальные брошки, браслеты и бусы. При соответствующей обработке гагат напоминает черные бриллианты, и викторианские модницы охотно покупали изделия из этого нарядного и недорогого материала. Очень популярной была также вышивка из гагатого «стекляруса».

И в наши дни подобный раритет можно изредка еще увидеть где-нибудь в театральном фойе — как правило, он украшает дебетые телеса престарелой сельской помещицы. В викторианскую же эпоху такие расшитые

туалеты почитались неотъемлемой принадлежностью гардероба любой респектабельной женщины. Для меня остается загадкой, как наши дедушки вообще осмеливались приближаться к своим дамам — блестящим и дребезжащим, точно рождественская елка!

Нынешние барышни в своих коротеньких платьицах, едва прикрывающих колени, не имеют даже представления о великолепии той поры, когда широкие, расшитые стеклярусом юбки мели пол с благочестивым шелестом. Ювелирные изделия, выходившие из мастерских Уитби, стали символом блеска и добродетельности викторианской эпохи. Окончательно же их слава утвердилась, когда местные резчики были удостоены официального звания «Поставщиков гагатых украшений для Ее Величества королевы Виктории».

В наше время, боюсь, лишь немногие помнят о гагате. Что же это такое? Гагат (или черный янтарь, как его еще именуют) представляет собой окаменелую субстанцию, которую находят на берегу моря в окрестностях Уитби. Ареал поисков ограничивается поселком Скиннингроув на севере и Касл-Чамбер, расположенным неподалеку от Робин-Гуд-бэй, на юге. Иногда он встречается и в глубине полуострова — в основном в районе Кливлендской возвышенности. Гагат — хрупкий камень черного цвета, по внешнему виду напоминающий минеральную смолу. Он легко поддается обработке и после полировки начинает блестеть не хуже навощенного эбонита.

Британские женщины носили гагатые украшения задолго до прихода римлян. Бусы из этого материала обнаружены в могильных курганах древних бриттов. Редьярд Киплинг упоминает черный янтарь из Уитби в своем стихотворении «Мерроу-Даун». Помните тот отрывок, где он описывает торговлю на древней дороге?

Встречались тут, сходились тут  
И мену всякую вели —  
И шел родной гагат взамен  
Гребней из чуждой им земли.

Однако широкое распространение гагат получил лишь в эпоху правления королевы Виктории. Не берусь предположить, что послужило стимулом к разразившемуся безумию, но в 1835 году цена на ювелирные украшения из Уитби доходила до двадцати тысяч фунтов. В ту пору в городе трудились не менее тысячи мастеров.

Увы, мода меняется. Сегодня в Уитби едва ли наберется пятьдесят «джитеров», то есть резчиков по гагату. Броши и браслеты — которые прежде ценились во всех уголках мира и которые украшали своим блеском лучшие дворцы Европы — сегодня уходят к заезжим туристам буквально за бесценок.

Если в ближайшее время мода на черный янтарь не возродится (а поверьте, он того стоит), то производство украшений из гагата пополнит собой список утраченных ремесел Англии.

А между тем в Уитби до сих пор сохранилось множество лавочек, специализирующихся исключительно на продаже гагата. Здесь можно наткнуться на совершенно уникальные изделия из коллекций старых ювелиров. Боюсь, что в будущем подобным шедеврам уже не суждено появляться на свет. Ибо мастера старой закалки уходят из жизни, а среди молодежи находится немного желающих перенять их искусство.

В наши дни самым популярным изделием является брошь с вырезанным на ней девичьим именем. Побрякушки эти очень дешевы и, между прочим, многое говорят о современном поколении англичан. Взгляните

только на список имен! Сплошное засилье Марий, Мэри, Джейн, Дороти, Руби, Элис... и почти не встречаются милые старинные имена — такие, как Джоан, Синтия, Патриция, Паулина и Барбара.

Если покупателю не удалось отыскать имя возлюбленной в предложенном списке, то местные мастера за несколько минут исправят досадное упущение и прямо при клиенте вырежут заветные инициалы на куске гагата.

Я посетил одну из таких мастерских, где в былые дни трудились до двадцати человек. Сегодня весь штат работников состоял из одного старика и его молодого ученика. Вдоль стены пылился целый ряд примитивных станков в ножным приводом.

— Я помню, какая здесь кипела работа шестьдесят лет назад, — говорил старый мастер. — С тех пор эта мастерская и ее оборудование практически не изменились. В то время это было прибыльное ремесло. За три дня можно было заработать достаточно, чтобы остаток недели преспокойно отдыхать. Эх, а какая суматоха поднялась после кончины супруга королевы Виктории! Вот было времечко... Мы не успевали справляться с заказами! Камня не хватало, приходилось заказывать дополнительно. Все хотели купить памятную камю!

Я предположил, что как раз этот посмертный ажиотаж и сыграл печальную роль в гагатовом бизнесе. Ведь с тех пор этот камень вызывает у публики устойчивые похоронные ассоциации. Однако старик со мной не согласился. Он доказывал, что спрос на гагатовые украшения сохраняется и в наши дни.

— Поговаривают, что скоро гагат снова войдет в моду!

— Да уж, скорее бы, — вздохнул его молодой напарник. — Иначе и мастеров-то не останется, некому



будет удовлетворять спрос. А ведь всего-то и надо, чтобы какая-нибудь крупная лондонская фирма заинтересовалась гагатом, и пара-тройка модниц снова начала его носить.

Они продемонстрировали мне несколько старинных украшений, сработанных еще в пору расцвета ремесла. Это были подлинные произведения искусства, доказывающие, что для мастеров из Уитби не существовало ничего невозможного.

Не прерывая беседы, рабочие вернулись к своему занятию. Я смотрел, как они брали одну гагатовую заготовку за другой, быстрыми умелыми, движениями вырезали на камне имя очередной «Мод», «Дженет» или «Мэри» и откладывали в сторону для дальнейшей обработки и полировки.

— Обычно эти броши раскупают туристы в летний сезон, — пояснил старик.

— Одно слов — ширпотреб! — горько вздохнул парень. — Даже не верится, что когда-то королевы с гордостью носили гагатовые украшения...

И он с раздражением фыркнул.

— Наберись терпения, мой друг, — примиряюще сказал старик, обтачивая на станке небольшой продолговатый кусочек камня.

И, бросив на меня взгляд сквозь стекла своих очков, добавил:

— Господь велел нам стойко переносить превратности судьбы.

— Слышал-слышал, — досадливо отмахнулся юноша. — У вас, папаша, терпения хоть отбавляй, а вот у меня оно подходит к концу. Ведь сейчас хорошо, если я три дня в неделю работаю! Что за жизнь... Эх, если б только королева и принцесса Мария... Впрочем, что толку сокрушаться понапрасну!

Он поднял очередную брошь и резкими, размашистыми движениями вырезал на ней нейтральное

«Дорис».

## 5

Очутившись в этой части Англии, обязательно дождитесь солнечного утра, когда с Северного моря задувает свежий ветерок. Выйдите на берег и бросьте прощальный взгляд на блестящую, с белыми барашками гладь залива. А затем разворачивайтесь и отправляйтесь в глубь острова по направлению к Пикерингу. По дороге вы проедете Торнтон-Дейл. Мне ее характеризовали как самую очаровательную йоркширскую деревушку (я с этим не согласен: в Йоркшире все деревушки очаровательные, и трудно выбрать из них лучшую!)

В Пикеринге уютная щедрость Йоркской равнины с ее зелеными полями и фруктовыми садами достигает апогея и наконец-то исчерпывается. На улицах городка вы часто можете встретить человека с коровой. Иногда он ведет животное на прогулку, регулируя движение при помощи прута из живой изгороди. А порой случается и наоборот — корова целеустремленно топает впереди, а человек бредет за нею следом.

До сих пор вы ехали по местности, где над каждым городком неизменно доминировала местная церковь. Серые церковные башни горделиво высились на пышными кронами деревьев, а вокруг тесно лепились маленькие каменные домишки. По воскресеньям на лугу устраивались скотные ярмарки, куда собирались фермеры с окрестных деревень. Попыхивая трубочками они стояли, облокотившись на загородку, и рассматривали овец — тем же безучастным взглядом, каким взирала на них выставленная на продажу скотина. Народ перемещался в основном верхом, и нередко можно было видеть крошечного мальчугана,

взгромоздившегося на спину шайрского тяжеловоза — беспечно посвистывая, юный всадник гнал своего коня в кузницу или на пашню. В полях разгуливали чернобурые свиньи, которые деловито рылись пяточками в земле, а ветер приносил и бросал им на спину яблоневый цвет.

Привычные газетные заголовки выглядели абсолютно чужеродными в этой патриархальной среде. Я уверен, что здешние жители — добрые, улыбчивые люди — читают о жестоких убийствах в далеком Лондоне примерно с тем же чувством, с каким ребенок читает сказки Андерсена.

И вот в Пикеринге милой безыскусной простоте приходит конец. К северу от этого живописного городка с крутыми, горбатыми улочками начинаются безлюдные пустоши. Пикеринг выглядит и ведет себя, как пограничный город. Его каменные домики стоят кучно. Так и кажется, будто они сплотились, чтобы дать отпор опасной дикости, которая подступает к самому их порогу.

Йоркские пустоши — тот же Дартмур, только перенесенный на север Англии. Бесконечная холмистая равнина тянется до самого горизонта. Пустоши громоздятся друг на друга, напоминая огромную замерзшую лавину. Свет здесь постоянно меняется. Набежавшие на солнце тучи отбрасывают гигантские тени на равнину и совершенно изменяют ее окраску.

Вы едете по абсолютно безлюдной местности. Лишь изредка из зарослей вереска вспорхнет старый, бывалый фазан и, тяжело маша крыльями, перелетит через дорогу. Или же длинноухий кролик замрет на обочине, провожая взглядом машину. Кого здесь много, так это жаворонков. Они парят высоко в поднебесье и посылают вам свою звонкую, переливчатую песню. И повсюду — миля за милей — разбросаны заросли утесника, пламенеющего на солнце. Вдалеке синют невысокие

горные кряжи — они сине-фиолетового цвета, каким бывает выращенный в теплицах виноград.

Это холодный, суровый край, который на протяжении веков был сам по себе — он не давал ни пищи, ни убежища ничему живому. Редкие деревья с уродливыми, искривленными сучьями пригибаются на ветру и выглядят так, будто сюда их занесло по ошибке. Здесь бесконечное царство коричневого вереска: он стелется по земле, колышется, как живой, и нашептывает какие-то истории. Кое-где в вересковых зарослях мелькают неприметные, ржавые от торфа ручейки — они возникают словно бы ниоткуда и в никуда же уходят.

Несколько часов продолжается ваше путешествие сквозь это великолепное, ничем не нарушаемое безлюдье. Лишь достигнув, наконец, первых горных отрогов и бросив взгляд с высоты, вы неожиданно замечаете лежащую внизу крохотную — всего на несколько домов — деревеньку, которая притаилась на зеленой полоске травы в овраге. Вы продолжаете свой путь дальше, и единственными людьми, которые вам встретятся, будет мужчина с ружьем, неспешно шагающий по тропинке в обществе черного ретривера, да старик с лопатой — видно, вышел накопать себе торфа; этот при вашем появлении с трудом разогнет согбенную спину и одарит вас внимательным взглядом.

У обочины стоял столб с табличкой, на которой значилось: «К Робин-Гуд-бэй». Я с сомнением посмотрел на узкую дорогу, уводившую вниз, в каменистую долину меж отвесных скал.

Спуск показался мне слишком крутым — моя машина могла и не справиться с ним. И все же любопытство пересилило, и я начал осторожно продвигаться по этой головокружительной проселочной дороге. Очень скоро я очутился в настоящем йоркширском Кловелли.

Рыбацкая деревушка расположилась на крутом склоне холма, улочками служили мощеные булыжником террасы. Маленькие домики стояли очень тесно, глядя друг на друга через мостовую шириной всего в несколько футов. Арочные проемы вели во внутренние дворы. Я заглянул в один такой двор и был поражен его размерами. Там, на задворках первого ряда домов, обнаружили новые мощеные террасы и новые улочки со множеством домов.

Один из жителей раскрыл мне секрет столь необычной планировки.

— В старину, — рассказывал он, — у нас был целый флот из двухсот судов. Мужчины надолго уходили в море, а женщины старались держаться вместе. Замужние дочери предпочитали жить в родительских домах со своими матерями. Большинство старых домов стоит на земле, взятой в аренду на тысячу лет. Когда семьи разрастались настолько, что уже не помещались в одних стенах, для молодой семьи возводили новый трехкомнатный дом на том же участке — во дворе или в саду. В результате вся деревня превратилась в такой вот муравейник.

Эти старые дома, наверное, помнят множество волнующих историй: о запрятанном в подвалах контрабандном бренди; о таможенных кораблях, день и ночь бороздивших залив; и о таможенных инспекторах, безуспешно пытавшихся разобраться в хитросплетении деревенских улочек. Но больше всего здесь любят поговорить о Робин Гуде.

Местные жители утверждают, что в какой-то момент — когда Шервудский лес стал небезопасен для благородного разбойника — тот нашел себе пристанище на вересковых пустошах и в маленьких прибрежных деревушках восточного побережья. Говорят, будто Робин некоторое время жил в аббатстве Уитби, где было очень удобно практиковаться в стрельбе из лука.

Рассказывают также, что он грабил богатых йоркширских аббатов. Тут до сих пор любят вспоминать историю о хитром монахе, которая приключилась в Фаунтинсе. Якобы разбойник приказал ему перенести себя на закорках через речку. Святой брат послушно подставил спину, но затем, когда они уже были на середине пути, неожиданно сбросил Робина и поколотил его.

Воспоминаний и легенд много, но жители деревушки так и не смогли мне объяснить, откуда появилось такое название — Робин-Гуд-бэй. Всякий раз в ответ на мои вопросы они начинали чесать в затылке и мямлить что-то вроде: «Ну да, он, конечно же, был здесь!» Но при том всем своим видом показывали: это случилось не при них, а чуть раньше. Потому и не помнят, а вот дедушка, наверное, припомнил бы!

Мне кажется, нашим филологам было бы очень интересно и полезно побывать в Робин-Гуд-бэй. Они наверняка бы услышали здесь много новых слов. Местный диалект для моего уха звучал, как иностранный язык. А дело в том, что жители деревушки являются потомками данских пиратов, которые приплыли сюда в саксонские времена, да так и остались жить в этом каменистом ущелье. Сама природа позаботилась о том, чтобы ограничить их контакты с внешним миром и, в силу этого, сохранить язык далеких предков. Здесь бытует множество словечек, которых я не встречал нигде больше в Йоркшире.

На берегу я увидел старика с роскошными рыжеватыми усами, который выглядел, как настоящий древний викинг! Он задумчиво курил трубку, и было неясно, куда устремлен взгляд его пронзительно-голубых глаз — то ли в морскую даль, то ли на пса, который сидел у ног хозяина и настороженно ловил каждое его движение.

Однако мне было пора возвращаться в современный мир. Дальше дорога моя лежала в Дарэм.

## Глава седьмая

### Дарэм

*Я сижу в нефе Дарэмского собора и вспоминаю историю святого Кутберта — как он после многовековых скитаний обрел наконец покой в стенах этого храма. Я беседую с человеком, которому посчастливилось видеть мощи святого, после чего еду дальше в Ньюкасл, Берик и на священный остров Линдисфарн.*

#### 1

Сидя в величественном нефе Дарэмского кафедрального собора, я мечтал о том, чтобы отыскался, наконец, энтузиаст, который написал бы историю английских соборов. Это была бы чрезвычайно интересная книга. Ведь у всех наших великих церквей богатое прошлое, и почти с каждой из них связана какая-то чудесная история. Взять хотя бы тот же Дарэмский собор...

Все началось в далеком 559 году от Рождества Христова. Некий ирландский монах сидел в монастырской келье Мовилла и что-то писал при неверном свете свечи. Четыреста долгих лет отделяло ту ночь от времени, когда на Дарэмском холме поднимется маленькая деревянная церковь. Но тем не менее именно этот миг, когда молодой монах взял в руки перо и пергамент, можно считать решающим в судьбе будущего грандиозного собора.

В тот период Ирландия была уже христианской страной, и именно монастыри сохраняли светоч духовности и культуры — безнадежно угасший в Англии с уходом римлян. Ирландские миссионеры наведывались



в дальние страны: они путешествовали пешком в грубых белых рясах, с пояса у них свисали кожаные мешочки с текстами Священного Писания. И повсюду, где бы они ни появились, монахи несли Слово Божье, обращая язычников в истинную веру. Нередко путь их пролегал по английской земле. По возвращении домой, в родной монастырь, миссионеры рассказывали ужасы об Англии. По их словам выходило, что страна эта погрязла в неверии и варварстве, что грабежи и убийства стали там нормой жизни. Вспоминали монахи и бывшие римские города, который нынче лежат в руинах, и зловонные трупы догнивают на их стенах.

Монаха, который тайно корпел над рукописью в монастырской келье, звали Колумкилле, что переводится как «Голубь церкви». Позже он войдет в историю как святой Колумба. Итак, Колумкилле гостил в Мовилле, где, как он знал, хранился великолепный экземпляр Вульгаты. Монах, который и сам был великим писателем, горел нетерпением ознакомиться с раритетом. Увидев же его, он понял, что не успокоится, пока не изготовит для себя копию известного манускрипта. Ночью он проник в церковь, где лежала Вульгата, и взял ее для переписки. Колумкилле работал втайне, никого не посвящая в свои планы. Но случилось так, что аббат Финниан, настоятель монастыря, однажды застал юношу за этим занятием и очень рассердился. Он потребовал, чтобы дерзкий монах отдал ему копию, но Колумба отказался повиноваться. Более того, он обратился к верховному королю Ирландии за помощью. Однако король решил дело не в его пользу.

— Твое решение несправедливо! — воскликнул разгневанный монах. — И ты еще о нем пожалеешь!

Со стороны Колумбы это были не пустые угрозы. Дело в том, что он принадлежал к очень знатному роду и имел влиятельных родственников из клана О'Доннелов.

Судя по всему, судьба твердо вознамерилась испытать молодого монаха на прочность. И дальнейшие события это подтверждают. В ту пору один из кровных родичей Колумбы — юный принц — попал в сложное положение. Он участвовал в спортивных состязаниях в Таре и случайно убил на поединке своего противника. Юноша был вынужден искать убежища при дворе верховного короля, однако нашел там не защиту, а смерть. Тогда Колумба кинул клич кровной мести и поднял кланы на войну против коронованного предателя. В 561 году состоялась битва при Кул-Дремне, которая обернулась настоящей бойней.

Король потерпел сокрушительное поражение, однако он все же оставался верховным правителем и сумел добиться для своего обидчика отлучения от церкви. И хотя позже благодаря заступничеству святого Брендана из Берра эта санкция была отменена, Колумба — теперь уже не воин, а простой монах — продолжал мучаться раскаянием за пролитую кровь. Он отправился за советом и вразумлением к знаменитому отшельнику святому Ласрену, который жил на острове Лох-Эрн. Тот наложил на монаха епитимью: Колумбе предписывалось покинуть Ирландию и не возвращаться до тех пор, пока он не приведет к Христу столько же душ, сколько было загублено в злополучной битве при Кул-Дремне. Дальше уже события разворачивались на английской земле...

В 563 году Колумба с двенадцатью другими монахами сел на корабль и поплыл к берегам Шотландии. Первую остановку они сделали где-то возле Оронсея. Здесь Колумба поднялся на вершину холма и, бросив взгляд на юг, обнаружил, что на горизонте все еще смутно видны очертания ирландской земли. А надо сказать, что святой Ласрен запретил ему не только возвращаться на родину, но даже и видеть ее. Монахам ничего не оставалось делать, как вернуться на палубу и продолжить свое плавание. Тринадцатого мая 563 года

они снова высадились — теперь уже на острове Айона. На сей раз они оказались достаточно далеко: сколько ни смотрел Колумба в южном направлении, повсюду он видел лишь морские волны.

Тринадцать ирландских монахов, которым суждено было войти в историю, решили остаться на острове. Они построили себе деревянные хижины и маленькую часовню и начали возносить молитвы Богу. Так на шотландской земле возникла церковь Айоны, которая сыграла большую роль в христианизации Шотландии и Северной Англии.

По-прежнему до возникновения Дарэмского собора оставались еще долгие столетия, но очертания величественного храма уже замаячили в небесах, когда на маленький остров прибыл молодой человек по имени Эйден. Подобно самому Колумбе, он тоже был ирландцем королевского происхождения. Юноша присоединился к маленькой христианской общине и сорок лет провел на острове, посвящая время чтению молитв и проповедям.

Много лет спустя после смерти Колумбы святой Эйден решил покинуть Айону, чтобы организовать подобный же монастырь где-нибудь возле Нортумберлендского побережья. Он остановил свой выбор на маленьком пустынном островке Линдисфарн. Так в 635 году на английской земле возник первый ирландский монастырь. И случилось это через семьдесят два года после того, как святой Колумба был изгнан из Ирландии за неповиновение верховному королю.

На мой взгляд, это одна из самых прекрасных и романтических страниц в истории христианства — время аскетичной святости в условиях сурового уединения, когда звуки монашеских песнопений смешивались с рокотом набегавших волн и время от времени заглушались криками морских птиц. Представьте себе, как эти героические нищие проповедники идут по

дикой, полной опасностей стране, вербуя сторонников своему Богу. Многие верующие приезжали на Линдисфарн, дабы приобщиться к святости местного отшельника, святого Эйдена. Среди них оказался и аббат Кутберт, служивший настоятелем Мелроузского монастыря. Этот человек стал прямым духовным наследником Колумбы и Эйдена. Выросший на идеалах материнской церкви Айоны, он проповедовал христианскую праведность и отказ от всяческих материальных привязанностей. Времена тогда царили жестокие, и общаться Кутберту приходилось с дикими, воинственными людьми. И все же он умудрялся завоевывать все новые души — не мечом и огнем, а единственно вдохновляющим примером собственной святости. Время от времени Кутберт покидал монастырь и удалялся на крохотные уединенные островки, где ничто не отвлекало его от благочестивых размышлений. Дни и ночи проводил он в молитвах, и голосу его вторили лишь крики морских чаек да шум волн, набегавших на каменистый берег. Слава о нем шла по всему христианскому миру. Поэтому не удивительно, что, когда освободился епископский престол в Линдисфарне, выбор пал именно на Кутберта. Суровые саксонские вожди прибыли на затерянный в морских просторах островок и приблизились к вырубленной в скале келье, в которой жил святой отшельник. С собой они привезли епископскую мантию, а также посох и перстень. И опустились они на колени и смиренно просили монаха принять эти символы власти над осиротевшей епархией. Верный христианскому долгу, Кутберт согласился принять нелегкое бремя на свои хрупкие плечи. Произошло это в 685 году, а через два года святой Кутберт, епископ Линдисфарнский, скончался. Перед смертью он взял со своих соратников, братьев-монахов, обещание: если в силу каких-то причин — ибо хищные тени остроносых викингских драккаров

уже маячили на горизонте — им придется когда-либо покинуть остров Линдисфарн, то они возьмут его тело с собой и перезахоронят там, где будет построена новая церковь.

Святой Кутберт тогда, конечно же, не догадывался, сколько мытарств выпадет на долю его останков, и как далеко они окажутся в конечном счете от этого скромного монастыря. Ему и в голову, наверное, не приходило, что не единожды за грядущие века авторитетные церковные мужи (ныне и не родившиеся) станут тревожить его бедные кости — доставать из гроба и разглядывать, как некое удивительное чудо. Легенда гласит, что тело святого Кутберта осталось нетленным. Выяснилось это примерно через двенадцать лет после его смерти, когда зашла речь о канонизации бывшего епископа Линдисфарна. По законам того времени останки людей, удостоившихся ореола святости, подлежали торжественному перезахоронению. Именно это и было проделано с телом святого Кутберта. В один прекрасный день на церковное кладбище явилась группа монахов во главе с аббатом. Распевая псалмы Давида, они возвели шатер над могилой святого Кутберта. После чего старейшие и наиболее уважаемые члены братства разрыли землю и осторожно извлекли останки святого человека. Они омыли их, завернули в шелковое покрывало и поместили в деревянный сундук, который затем захоронили внутри каменного саркофага в маленькой церкви Линдисфарна.

Вот, как описывает эту церемонию древний летописец:

Удивительное дело! Когда монахи вскрыли могилу, то обнаружили, что тело избегло разложения и лежит в том самом виде, в каком его похоронили одиннадцать лет назад. Можно было бы ожидать, что по прошествии стольких

лет тело будет жестким и окоченевшим, мышцы усохнут, кожа сморщится и облезет. Но ничего подобного: конечности сохранили свою гибкость и подвижность в суставах. Достав труп из могилы, монахи попытались повернуть ему голову, согнуть и разогнуть колени. Им это удалось без труда, как если бы они имели дело с живым человеком. Одежда и обувь, соприкасавшиеся с кожей, тоже остались неповрежденными. Когда сняли тряпицу, которой была обвязана голова трупа, стало видно, что лицо его сохраняет прежнюю красоту и белизну. То же самое можно сказать и о новых сандалиях, которые были надеты на покойника и остались в прежнем состоянии. В подтверждение сего чуда сандалии были изъяты и помещены среди реликвий нашей церкви.

На протяжении следующих ста семидесяти семи лет тело святого покоилось в деревянном гробу, куда его поместили благочестивые монахи. Однако к концу этого срока Линдисфарнская церковь перестала казаться надежным убежищем. Все чаще из-за моря приплывали хищные драккары северных пиратов. Дикая, необузданная орда викингов обрушилась на берега Англии. Они приходили со своими длинными мечами, грабили мирных жителей и разоряли монастыри. Захватив все ценное и предав смерти беззащитных монахов, они грузили добычу на корабли и уплывали восвояси. Короче, в 875 году монахи решили покинуть остров и перебраться в более безопасное место. И хотя среди них не осталось ни одного современника святого Кутберта, клятва, данная у смертного одра епископа, сохраняла свою силу. Монахи передавали ее из поколения в поколение. И сейчас, в горестную годину, они достали гроб с мощами Кутберта и вместе с ним

тронулись в путь. Монахи уходили в глубь острова, выискивая место для новой обители.

Можно представить себе это зрелище! Что должны были думать сельские жители, завидев вдали скорбную процессию с гробом на плечах? Думаю, в те дни это стало новостью номер один во всей Северной Англии. И не один перепуганный пастух рассказывал своим товарищам, как встретил толпу монахов, пересекающую вересковую пустошь или блуждающую в лесу.

— Я спросил, что это такое они несут с собой. И мне ответили: «Мы несем прах нашего святого, Кутберта, к его новому дому!»

Целых восемь лет скитались монахи со своей священной ношей по северу Англии. Мы можем отследить их маршрут по той цепочке церквей Святого Кутберта, которая протянулась от одного побережья до другого в этой части острова. На некоторое время монахи остановились в Крейке, затем, казалось, уже окончательно осели в Честер-ле-Стрите. Здесь они задержались на сто с лишним лет, однако в 995 году им снова пришлось сняться с места и двинуться дальше. И вновь монахи — теперь уже, естественно, новые — взвалили на плечи гроб с телом святого Кутберта и отправились в сторону Рипона, где надеялись обрести надежное убежище. После многих приключений они добрались до Дарэма и здесь, как пишет летописец, сердца их преисполнились «веселия и великой радости». Ибо увидели они место «дикое и невозделанное, где не было ничего, кроме густого леса и колючего кустарника». Здесь на самом гребне холма, нависающего над рекой Уир, «возвели они свою первую церковь — скромное строение из тростника и веток деревьев, где и положили тело святого (впоследствии она так и называлась — церковь из веток); мазанка эта продержалась до тех пор, пока не построили они более

роскошное здание, которое и стало гробницей для их святого...»

Так зарождался Дарэмский кафедральный собор. Вначале это была маленькая каменная церквушка, которую саксонский епископ Элдун выстроил в 999 году (и именно такой она предстала взору нормандцев, когда те заявили на север Англии). Однако гордые нормандцы, опьяненные успехом своего завоевания, решили, что негоже великому святому лежать в столь скромной усыпальнице. И в 1093 году они снесли старую саксонскую церковь и заложили фундамент грандиозного собора — того самого, который существует и поныне. К 1104 году строительство было в основном завершено, и тело святого Кутберта изъяли из маленькой монастырской часовни и перенесли в собор — на почетное место за главным алтарем. Вы и сегодня можете видеть приподнятую каменную плиту, на которой вырезано одно-единственное имя:

### КУТБЕРТ

Итак, мы проследили долгий путь — через Ирландию, Айону, Линдисфарн, — который давным-давно, в темную, жестокую эпоху проделала отважная горстка христианских монахов. Это — путь веры, который привел к возникновению самого величественного собора во всей Англии.

Однако бедному святого Кутберту не суждено было покоиться в мире. Примерно раз в столетие могилу его вскрывали, чтобы полюбоваться на нетленные останки. Не смогли удержаться и те монахи, что переносили его на нынешнее место. Вот, как об этом рассказывает очевидец:



Когда они при помощи металлических инструментов открыли гробницу, то к своему немалому удивлению увидели деревянный сундук, целиком обернутый кожей, которая была еще и приколочена железными гвоздями. Судя по размерам и весу сундука, внутри него находился другой гроб. И действительно, открыв сундук, они обнаружили деревянный гроб, рассчитанный на взрослого мужчину. Поверх него покоилась крышка такого же размера, плотно обмотанная грубой льняной тканью, судя по всему, сложенной втрое.

Некоторое время они медлили в нерешительности и гадали, увидят ли они сразу тело святого, или же там будет лежать еще один гроб, в котором спрятаны священные останки. В конце концов они вспомнили слова Беды о том, что и через одиннадцать лет после погребения тело святого Кутберта оставалось нетленным, и убедили себя, что это действительно гроб святого.

Тогда упали они на колени и горячо помолились, чтобы благословенный Кутберт отвел от них гнев всемогущего Господа Бога, коли они, недостойные, чем-то его оскорбили. Среди присутствующих братьев был один человек, чрезвычайно набожный, прославившийся своими многочисленными благочестивыми деяниями. Звали его Леофайн, что в переводе на английский означало «дорогой друг». Итак, они надеялись, что человек этот может притязать на звание истинного друга Бога, а посему рассчитывали, что и Бог проявит к нему дружеское участие.

Леофайн давно уже страдал от тяжкого недуга, но нес свой крест с необыкновенной

стойкостью и смирением. Итак, видя, что монахи застыли в нерешительности, он выступил вперед и так заговорил с ними: «В чем дело, братья мои? Чего вы страшитесь? Тот, кто вложил в ваши души желание заглянуть в этот гроб, позаботится, дабы мы нашли то, что ищем». При сих словах братья приободрились и, уже не страшась, приступили к дальнейшим действиям.

Они сняли ткань, которая покрывала гроб, и сдвинули в сторону крышку. Первое, что они увидели, было Евангелие, лежавшее поверх внутренней дощечки (*supra tabulam*) в районе головы трупа.

Тело было укрыто льняным полотном, и когда его удалили, все присутствующие ощутили сладчайшее благоухание. А затем... Вот оно! Братья узрели предмет своих поисков — священные останки благословенного отца.

Тело лежало на правом боку, совершенно не тронутое тлением (*tota sua integritate*), подвижное в суставах, и напоминало скорее спящего человека, нежели мертвый труп. Преисполненные изумления и радости братья вскричали в один голос: «Сжался над нами, всемилостивый Господь!» В гробу также находилась голова святого Освальда и мощи других святых, включая останки Достопочтенного Беды. Необходимо было отделить тело святого Кутберта от прочих. Посему двое монахов взяли тело — один за голову, другой за ноги — и приподняли над гробом. Тело при этом прогнулось в поясе, как если бы оно принадлежало живому человеку. Тогда третий монах стал поддерживать его посередине, и таким образом они достали тело из гроба. И все это происходило 24 августа 1104

года от Рождества Христова. Епископ Ральф Фламбар усомнился в рассказе монахов. Он не верил, что тело, четыреста восемнадцать лет пролежавшее в гробу, может оставаться нетленным. На следующую ночь тело вновь открыли, чтобы епископ мог во всем убедиться самолично. А дабы развеять даже тень сомнений, через четыре дня устроили еще одну проверку, на которой присутствовали избранные церковные мужи. Они всесторонне осмотрели тело и установили, что оно — вместе с костями и сухожилиями — находится в прекрасной сохранности, покрытое свежей плотью. Когда благоговейный исследователь завершил свою проверку, он воскликнул: «Узрите, братья! Вот лежит перед нами тело, воистину безжизненное, но столь же прочное и сохраняемое, как и в тот день, когда душа покинула его и отлетела на небеса!»

Тело святого Кутберта вновь потревожили в 1537 году. Тогда было объявлено, что оно оказалось целым и невредимым, с чистым лицом и бородой, какая могла бы отрасти у мужчины за двухнедельный срок. Очевидец доложил, что нашел тело «здоровым, свежим, благоуханным и податливым». После этого гробницу вскрывали в 1542-м, а затем еще в 1827 и в 1899 годах.

Покинув неф Дарэмского собора, я прошел за главный алтарь, где был захоронен святой Кутберт. Здесь мне повстречался пожилой служитель собора, с которым у нас завязалась беседа о самом святом и, соответственно, о выпавших на его долю мытарствах.

— Мне довелось видеть останки святого Кутберта, — вполне обыденным тоном сообщил служитель. — Я был здесь в 1899 году, когда могилу вскрывали в присутствии каноников Фаулера и Гринуолла, а также

каноника Брауна, представителя римско-католической церкви.

Я посмотрел на него с вновь пробудившимся интересом. Еще бы! Передо мной стоял человек, который собственными глазами видел святого из Линдисфарна. Возможно, он даже прикасался к мощам святого Кутберта. Я невольно бросил взгляд на его руки и попросил:

— Расскажите, как все происходило!

— Ну, это, конечно же, было интересно, — начал он свой рассказ. — И прежде всего потому, что издавна существовала легенда, будто во времена Марии Кровавой, когда протестанты подвергались страшным гонениям, тело святого было изъято из гробницы и перезахоронено в другом месте, о котором знали лишь трое монахов. Если верить легенде, то секрет этот передавался из поколения в поколение, но всегда сообщался лишь трем монахам.

— Пойдите, но ведь тело с тех пор видели в гробнице? — усомнился я.

— Да, сэръ. Но существовала еще одна легенда — будто монахи взяли скелет и обрядили его в одежды. Собственно, вскрытие гробницы в 1899 году и было призвано пролить свет истины на эту историю. Так вот, мы открыли гробницу и увидели, что все правда. В захоронении действительно находились останки святого Кутберта, и исследование доктора Селби Пламмера подтвердило это...

— Скажите же, что вы там увидели?

— В раскрытой могиле обнаружилось некоторое количество костей, остатки деревянного гроба и ткань с чудесной саксонской вышивкой. В гробнице было два черепа, причем один из них принадлежал исключительно крупному мужчине. Это согласуется с легендой, которая утверждает, что после гибели короля Освальда в битве 642 году голову его сохранили и

поместили в тот же деревянный гроб, в котором монахи с Линдисфарна захоронили святого Кутберта. Известно, что Освальд был очень велик ростом. Когда мы осматривали череп, то обнаружили на нем отметины от боевого топора. И насчет костей все сошлись на том, что они действительно принадлежат святому Кутберту. Вернее, все, за исключением отца Брауна, который придерживался точки зрения католической церкви: будто святой похоронен где-то в другом месте... Знаете, вам надо наведаться в библиотеку собора и посмотреть на эту вышивку и остатки деревянного гроба. Мы тогда изъяли эти предметы из гробницы, чтобы их можно было сохранить.

Я думаю, немногие посетители Дарэмского собора удосужились заглянуть в его библиотеку. Я и сам, каюсь, никогда там прежде не бывал. А напрасно! Ибо библиотека Дарэмского собора — удивительное место. Вообще, здешний собор представляет собой одно из самых грандиозных монастырских сооружений в Англии, а библиотечные корпуса являются немаловажной его частью (пожалуй, по своему значению они уступают лишь самой церкви).

Библиотека располагается в бывшем здании монашеского дортуара. К нему вплотную примыкает — так, что теперь оба помещения слились в единое целое — трапезная, где прежде монахи вкушали свою скудную пищу. Когда вы входите в библиотеку, то первое, что бросается в глаза, — огромные дубовые балки, поддерживающие крышу здания. Дерево для их изготовления возили за две с половиной мили из собственного леса настоятеля, что в местечке Борепэр (сейчас оно называется Берпарк). Балки эти служат уже свыше пяти столетий и, судя по всему, прослужат еще столько же.

В высоком застекленном шкафу я увидел фрагменты деревянной крышки от того самого гроба, который сколотили монахи с Линдисфарна тысяча двести сорок один год назад! Если не считать деревянных саркофагов из египетских гробниц, то здешний гроб — самый древний на Земле. Я с уважением разглядывал это произведение плотницкого искусства, пережившее двенадцать столетий. Крышка имела около пяти футов в длину и примерно шестнадцать дюймов в ширину. Поверхность ее украшали довольно грубые, но вдохновенные изображения Господа и четырех евангелистов. На одном конце была изображена Дева Мария с Младенцем Иисусом, на другом — святые Гавриил и Михаил. Здесь же присутствовали символические портреты двенадцати апостолов со святым Павлом во главе. Рядом с ним, насколько я понял, стоял святой Варнава. Все картинки были вырезаны острым ножом или стамеской.

Я смотрел на потемневшие древние обломки, и перед глазами у меня вставали картины из той далекой эпохи, когда Линдисфарн — маленький, продуваемый всеми ветрами островок — стал колыбелью христианства в этой части света. Вот эти смахивающие на трут кусочки дерева когда-то были частью гроба, в котором похоронили святого Кутберта. В нем святой пролежал двенадцать лет после смерти, и в нем же на протяжении столетий путешествовал с места на место. Невероятно! Только самый черствый и лишенный воображения человек не содрогнется при мысли о той временной пропасти, из глубин которой к нам явились эти полусгнившие обломки.

Среди многих реликвий, хранящихся в библиотеке Дарэмского собора, сегодня, увы, отсутствует самая главная — прославленное «Линдисфарнское Евангелие». Эта рукопись, близкая по стилю к еще более древней и знаменитой Келлской книге (ныне хранящейся в

Дублинском Тринити-колледже), написана неизвестными монахами Линдисфарнского монастыря. Она представляет собой бесценный памятник христианской литературы той эпохи. По свидетельству средневекового хрониста Симеона, в двенадцатом веке книга еще находилась в Дарэме и, судя по всему, оставалась там вплоть до печально знаменитого разрушения монастырей, предпринятого по инициативе Генриха VIII. В инвентарной описи Дарэмского собора она упоминается как «Liber Beati Cuthberti qui demersus erat in mare» (то есть книга, упавшая в море). Название это проистекает из старинной легенды, согласно которой монахи с телом святого Кутберта пытались переправиться на корабле в Ирландию, но попали в сильнейший шторм. Священную книгу смыло волной в море, однако же она не утонула, а вернулась к людям целой и невредимой — «прекрасная изнутри и снаружи, как если бы морские волны и вовсе не касались ее». После Реформации «Евангелие» на некоторое время исчезает из поля зрения и всплывает уже в начале XVII века, в эпоху правления Иакова I. Именно к тому периоду относится документ, удостоверяющий, что некий Роберт Коттон приобрел рукопись у Роберта Боуiera, клерка парламента. Остается только благодарить судьбу, что это бесценное произведение искусства уцелело и ныне является украшением Британского музея...

В заключение хочу сказать, что оторваться от Дарэмского собора просто невозможно. Это не обычная церковь, а целая эпоха, запечатленная в камне.

## 2

В Ньюкасл я приехал вечером, когда город уже завершил рабочий день и спешил домой. Мне он показался настоящим Черным Принцем среди прочих

городов! Ньюкасл стоит на высоком холме и напоминает рыцаря в черных доспехах. В нем поражает прежде всего ощущение небывалой силы и энергии. Так и кажется, будто в этом городе непременно должны строить линкоры и броненосцы.

А какой великолепный вид открывается на реку с ее огромным высотным мостом! На мой взгляд, это одно из наиболее впечатляющих зрелищ подобного рода на севере Англии. Будь я художником, то неустанно писал бы этот великолепный мост. Он столь же переменчив и многогранен, как красивая женщина. Я бы обязательно запечатлел его ранним утром на фоне окутанного призрачным туманом города. Вы только представьте себе облако нежно-жемчужного цвета, в котором смутно вырисовываются крыши домов, печные трубы и церковные шпили! Впрочем, не менее красив мост и вечером, когда над городом догорает закатное зарево. И уж наверняка на него стоит взглянуть ночью, при свете звезд, особенно в тот миг, когда по мосту проносится скорый поезд: мелькание освещенных окошек и белый грибовидный дымок над крышей паровоза.

Где-то здесь неподалеку стоял и Адрианов мост, по которому переправлялись на запад римские легионы. Кстати, вот еще один замечательный сюжет для картины: современный металлический мост, а рядом с ним — призрак древнего предшественника. Серая когорта римских всадников с развевающимися на ветру плюмажами, а на заднем фоне движущийся железнодорожный состав. В этом тоже проявляется дух города. Ньюкасл-апон-Тайн — причудливая смесь английской истории. Казалось бы, что можно придумать более современного, чем уоллсендский уголь, а ведь название свое он берет от конечного пункта древнеримской стены. Точно так же и Гейтсхед обязан именем Адрианову мосту.



Интересно, многие ли коренные жители Ньюкасла побывали внутри замка? А ведь это великолепнейший образец поздней норманнской архитектуры на севере Англии. В его темных глубинах скрывается маленькая прелестная часовня, которая по красоте и совершенству не уступит норманнской часовне лондонского Тауэра.

Именно там я повстречался с американским архитектором, который пребывал в состоянии крайней экзальтации.

— Нет, вы знали прежде об этом шедевре? — в который уже раз вопрошал он меня. — Подумать только: одно из красивейших зданий во всей Англии, и никакой рекламы! Стоит себе этакое чудо и ждет, когда же его заметят и оценят по достоинству. Господи, если бы я мог взять и перенести его в Америку! Уверяю вас, я бы на одних входных билетах заработал кучу денег. За пять лет стал бы миллионером!

Я прогуливался по улицам Ньюкасла, жалея, что у меня нет в запасе недели на доскональный осмотр всех его достопримечательностей. Этот город — мрачный и суровый на вид — пронизан ощущением огромной, ни с чем не сравнимой энергии. И в нем множество неисследованных, укромных уголков. Это идеальное место для долгих бесцельных блужданий. Незабываемый вид открывается на Ньюкасл с правого берега Тайна, из Гейтсхеда. Вашему взору предстает беспорядочное скопление крыш, над которыми возвышается мрачная громада крепости и справа от нее открытая башня собора — так называемое «Око Севера». На мой взгляд, это один из самых замечательных видов во всей Северной Англии.

В городе до сих пор существует омнибусное сообщение. Полагаю, что здешняя конка самая древняя в стране. Эти вагончики с запряженными лошадьми словно сошли со страниц диккенсовских романов. Глядя на них, невольно вспоминаешь кринолины, бакенбарды и

прочие приметы викторианской эпохи. Вагончики ежедневно курсируют по высотному мосту Роберта Стивенсона. Плата за пеший проход по этому мосту составляет полпенса, и за те же самые деньги вы можете прокатиться на старинном омнибусе!

Неудивительно, что все хорошенькие машинистки Ньюкасла предпочитают пользоваться конкой.

### 3

Ближе к вечеру я прибыл в Берик-апон-Туид.

Город этот на протяжении столетий являлся предметом спора между англичанами и шотландцами — он неоднократно переходил из рук в руки. В настоящий момент Берик официально считается английской территорией. Хотя — если судить по выговору местных жителей — я бы скорее предположил, что город по-прежнему принадлежит Шотландии!

Маленький холмистый городок расположен в самом устье реки Туид. Он до сих пор хранит дух боевой готовности. Некоторые городские районы выглядят так, будто только недавно подверглись набегу шотландцев (или, может, англичан?) Годы идут, а Берик все сохраняет обличье приграничной крепости.

Так уж получилось, что здесь, в Берике, я впервые увидел настоящий бродячий цирк. На рассвете в городе появился караван из ярких фургонов, которые тащили усталые пегие лошадки. Циркачи сразу же возвели высокий разноцветный навес, и это стало лучшей рекламой. Новость мгновенно облетела весь Берик, и десятки городских мальчишек заняли места на крепостной стене. С замиранием сердца наблюдали они, как разгуливают между палатками ковбои в широкополых шляпах и смазливые девицы в кожаных юбках. Приготовления к выступлению шли полным

ходом. Многие сорванцы ринулись домой — добывать деньги на входной билет, и думаю, не одна коллекция стеклянных шариков в эти часы сменила своих владельцев.

В наши дни, как и прежде, приезд бродячего цирка является волнующим событием в жизни любого маленького городка из английской глубинки. По-прежнему находятся босоногие смельчаки, которые тайком пробираются в лагерь заезжих артистов и надеются отсидеться где-нибудь под пологом палатки. И все так же владелец цирка осуществляет обход своих владений и безжалостно выдворяет безбилетных зрителей. Да и сами представления, по правде сказать, не сильно изменились. Как и встарь, несется по кругу дедвудский дилижанс — под щелканье хлыстов и душераздирающие вопли «краснокожих», гремят хлопушки, долженствующие изображать выстрелы, и свет красных фонарей заливает импровизированную арену.

— Леди и джентльмены! — объявляет ковбой, отвешивая низкий поклон публике. — Просьба к тем, кто сидит в первых рядах, отодвинуться как можно дальше. Ибо мы предлагаем вашему вниманию прославленное представление, неоднократно исполнявшееся перед коронованными особами. Вам предстоит стать свидетелями одного из самых ужасных и захватывающих событий нашей эпохи. Итак, леди и джентльмены, встречайте — «Нападение на дедвудский дилижанс»!

«Первые ряды» — это как раз городская мелкота, мальчишки и девчонки, рассеявшиеся прямо на траве. Они поспешно отодвигаются, поджимая под себя ноги, и взволнованно перешептываются. И вот на зрителей обрушивается оглушительный шум: с леденящими кровью возгласами на арену галопом выезжают индейцы племени сиу, их триумфальный выход сопровождается

лошадиным ржанием и хлопками револьверных выстрелов. Затем из-за шатра появляется четверка лошадей, она тянет старенький почтовый дилижанс. Индейцы устремляются вслед за ним, и на сцене воцаряется ад кромешный! Внутри фургона мечутся красные огни, две или три девушки в костюмах викторианской поры испуганно кричат и цепляются друг за друга, когда фургон опасно накреняется на поворотах. Краснокожие злодеи почти настигли дилижанс, но тут выезжает группа ковбоев... Короткая схватка завершается благополучным спасением девушек. Ура! Всеобщее ликование в публике. Конец представления.

И никто не видит, как циркачи потихоньку убирают скамейки, сматывают веревки и собирают прочий реквизит, готовясь к переезду на новое место. Что за жизнь!

— Снимаемся в четыре утра! Будьте готовы! — кричит управляющий вслед акробатам, ковбоям и индейцам, которые устало бредут к своим фургонам, намереваясь подремать несколько часов перед выездом.

А городские мальчишки не расходятся. Они долго будут шнырять по опустевшему лагерю, вдыхать запах горячего кофе и жареного бекона и возбужденно тыкать пальцем в девицу, которая еще час назад лихо скакала верхом в обсыпанном блесками трико, а теперь стоит у дверей фургона — удивительно обычная, с кружкой крепкого портера в руках.

А под утро, когда все мальчишки Берика будут сладко спать и видеть во сне Дикий Запад — куда более убедительный и реальный, нежели в голливудских фильмах, — в этот самый час длинная цепочка раскрашенных фургонов потянется прочь из города.

— Конечно, жизнь у нас нелегкая, — говорил вождь сиу с сильным кентским акцентом, — но разрази меня

гром, коли я соглашусь сменять ее на что-нибудь другое. Мы уж привыкли... Если приходится задержаться в одном месте на три дня, так мы начинаем с ума сходить.

И я подумал: таковы они все, циркачи! Жизнь их навечно связана с длинным раскрашенным караваном, который медленно путешествует по сельской Англии и предлагает простодушной, неискушенной публике частичку заморской романтики.

#### 4

Маленький островок Линдисфарн, который еще называют Холи-айленд, лежит неподалеку от Нортумберлендского побережья, в трех милях к югу от Берика.

В хорошую погоду солнечный свет ослепительно сияет на песчаных пляжах Линдисфарна — так что, если смотреть на него с берега, остров кажется золотым кораблем, вставшим на якорь недалеко от берега. В часы прилива этот клочок суши отрезан от Англии. Но когда вода спадает, вы можете добраться туда на любом транспорте, способном проделать трехмильное путешествие по мокрой и скользкой песчаной косе.

Вот и я пришел на берег, чтобы отправиться на Линдисфарн. В ожидании обещанного автомобиля я испытывал двойственные чувства. С одной стороны, я радовался, поскольку давно уже мечтал попасть на остров. Но, с другой стороны, меня одолевала грусть, ибо всегда грустно расставаться с мечтой.

Даже сейчас, глядя на далекий остров святого Кутберта — невысокий, сияющий, с шапкой облаков, нависших над ним, — я почти наверняка знал, что буду разочарован. Ни одно, даже самое волшебное место, не сможет оправдать такое имя. Линдисфарн! Для меня оно является воплощением чистой романтики. Пожалуй, во

всей Англии только Тинтагель может претендовать на такой же титул. Название острова отзывается в сердце сладчайшей музыкой. Лин-дис-фарн! В самом звучании этого имени мне слышатся крики морских птиц и нескончаемый шум волн... и еще нечто такое, что находится за гранью наших обычных переживаний.

Прищурившись на ярком солнце, я смотрел на обширные песчаные пространства, испещренные миллионами пятнышек морской плесени, сверкающие от золотых лучей. Издали казалось, что они вибрируют и колеблются, дышат, словно живые. Потом я разглядел, что впечатление это возникает из-за многочисленных птиц — стаи чаек, куликов, моевок и песочников летали в воздухе или же стояли в лужицах морской воды, деловито выискивая себе пропитание. Вдоль песчаной отмели тянулась цепочка деревянных столбиков — вехи эти отмечали дорогу к острову. Меж ними, на равных расстояниях, были установлены странные тумбы, напоминавшие невысокие башенки. Как мне объяснили, это укрытие для тех, кто силой обстоятельств окажется застигнутым приливной волной.

Вдалеке я увидел темное пятно, которое медленно двигалось в мою сторону. Ага, тот самый транспорт, который должен доставить меня на Холи-айленд!

Я сидел меж песчаных дюн и мечтал, чтобы он не появлялся как можно дальше...

Холи-айленд! Это одно из самых священных мест в Англии. Тринадцать столетий назад, когда весь север страны представлял собой дикий, языческий край, сюда явилась горстка кельтских монахов с Айоны. Они избрали Линдисфарн, поскольку остров выглядел суровым, пустынным, а следовательно, идеально годился для их целей, в которые входило умерщвление плоти и усмирение простых человеческих желаний. (Должен сказать, что он и сегодня выглядит точно так же.) Здесь, посреди холодных британских волн, они

создали обитель по образцу фиванской. В результате Линдисфарн превратился в Святой остров. Как я уже рассказывал выше, саксонский король прислал сюда своих послов. И эти гордые мужи преклонили колени на золотых песках Линдисфарна и смиренно просили святого Кутберта принять епископский посох, а с ним и всю епархию. Тогда, на заре христианской эры, на острове Холи-айленд творились чудеса. Именно отсюда, с голой морской скалы, любовь, заповеданная Господом нашим, шагнула в языческий мир и вскоре завоевала весь английский Север...

Движущееся пятно тем временем приблизилось вплотную и обернулось автомобилем марки «форд». О Боже, все оказалось еще хуже, чем я ожидал! Грубая, дребезжащая машина ржаво-красного цвета, с заляпанным бампером затормозила, и я поднялся ей навстречу. За рулем сидела молодая голубоглазая девушка. Когда она заговорила, я уловил в ее речи легкий шотландский акцент.

Деваться было некуда. Я сел в машину, и мы поплюхали по лужам в сторону Линдисфарна.

Прошедшие века не сильно изменили облик Холи-айленда. Здесь по-прежнему царит одиночество и тишина, нарушаемая лишь птичьими криками да неумолчным шумом прибоя.

На острове стоят маленькие каменные домики, в которых проживают около сотни рыбаков. Мужчины все, как на подбор, крепкие, краснолицые. Женщины тоже высокие и мускулистые, некоторые из них поражают своей красотой и грацией. И все они живут в мире и согласии, напоминая членов одной большой, дружной семьи. Необыкновенная сердечность в обращении выгодно отличает местных жителей от прочих обитателей уединенных островков. Меня уверяли, что на

Холи-айленде нет места обычным человеческим порокам, и теперь я в это верю.

— Какая полиция? — переспросил меня хозяин крошечной гостиницы. — Нам не нужна полиция. В начале лета, когда начинается наплыв туристов, к нам с большой земли присылают одного констебля. А других полицейских у нас не бывает.

Все разговоры на острове так или иначе крутятся вокруг морской тематики: приливы и отливы, рыба, спасательные шлюпки и нечастые путешествия на какой-нибудь из Фарнских островов — вот, что занимает жителей Холи-айленда. Фарнские острова — крошечные безлюдные участки суши, где безраздельно царят птицы и тюлени. Ну и, конечно, здесь много говорят о святом Кутберте. Легенды об этом святом отшельнике по-прежнему в ходу на острове.

— Знаете, когда уставал от монастырской жизни, — рассказывал старый рыбак, исполнявший роль звонаря при местной церкви, — он обычно удалялся вон на тот островок, где ничто не мешало его молитвам. Говорят, будто в прежние времена туда вел подземный ход — прямо от аббатства до острова. И я в это верю, потому что, помнится, мой дед рассказывал, как однажды он разыскал такой ход и шел по нему до тех пор, пока свеча не погасла...

На берегу до сих пор находят четки святого Кутберта — маленькие окаменелые бусинки. Согласно традиции, святой делал их в те дни, когда над островом бушевал шторм. Приятно так думать, однако, скорее всего, это фоссилизированные останки морских животных, обкатанные морскими волнами до идеальной гладкости.

Единственными достойными внимания зданиями являются развалины монастыря Святого Кутберта и местный замок.



Монастырь представляет собой руины норманнского здания, сложенного из красного песчаника. Судя по всему, даже в свои лучшие дни монастырь сильно уступал Дарэмскому собору. Построен он на месте первой церкви, скромной мазанки, которую святой Эйден возвел в 635 году.

На церковном дворе стоит некое подобие каменной купели, которое здесь в шутку называют «любовным ложем». Когда кто-нибудь из девушек выходит замуж, ее приводят к этому камню. Двое старейших жителей острова становятся по обе стороны от тумбы и наполняют купель водой. Затем поднимают на руки невесту и держат над купелью. Происхождение этого обряда мне неизвестно, а что касается камня, то, полагаю, когда-то он служил основанием для ярмарочного креста.

О Линдисфарнском замке могу сказать, что это одна из самых романтических построек такого рода во всей Англии. Здание действительно напоминает заколдованный замок из волшебной сказки. Он воздвигнут на вершине скалы, которая непонятно откуда взялась посередине плоского острова. Причем очертания постройки таковы, что кажется, будто скала естественным образом перерастает в здание. В настоящее время замок является частным владением.

Если вам когда-нибудь доведется побывать на Линдисфарне, обязательно прогуляйтесь вечером по прибрежным дюнам.

Вы будете вознаграждены ни с чем не сравнимым видом, который открывается с берега Холи-айленда. Впереди, прямо по курсу, лежит большая земля: там один за другим вырастают голубые холмы, а позади них вырисовываются туманные очертания гор Чевиот-Хиллс. Господствующее место в этом пейзаже занимает замок Бамбург, обращенный своими башнями и крутыми

крепостными стенами к морю. Кажется, будто он пытается разглядеть маленькие обломки скал, которые виднеются в морской дали — это и есть Фарнские острова. И завершает картину фантастическая череда облаков, проплывающая в небе. Солнце светит невероятно ярко и изливает свой золотой свет на Холи-айленд. А вокруг царит абсолютное безлюдье, нарушаемое лишь вторжением птичьих стай.

Здесь вы ощущаете себя совершенно оторванным от того, что мы привыкли называть человеческой цивилизацией. Во всяком случае я не знаю другого места в Англии, где уединение казалось бы настолько полным. Вы остаетесь наедине со своими мыслями и фантазиями, и вольны лепить из них все, что угодно! Я вполне понимаю людей, которые бесповоротно влюбляются в Линдисфарн. Многие сюда приезжают с желанием обрести мир и душевный покой. Попробуйте счастья и вы. Встаньте на берегу — там, где волосы треплет соленый ветер, а на ноги набегают морская волна, — и вполне возможно, что вы тоже проникнетесь святостью этого места. Вам откроется тщета и суэта нашей повседневной жизни. Вот тогда вы станете на шаг ближе к святому Кутберту и поймете, что привело его на эти дикие и прекрасные берега.

## Глава восьмая

# Через Озерный край

*Я пересекаю границу и ныряю в шотландские холмы с тем, чтобы вынырнуть уже в Карлайле — городе, где находятся два самых жутких камня во всей Англии. Озерный край встречает меня туманом и дождем — так что я и сам не заметил, как очутился в Ланкастере, жители которого называют короля герцогом.*

### 1

Линдисфарн я покинул ранним утром, когда море отступило и ненадолго открыло путь на большую землю. Поэтому я без промедления загрузился в старенький «форд», и мы похлюпали по мокрому песку, разгоняя стаи чаек, моевок, куликов и песочников, которые как раз собрались позавтракать. За рулем на сей раз был мужчина, и он поведал мне, насколько опасным может оказаться переезд на Линдисфарн, если неправильно выбрать для этого время. Он сам был тому свидетелем.

— Понимаете, я ехал домой и очень торопился, — начал рассказывать мужчина. — Время поджимало, потому что вот-вот должен был начаться прилив. И вот, примерно на полпути я увидел огромный лимузин, который без движения стоял на отмели. Я глянул на его колеса — они уже начали уходить в мягкий песок. И я подумал: кто бы там ни сидел в лимузине (а подобные машины у нас нечастые гости), человек этот явно напрашивается на неприятности. Потому как во время прилива вода прибывает очень быстро, и уровень ее поднимается до десяти футов. Так что, даже если

водитель заберется на крышу автомобиля, шансов уцелеть у него немного...

Ну, кинулся я к лимузину. Гляжу, а там мужик спит за рулем! Да так крепко, что и не добудиться. Представляете? А линия прилива уже в каких-нибудь десяти ярдах от нас... Я закричал что есть мочи. Мужик наконец проснулся, протер глаза и увидел подступающие волны. Он оглянулся на песчаную отмель, по которой приехал, и спрашивает: «Где это я? И как, черт побери, я здесь очутился?» Но времени на объяснения уже не оставалось. Мы поскорее завели машину и тронулись с места. Насилу успели... Еще б пятнадцать минут, и он бы проснулся уже под водой. Позже водитель лимузина рассказал, как дело было. Оказывается, в Берике он повстречался с парочкой друзей, и они отменно провели время — пообедали, выпили как следует... Затем он сел за руль и поехал, уже плохо ориентируясь в пространстве. Короче, свернул на песчаную отмель, будучи уверен, что едет по главному шоссе в Ньюкасл! Когда же машина забуксовала в мокром песке, он попросту взял и уснул — а чего еще ждать от человека в таком состоянии?

К тому моменту, как мы достигли Линдисфарна, он уже немного протрезвел.

— О Боже! — воскликнул он, оглядываясь назад (а там уж вода стоит глубиной в десять футов). — Вы же спасли мне жизнь!

За разговором мы и не заметили, как добрались до того места, где меня дожидалась моя собственная машина. Через несколько минут я уже катил в сторону Приграничья.

По пути я миновал Колдстрим и Хоик. Дорога была совсем не тяжелая, поскольку вплоть до самого Хэвика пролегла по зеленой долине Тевиота.

Слева от меня тянулись высокие отроги Чевииот-Хиллс, а впереди уже маячили голубые холмы с темными

ущельями — те самые, которые разделяют Англию и Шотландию. Как только я пересек границу, окружающий пейзаж коренным образом поменялся. На шотландской стороне вы сразу же попадаете в крохотные каменные городки, которые, похоже, все еще живут воспоминаниями о приграничных стычках. Во всяком случае, вид у них вполне воинственный: это прочные, хорошо защищенные поселения. Порой рядом с ними можно даже увидеть развалины древней крепости. Здесь меня не покидало то же ощущение, которое впервые возникло в Берике. Мне казалось, эти пограничные городки и сами толком не понимают, кому они сейчас принадлежат — Англии или Шотландии. В прошлом именно здесь разыгрывалась трагедия пограничной войны, и все населенные пункты оказались в той или иной мере ею захвачены.

Очень скоро я неожиданно обнаружил, что со всех сторон меня окружают безлюдные холмы. На склонах паслись лохматые овцы, которые провожали автомобиль возмущенными взглядами — они явно не одобряли мое беспардонное вторжение в свои владения. Временами я попадал в полосу плотного тумана, тогда казалось, будто я еду в облаке промозглого холода. Затем туман внезапно рассеивался, и я снова возвращался в область хорошей погоды.

За этими климатическими метаморфозами я и не заметил, как добрался до Карлайла. Перед тем, как въехать в город, я остановился и бросил взгляд назад — туда, где осталось шотландское Приграничье, романтический край, одновременно притягательный и жутковатый.

Карлайл для меня всегда ассоциируется с металлическим лязгом молочных бидонов.

Это одно из тех мест, куда вы прибываете на рассвете в спальном вагоне и непонимающе таращитесь в окно, охваченные чувством нереальности происходящего. Выстуженная платформа крупной железнодорожной станции кажется вам нелепой, гротескной сценой, по которой движутся грузчики (именно они и производят тот шум, что вас разбудил). Вы тупо наблюдаете, как они перекатывают молочные бидоны и перегружают с одной тележки на другую ящики и корзины с вещами.

Карлайл! В самом имени этого города мне слышится грохот тех длинных молотков, с которыми расхаживают путевые обходчики. Вам тоже, наверное, доводилось видеть такую картину: раннее утро, вдоль состава идет человек в спецовке и простукивает колеса вагонов своим молотком.

Все вышесказанное может служить отличной иллюстрацией к вопросу о том, насколько мы бываем пристрастными в своих мнениях. Ведь наверняка на свете есть люди, которые охарактеризуют Карлайл как тихий, спокойный городок, не лишенный чувства собственного достоинства. Но где уж им поспорить с нами, сонными пассажирами ранних проездов. Вообще говоря, Карлайл произвел на меня куда меньшее впечатление, чем, скажем, Берик. Здесь почти ничто не напоминает о героической эпохе пограничных войн. Если Берик по-прежнему выглядит воюющим городом (так и кажется, будто он не желает смириться с внезапно наступившим миром), то Карлайл — фигурально выражаясь — вообще позабыл о том, что когда-то воевал.

Город гордится развалинами собора, главным украшением которых являются несколько чудом сохранившихся норманнских колонн из красного

песчаника. Я бы посоветовал подняться на вершину башни, хотя бы для того, чтобы насладиться открывающейся сверху панорамой. Весь город лежит перед вами, как на ладони — вместе со старинным замком и всеми окрестностями. И вы невольно вспоминаете, что Карлайл — это великие западные ворота на север. Если слегка прищурить глаза, то можно увидеть на далеких холмах отряд разбойников, который держит всю округу в страхе. А также вообразить себе фигуру хранителя пограничной марки, который скачет навести порядок. Ибо в этом районе с его специфическими условиями давно уже не действуют обычные английские законы.

На протяжении столетий Карлайльский замок являлся главным бастионом на северо-западной границе, который защищал Англию от шотландских соседей. Свист боевых клейморов был здесь привычным делом, и эта норманнская башня не пустовала ни днем, ни ночью. Многие поколения часовых стояли, прильнув к узким бойницам, и зорко следили, нет ли какого подозрительного движения в Чевиотских холмах. Чутко вслушивались они в ночную тишину, дабы вовремя засечь эти ужасные протяжные звуки волюнок, которые всегда предвещали ужас кровопролития.

В настоящее время замок представляет собой военный склад, причем организованный не лучшим образом. Судя по всему, он находится в совместном владении Военного министерства и управления по охране древних памятников, а у семи нянек, как известно, дитя без глазу.

Смотритель замка устроил мне настоящую обзорную экскурсию. Он провел меня в подземные темницы и вкратце пересказал историю восстания 1745 года, героем которого был Красавец Принц Чарли. Я заглянул в тесную полуподвальную камеру, которая носит название «Карлайльского карцера». По словам моего

гида, англичане как-то умудрились запихнуть туда три сотни пленных шотландцев. Люди задыхались в крошечном, зловонном помещении и, чтобы выжить, силой пробивали себе дорогу к узким, щелевидным оконцам. Явившиеся поутру тюремщики застали ужасную картину: пол камеры был усеян телами насмерть затоптанных людей, а поверх лежали те, кто еще остался жив.

Страшная история! Однако еще большее впечатление на меня произвел другой экспонат замка — возможно, потому что представлял собой вполне реальный предмет, который можно было рассмотреть и потрогать руками. Находится он уже в другой камере, которая располагается глубоко под землей. Сюда никогда не проникал ни единый луч солнца. Большую часть времени несчастные узники должны были проводить на узком выступе, который возвышался на несколько футов над поверхностью пола. Их держали в кандалах, к тому же еще и прикованными за шею — так, что любая попытка самостоятельно покинуть неудобный карниз грозила повешением (полагаю, многие заключенные предпочли этот путь освобождения от невыносимых мучений). Время от времени узников расковывали, чтобы они могли немного размяться. И вот тогда-то, ползая в кромешной темноте, они обнаруживали торчащий из пола камень, который по непонятным причинам был ощутимо холоднее остальных. Его покрывала вечная изморозь, и несчастные узники припадали к нему воспаленными губами и начинали облизывать, чтобы получить хоть немного вождеделенной влаги. Ни в одной из камер пыток я не видел ничего ужаснее, нежели этот камень, вылизанный и выдолбленный языками многих поколений пленников. Прямо над ним на каменной стене сохранился отпечаток человеческой ладони глубиной в несколько дюймов: именно здесь сотни — тысячи! —



узников опирались рукой, когда наклонялись над замерзшим камнем.

Служитель также показал мне помещение, где содержали Макдоннела из Кеппоха, схваченного в ходе восстания 1745 года. Эта камера располагалась высоко в башне, и единственное ее окошко выходило на север. Здесь тоже на стене, сложенной из красного песчаника, остались отпечатки пальцев глубиной в дюйм. Можно представить себе, как неистовый шотландец месяц за месяцем стоял у окна, безотрывно глядя в сторону родных Чевиотских холмов. Наверное, во всей Англии не сыщется более прискорбного памятника многовековой борьбы между двумя нашими странами.

За время своего заточения Макдоннел покрыл все стены камеры весьма примечательными рисунками, выполненными при помощи обыкновенного гвоздя. Ничего подобного я не видел даже в многострадальных камерах лондонского Тауэра! Чаще всего здесь встречается изображение обнаженной женщины с широченными бедрами. Наверное, образ этот постоянно присутствовал в воспаленном мозгу пленного шотландца. На мой взгляд, рисунок Макдоннела можно с успехом выставлять на аукционе Сотби в качестве образца примитивного египетского искусства.

Да уж, Карлайлский замок — это воплощенная в камне история города.

Я посетил также музей Талли, широко известный всем, кто интересуется римской Британией. Здесь собрано множество реликвий той далекой эпохи. Среди них — чудесная коллекция ангобированной красной керамики. Эти миски и кувшины производились в Галлии и широко использовались римскими легионерами, патрулировавшими Адрианов вал.

Самая большая неприятность, которая может приключиться с вами во время путешествия из Карлайла в Ланкастер, — дождливая погода. Увы, когда дело доходит до дождя, Озерный край не знает меры. Дождь идет с неослабевающим упорством и прекращается лишь тогда, когда небеса, очевидно, полностью истощаются. Но не спешите радоваться: на смену ливню является густой белый туман, который полностью скрывает очертания местности. Если бы я не видел прежде собственными глазами Озерный край, то ни за что бы не поверил, что вдоль дороги высятся прелестные холмы, а меж ними текут живописные речушки.

Все достопримечательности надежно укрыты непроницаемым одеялом туманной мороси.

Я решил остановиться на берегу озера и пообедать в уиндермирском отеле в обществе других страдальцев, вынужденных пережить непогоду. Здесь царило полное уныние. Люди мрачно поглощали еду, не сводя взгляда с поверхности озера, изрытой миллионами крошечных дождевых капель. Никто не выражал ни малейшего желания выйти на улицу.

На самом деле плохая погода вовсе не является противопоказанием для прогулки по Озерному краю. Но это, конечно, лишь в том случае, если вас не пугает промокшая одежда и ручейки, стекающие с волос. Я лично от всего этого получаю истинное удовольствие. На месте врачей я бы прописывал подобные прогулки как средство от множества болезней, в том числе от переизбытка и депрессии — двух главных бед нашего времени. Однако должен сразу оговориться: это относится только к пешим прогулкам. Насколько я люблю гулять под дождем, настолько же ненавижу

управлять автомобилем на мокрой дороге. Совершенно не выношу грязные дождевые капли на ветровом стекле и неконтролируемое скольжение на поворотах!

Тем не менее дождь в Озерном краю содержит в себе некий романтический элемент. Он создает определенное настроение в душе. Кроме того, существует тип женщин, которые только выигрывают от пасмурной погоды. Я обнаружил, что многие местные девушки (только местные!) куда лучше выглядят под дождем, нежели в ярко освещенных бальных залах. (По странному совпадению, почти все они являются блондинками!) И да поможет Господь тому холостяку, который повстречает подобную девушку во время дождя в Камберлендском крае...

Я уже подъезжал к Ланкастеру, когда дождь внезапно прекратился.

## 5

Каждому, кто успел познакомиться с замком в Карлайле, следует приехать в Ланкастер и сравнить его с местным замком, который до сих пор носит название «Тюрьма». На мой взгляд, они очень похожи. И хотя узников здесь больше не содержат, но ежегодные ассизы по-прежнему проводятся в Ланкастерском замке. Для этого используется пышный Готический зал, который, ей-богу, больше бы подошел для рыцарей Круглого Стола, чем для судебных чиновников.

Должен сказать, что мне очень повезло с экскурсоводом — он досконально знал историю Ланкастерского замка. Как выяснилось, этот человек помнил замок еще в его бытность тюрьмой! Вместе с ним я спускался в самые глубины подземелья и поднимался на вершину круглой сторожевой башни. Кстати, башня эта является великолепным памятником

римской эпохи и заслуживает, чтобы о ней написали отдельную книгу. В голове не укладывается, что древнеримские легионеры — почти мифические персонажи! — поднимались по этой каменной винтовой лестнице и стояли, прильнув к узким башенным бойницам. Башня пережила века и прекрасно сохранилась! Она высится в самом сердце Ланкастерского замка и терпеливо ждет своих исследователей. С ее вершины можно полюбоваться замечательными замковыми воротами, которые построил сам Джон Гонт.

Мне представилась редкая возможность заглянуть в зал, где в старину проводились судебные разбирательства, и осмотреть скамью подсудимых. Я обратил внимание на странное приспособление — железный «захват» (полагаю, последний сохранившийся в нашей стране). Он использовался для того, чтобы удерживать левую руку преступника во время процедуры клеймения (клеймо обычно ставилось на большой палец).

— В то время приговор приводился в исполнении прямо в зале суда, на глазах у публики, — рассказывал мой гид. — Появлялся тюремный надзиратель с раскаленным докрасна железным клеймом. Он подходил к скамье, прижимал клеймо к большому пальцу преступника и держал столько, сколько требовалось по его разумению. Затем кричал, обращаясь к судье: «Чистая метка, милорд!» Судья подавал знак со своего места, и заклеянного преступника освобождали из «захвата».

В 1612 году в Ланкашире состоялся знаменитый суд над ведьмами. А в двух шагах отсюда находится камера, в которой содержались преступники, приговоренные к публичной казни. Сидя здесь, они слышали шум

возбужденной толпы, которая собралась в ожидании кровавого спектакля.

— До сих пор еще живы очевидцы последних казней, — рассказывал смотритель замка. — Я как раз вчера беседовал с одной дамой, которая живет неподалеку. Она вспоминала, как старший брат водил ее посмотреть на казнь: в тот раз должны были повесить сразу двоих — мужчину и женщину! Последние свои часы преступники проводили в этой камере. Они вынуждены были слушать разговоры на площади, как люди едят и пьют, как они отпускают шуточки в адрес приговоренных и распевают о них песенки. Наверное, это было крайне неприятно! Затем поутру заявлялись тюремщики. Они связывали преступников и выводили в эти самые двери...

Трудно поверить, что последняя публичная казнь состоялась в Англии 26 мая 1868 года. Говорят, что тюремному капеллану пришлось обслужить не менее ста семидесяти преступников, приговоренных к повешению.

— Мне не столько жаль самих преступников, — говорил мой гид. — В конце концов для них все кончалось очень быстро! А подумайте, каково было тюремщику, в обязанности которого входило проводить с приговоренным последние четыре часа его жизни. Помню, в прежние дни тюремщики были вынуждены посменно дежурить при осужденных. И каждый старался не попасть на эти проклятые дни...

Я провел совершенно ужасный день! Оглядываясь назад, на массивные Ланкастерские башни, я невольно вспоминаю замок Карлайла и его жуткие камни. Думаю, мне пришлось бы изрядно порыскать по Англии, чтобы найти другую такую парочку мест — два города расположены рядом, и оба буквально пропитаны печальными и страшными воспоминаниями.

## Глава девятая

# Манчестер

*Дождь над Манчестером, приют, замечательная библиотека, хлопкопрядильная фабрика и одно из тех мест, где манчестерцы заключают сделки. Я слушаю стук сабо на утренней улице, поднимаюсь на Пендл-Хилл и мимоходом осматриваю Блэкпул.*

### 1

В Манчестер я приехал по совершенно уникальной дороге. Во-первых, она выглядела очень древней (не исключено, что прокладывали ее еще древнеримские легионеры), а во-вторых, казалась столь же суровой и неприступной, как и сердце богатого родственника.

Начиналась она за многие мили от Манчестера — у маленького магазинчика, торгующего жареной рыбой на вынос, а затем тянулась, никуда не сворачивая, неизменная в своей кремнистой твердости. Основу ее составляли мелкие дербиширские камни: по форме и цвету они смахивали на окаменелый черный хлеб, а по прочности могли сравниться с гранитом.

Эта темная мощеная лента наводила на меня ужас! Уверен, если б какой-нибудь Дик Уиттингтон надумал отправиться на поиски счастья, то при одном взгляде на эту дорогу он повернул бы обратно. И никто бы его не осудил! Дорога, казалось, говорила: «А что вы хотите? Путь к славе и богатству всегда тернист!» И казалось вполне логичным, что вела она не куда-нибудь, а в Манчестер.

Я прибыл в город на исходе дня. Стоял тот короткий, неуловимый час между сумерками и полным торжеством

электрического света, когда улицы Манчестера наполняются странной, необъяснимой голубизной. Надо сказать, что ничего подобного я не видел ни в одном другом городе мира. Манчестерские улицы казались высокими черными берегами, меж которыми текут дымчато-голубые реки — того самого цвета, какого бывает дорогой кольмарский виноград (наше обычное подношение выздоравливающим родственникам в больницу). Я не мог отделаться от впечатления, что — вопреки всем физическим и химическим законам — городской дым сгустился до состояния жидкой субстанции и потек по мостовым.

Меня предупреждали, что в Манчестере всегда идет дождь. Это неправда: к моему приезду дождь как раз прекратился.

По мокрым блестящим мостовым гроыхали повозки, груженные тюками белой ткани. Сочетание этих звуков — грохот колес и звонкое цоканье копыт по булыжной мостовой — стало для меня символом Манчестера. Шум этот начинался ранним утром и заканчивался лишь поздно вечером. Порой в него вплетались трамвайные звонки и кваканье автомобильных клаксонов — это по центральному авеню проносились редкие электромобили. Их красно-белые капоты вносили единственный цветовой диссонанс в черно-голубую гамму города.

Только что завершился рабочий день, однако я не заметил на улицах того лихорадочного оживления, которое обычно царит по вечерам в Лондоне. Манчестер возвращался домой со спокойным, неторопливым достоинством. Я тоже отправился на одну из центральных улиц — туда, где в ослепительном сиянии электрических фонарей восседала королева Виктория. Она сидела в явно подавленном настроении (я бы даже сказал: в состоянии глубочайшей депрессии) и с крайним неодобрением наблюдала за тем, что творилось

вокруг. Как мне объяснили, это место называлось Пиккадилли.

Мимо ярко освещенных витрин текла нескончаемая толпа горожан, в которой то и дело мелькали желтые шелковые чулки. Я видел одну девушку, у которой на ногах были русские сапоги «казачок», а на голове — ланкаширская шаль.

В Манчестере, как и в любом другом городе, улицы улицам рознь. Одни уже в шесть вечера словно вымирают, а иные до глубокой ночи полны жизни. На мертвых улочках стоит запах лошадей и картона, на живых благоухает «Жокей-клубом». Если первые погружены во тьму, то вторые блистают золотыми витринами закрытых магазинов. Чтобы составить себе портрет Манчестера, вообразите себе наш родной Лондон, в котором Оксфорд-стрит и Стрэнд бодро маршируют в сторону Сити, но внезапно останавливаются где-то в районе Ломбард-стрит и Тауэр-Хилл. В этом отношении Манчестер — загадочный, неуловимый город: приезжие всегда ищут его центр и никогда не находят.

Я дошел до того места, где Оливер Кромвель с непокрытой головой стоит на высоком каменном постаменте. У бывшего лорда-протектора такой вид, будто его только что вышвырнули без шляпы из отеля напротив. По соседству расположена богато декорированная угольно-черная церковь, она смотрится в угольно-черные воды лишенной всяких украшений реки. В своих ночных блужданиях я набрел на огромное здание готической крепости. Уж оно-то выглядело черным, как душа самого дьявола, лишь на самой верхушке башни блестел лунный диск часов. Я бросил взгляд на противоположную сторону улицы и остолбенел от удивления. Оказывается, у Мемориала принца Альберта есть младший брат — почти столь же невероятный, как и он сам. Учитывая манчестерский



климат, здешнего Альберта можно считать счастливым: статуя стоит под крышей, которая обеспечивает ей надежное укрытие от вездесущего дождя.

Есть в Манчестере место, где царит культ устриц, потрошков и пива. Я бы окрестил его улицей Обжор, но местные жители называют Маркет-сквер. Полагаю, это последний сохранившийся кусочек старинного Манчестера. Только что вы шли по вполне современной улице и вдруг окунулись в атмосферу средневекового базарного городка. Здания с их выступающими верхними этажами словно бы склоняются друг к другу, намереваясь о чем-то посекретничать. Одно такое деревянно-кирпичное здание несло на себе вывеску «Трактир».

В этом районе что ни дом, так храм еды и напитков. В узких переулках ярко сияют освещенные окна баров. Я решил заглянуть в одно из таких заведений. В маленьком прокуренном зале теснился народ, со всех сторон доносились обрывки веселых разговоров. По всему было видно, что посетители расположились на весь вечер. Молодой человек худосочной наружности колотил по клавишам пианино, рядом надрывался исполнитель, который вел неравный бой с застольной беседой. Оказывается, он «ранним утром проходил мимо чьего-то окошка». Далее певец сообщал нам, что высоко в небе заливался жаворонок, рядом никого не было, а он «все шел мимо»... Внезапно из угла донесся громкий взрыв смеха.

— Эй, вы, потише там! — крикнул парень в белом фартуке, обращаясь к веселой компании. — Ничего ведь не слышно!

Шум немного стих, и певец продолжил свое выступление.

По окончании песни он растворился в табачном дыму. На смену ему вышла высокая белокурая женщина со стаканом стаута в руках. В баре царила самая непринужденная обстановка — этакое ланкаширское кабаре.

Снова начался дождь. Он шел с неослабевающей силой, и мне открылся смысл сверхпрочного дорожного покрытия, которое используется в Манчестере. Если бы здешние улицы мостили обычным камнем или деревянными блоками, то уже через неделю дождей по Динсгейт плавали бы гондолы, а по Пиккадилли можно было бы пробираться только на плоскодонных яликах. Дело в том, что манчестерские камни работают как фильтр: вода беспрепятственно проникает сквозь них и уходит в землю.

В холле гостиницы я познакомился с испанцем, который приехал в Манчестер, чтобы договориться насчет поставки апельсинов. Тут же сидела компания евреев из Иерусалима. Оркестр играл популярную песенку «Be Good Lady», и танцующие пары медленно двигались в такт с музыкой, которая пришла к нам из далекого края хлопка и чернокожих парней.

В зале витало легкое, едва уловимое ощущение чужбины. Все мы здесь были иностранцами, которые приехали повидаться кое с кем и решить кое-какие важные вопросы. Двое мужчин за соседним столиком разговаривали по-немецки. А слева от нас несчастный манчестерец отчаянно пытался столкнуться с клиентом из Леванта.

— Я знаю, что такое Манчестер! — доказывал мне испанец. — Это прежде всего дождь!

Он сделал широкий, всеохватывающий жест рукой, в которой была зажата сигара, и продолжал:

— Будь у вас в Англии жаркий климат, вы никогда бы не стали великой торговой державой. А так англичане

сплотились против плохого климата. Эта борьба закалила вас и укрепила. Она является источником вашей энергии. Посмотрите, какие крупные и сильные люди живут в Манчестере, и как они любят шутки... Им просто пришлось стать такими, чтобы выжить! А у нас на юге...

Я выглянул в окошко и убедился, что там по-прежнему дождь... По каменной мостовой прогрохотала последняя грузовая тележка.

## 2

Если хотите увидеть, как делаются дела в Манчестере, вам придется выпить не один галлон *café au lait* (кофе с молоком). Ибо здесь, как и на Востоке, колеса коммерции смазываются при помощи кофе. В городе великое множество мест, где проводятся полулегальные встречи. И хотя официально они называются кафе, по сути представляют собой деловые клубы или отделения товарно-фондовой биржи. Каждое кафе используется членами той или иной отрасли, в основном хлопчатобумажной промышленности. Поставщики собираются в одном заведении, отбельщики в другом, красильщики в третьем. Есть специальные места встреч страховых агентов, грузоотправителей и прочих деловых партнеров.

До обеда здесь не увидишь ни одной женщины. Эти маленькие кафе — святая святых манчестерского бизнеса. В них всегда полным-полно посетителей, воздух кажется сизым от табачного дыма. Попробуйте загляните в такую кофейню, и вы увидите сотни крупных голов, склонившихся над столиками, на которых белеют крошечные кофейные чашечки...

Я не знаю другого города на Земле, где бы ежедневно, независимо от времени года,

рассказывалось такое количество забавных историй. Для жителя Манчестера в порядке вещей на протяжении получаса пересказывать вам анекдот, который он накануне услышал от вас же. Особенно если за окном идет дождь... Если вы увидите сидящих рядом двух-трех манчестерцев, можете быть уверены, что один из них травит байки. Громкий веселый смех, который то и дело раздаётся на улицах Манчестера, резко контрастирует с вечно нахмуренными небесами. Наверное, только так здесь и можно выжить...

Рассказывание историй — неотъемлемая часть деловой жизни Манчестера. Они всегда идут рука об руку.

Со стороны сначала трудно разобрать, что происходит между двумя посетителями кафе — то ли один рассказывает другому историю о том, как моряк заказывал камбалу в ресторане, то ли продает своему собеседнику партию хлопчатобумажных отходов. Но со временем вы научитесь различать едва уловимые оттенки беседы. Откуда у манчестерцев такая страсть к праздному общению? Она проистекает не из природного драматического темперамента (здесь пальму первенства держат ирландцы), а из обостренного чувства товарищества. Для жителя Манчестера превыше всего сознание, что он ведет дела с земляком, таким же «добрым малым», как и он сам.

Находясь в Лондоне, манчестерцы являют собой образец сдержанности — на чужбине они предпочитают держать рот на замке. У себя же дома превращаются в открытых и добродушных школьников. Здесь все просто: либо человек «свой в доску», либо с ним дела не ведут.

У всех манчестерских историй долгая жизнь. Порой кажется, что они безнадежно устарели и умерли, но это не так. Они, подобно фениксу, обладают свойством возрождаться из пепла. Бывает так, что история на некоторое время исчезает из оборота. Это означает

лишь, что она временно перекочевала куда-нибудь в Саутпорт, но скоро вернется обратно. У вас есть хороший шанс услышать ее от старого джентльмена, который носит орхидею в петлице и вместе с вами путешествует в вагоне первого класса.

Типичная ситуация. Манчестерлец заглядывает в маленькое кафе в надежде встретиться со своим деловым партнером. Он замечает его на привычном месте (а в городе полным-полно таких «привычных местечек») и, направляясь к приятелю, приветствует в характерной манчестерской манере:

— Привет Тед, дружище!

— Салют, Билл! Мне как раз сегодня рассказали одну историю. Не знаю, слышал ли ты ее... еще один кофе с молоком, мисс... Так вот, история про валлийца, который приехал в Рексэм. Слышал, Билл?

— Нет.

— Ну, так вот. Этот самый валлиец покинул свои родные холмы и приехал в Рексэм, чтобы посмотреть на Престон-Гильд (это такая церемония, которая устраивается раз в двадцать один год). И представляешь, сразу же наткнулся на другого валлийца, которого не видел с прошлого визита в Рексэм.

— Привет, Пэрри, — говорит тот. — Чрезвычайно рад видеть тебя в добром здравии! Сдается мне, что мы с тобой не виделись со времен войны.

— Какой войны? — переспрашивает Пэрри.

Его друг пускается в объяснения насчет войны, и в конце Пэрри его перебивает.

— О Боже! — восклицает он. — Королева Виктория будет очень расстроена!

— Она умерла, — сообщает его приятель.

— Иди ты! — удивляется Пэрри. — И кто же теперь правит страной? Неужто принц Уэльский?

— Нет, дружище. Теперь у нас король Георг.

— Да ты что! Тот самый парнишка из Криккиета?

В этот миг к ним подскакивает еще один манчестерец (тоже с чашечкой кофе в руках) и поспешно, чтобы опередить Билла с его историей, вступает в беседу:

— А как тебе это, Тед? Несколько чудаков из Грейт-Гарвуда собрались в пабе и решили организовать гусиный клуб. Их было десять, и каждую субботу они платили членские взносы. После чего секретарь клуба и казначей отправлялись в бар и пропивали там собранные деньги. Но вот подошло Рождество, и секретарь, ясное дело, забеспокоился.

— Не волнуйся, Билл, — успокоил его казначей. — Я все устрою!

Сказано — сделано. Темной ночью они отправились на уединенную ферму, где жила одна старая вдова. Она держала дюжину гусей: десять жирных, а два — так себе.

Ну, наши молодцы, естественно, выбрали тех гусей, что пожирнее — получилось как раз по одному на члена клуба, — и собрались уходить. Но не успели они перелезть через плетень, как старуха услышала шум и проснулась. Высунулась она в окно и закричала:

— Ах, бесстыдники! Не знаю, кто вы такие, но в день Страшного Суда вы за все ответите!

Тут казначей, который как раз перебирался через плетень, и отвечает:

— Ну, раз нам придется ждать так долго, то я, пожалуй, прихвачу и парочку оставшихся гусей!

— И он это сделал, Тед!

— Вот как? — переспрашивает Тед и тут же включается в тему: — Между прочим, парень этот женился и приобрел квартиру в муниципальном доме. Страшно гордился своим приобретением! Он только-только закончил ремонт, забил последний гвоздь,

повесил семейный портрет и отошел в сторонку, чтобы полюбоваться на плоды своих трудов. В этот момент раздается стук в двери. Он открывает, видит, там стоит незнакомый тип и вежливо так осведомляется: «Извините, но отец послал меня узнать, можно ли ему использовать ваш гвоздь. Он хотел бы повесить на него свой пиджак...»

— А вы что, живете через стенку?

— Нет, сэр, через комнату!

— Пробовал этот табачок, Тед?

— Нет, Билл!

— Напрасно... Ну, есть что-нибудь для меня?

— Надо посмотреть, Билл...

И вот уже на столе появляются блокноты, из карманов достаются карандаши. На листочке возникает колонка цифр, и десять минут спустя партия из четырех тысяч полотняных рубашек находит себе нового владельца.

Вот так манчестерцы делают дела между собой.

### 3

В каждом городе должно быть место, где несчастные влюбленные или просто люди, уставшие от жизни, могли бы уединиться и на время позабыть о своих невзгодах.

Например, таким местом в лондонском Сити являются старые церкви. Они гостеприимно открывают свои двери перед неудачливыми любовниками, предлагая им мир и покой, а также возможность посмотреть на себя со стороны и, таким образом, восстановить утраченное чувство меры. Что касается Манчестера, то здесь, на первый взгляд, нет подобных

заповедных уголков. Город не предлагает никакого убежища смятенному человеческому духу. Несведущий иностранец может миля за милей шагать по черным улицам города в надежде отыскать зеленый парк или другое подходящее место. Напрасный труд — Манчестер ни на минуту не выпускает своих пленников из вида, не дает им возможности спрятаться и передохнуть.

У меня тоже наступил момент, когда захотелось побыть в одиночестве, не видеть всех этих людей, не слышать бесконечный грохот колес на булыжной мостовой. С этой целью я направился в собор — старинное строение, которому минуло пять сотен лет. Снаружи оно черное, как угольная шахта, а внутри радует глаз цветом запыленного шоколада.

Под крышей просторного нефа разносились торжественные звуки органа. Солнечные лучи, проникавшие в окна сквозь дубовую решетку, рисовали цветной мозаичный узор у основания колонн. Я прошел за алтарь и здесь наткнулся на сэра Хамфри Четэма.

Выглядел он так, как по общепринятому мнению должен был бы выглядеть Шекспир. В тот миг он показался мне самым симпатичным человеком в Манчестере. А возможно, и самым приятным джентльменом елизаветинской эпохи, какого мне довелось видеть за свою жизнь. Это была скульптурная группа из белого мрамора — благородной наружности мужчина и маленький мальчик, который сидит у его ног и читает книгу.

Сэр Хамфри Четэм принадлежит к той славной плеяде набожных английских джентльменов, которые реализовывали себя через благотворительность. Основать школу для сирот, приют для бедных или госпиталь для больных — вот их способ увековечить свое имя в веках.

Полагаю, таким людям уготовано самое лучшее место в раю. Я считаю, что Манчестер может по праву



гордиться Четэмской школой. За то время, что провел в городе, я был там четыре раза. Ходил каждый день, и мне это не надоедало. Воистину, школе этой суждено пережить время.

Вы подходите к черной стене напротив собора и, миновав черные же ворота, попадаете на просторную площадку для игр. Вокруг вас маленькие мальчики в темно-синих костюмчиках и забавных тюдоровских шапочках, похожих на синие блины, с увлечением гоняют мяч. Поодаль виднеется L-образное здание, которому уже добрых семьсот лет.

Вы приближаетесь к зданию и, остановившись под килевидной аркой, более уместной где-нибудь в Оксфорде или Кембридже, звоните в колокольчик. Затем поднимаетесь по широкой дубовой лестнице, минуете библиотеку (кстати, это первая в стране бесплатная библиотека) и оказываетесь в замечательной комнате, напоминающей адмиральскую каюту на старинном галеоне.

Пока вы любуетесь блестящими дубовыми столами, великолепной панельной обшивкой и гербовыми щитами над камином, в комнате появляется один из воспитанников школы. Дверь отворяется и впускает внутрь учтивого мальчика с тюдоровской шапочкой в руке. Он с улыбкой кланяется вам и начинает рассказывать громким, уверенным голосом: «Сэр Хамфри Четэм основал свой приют в 1656 году с целью содержания и обучения сотни мальчиков из бедных семей», ну и т. д.

Если вы поинтересуетесь, паренек охотно поведает, как он сам попал в школу. Он приехал, скажем, из Мосс-Сайда и, согласно древним правилам, должен был держать экзамен перед советом директоров. От него требовалось наизусть продеklamировать «Отче наш», «Верую» и десять заповедей, а затем еще прочитать

какой-нибудь отрывок из Библии. Без этого детей в школу не принимают.

Представление, будто все воспитанники Четэмского приюта — сироты, не соответствует истине. Здесь в основном учатся дети бедных, но достойных родителей.

— А чем ты будешь заниматься после окончания школы? — спрашиваю я.

— На Пасху я отправляюсь в государственное бюро по найму моряков в торговый флот.

— А скажи-ка, тебе нравится в школе? Ты здесь счастлив?

Мальчик снисходительно улыбается, и в его глазах явственно читается, каким же идиотом он вас считает! Ежедневно в просторной норманнской кухне Четэмского приюта кипит работа — повар готовит сотню обедов для воспитанников. Здешний очаг поражает воображение размерами: вы свободно могли бы въехать в него на автомобиле. А толщина стен местами достигает восьми футов! Когда-то это помещение служило приемным покоем старинного замка. Впоследствии здание превратилось в помещичий особняк и принадлежало семействам Греслетов и Делаварров — первых манчестерских землевладельцев.

Это чудо, что в городе, где практически отсутствуют исторические памятники, сохранилось подобное строение — по сути, родовое гнездо всего Манчестера. Да еще буквально в двух шагах от старой церкви! Я не могу припомнить, чтобы в каком-нибудь другом крупном городе Англии помещичий дом и церковь стояли вот так поблизости.

В обеденном зале — огромном помещении с деревянными стропилами и готическими окнами — рядами стоят до блеска отдраенные дубовые столы, за которыми едят воспитанники. Но главным украшением зала является камин, который мне представили как самое уютное место в городе (я уверен, что так оно и

есть). Мой гид с гордостью продемонстрировал кресло, в котором, по слухам, сиживал сэр Уолтер Рэли, когда приезжал в Манчестер повидаться с доктором Ди, самым знаменитым предсказателем судьбы елизаветинской эпохи.

Я представляю себе эту картину, наверняка самую драматическую в истории Манчестера: Рэли взволнованно ждет ответа (еще бы, ведь на днях ему предстоит отправиться в великое плавание), а доктор напряженно вглядывается в свой магический кристалл. Хотел бы я знать, что ему там открылось? Увидел ли доктор Ди мрачные очертания лондонского Тауэра и плаху, которая ждет его клиента?

Здесь же стоит буфет, сделанный из столбиков кровати, на которой спал Красавец Принц Чарли в пору своего противостояния со вторым Георгом. А в личных покоях мистера У. С. Филдена, директора школы, можно увидеть стол, за которым Гай Фокс планировал свой пороховой заговор.

Вообще-то Манчестер не слишком богат на памятники. Поэтому мне особенно приятно было увидеть в галерее Четэмского приюта небольшой военный мемориал (интересно, много ли горожан знают о его существовании?) Между тем это лучший памятник такого рода, какой я встречал в Англии — а за время своих путешествий я их повидал немало.

Если вы попросите, библиотекарь покажет вам самую ценную книгу школьной библиотеки. Это знаменитая рукопись хроники Матвея Парижского, которая прежде хранилась в Вестминстерском аббатстве, но пропала в смутные годы разрушения монастырей. Несколько столетий назад некий манчестерский джентльмен подарил книгу библиотеке Четэмского приюта.

Мне рассказывали, что как только новый настоятель Вестминстера занял свой пост, он сразу же написал

прочувствованное письмо в Манчестер с просьбой вернуть аббатству драгоценный манускрипт. (Увы, господин настоятель, боюсь, вы напрасно потратили свое время!)

С наступлением вечера воспитанники Четэмской школы поднимаются в три длинных дортуара, где под деревянной крышей стоят рядами сто детских кроватей. Здесь царит тишина и полумрак, и, наверное, мальчикам кажется, будто они засыпают в церкви.

Вокруг них на мили простирается современный город с его огромными магазинами и шумными улицами, но здесь, в самом сердце Манчестера, все осталось, как встарь. Ни за что не скажешь, что Ирк и Ирвелл уже не бегут меж зелеными берегами, а густой колокольный звон не плывет больше над заливными лугами.

Люди находят много способов запечатлеть свои имена для потомков. Истории известны сотни личностей, которые что-то сделали или что-то сказали и тем самым прославились. Но, думается, вот эта сотня маленьких кроваток, на протяжении столетий стоящих бок о бок в темных спальнях, служит самым лучшим свидетельством величия сэра Хамфри Четэма.

#### 4

Прежде чем составить себе мнение о каком-то городе, требуется увидеть его в разных настроениях, познать все его контрасты...

Манчестер каждое утро просыпается в бодром настроении. Город напоминает мне мужчину, который поет во время утреннего бритья. Он (а я настаиваю на этом местоимении, ибо Манчестер видится мне даже более мужественным, чем Лондон) с завидным аппетитом набрасывается на каждый новый день, который предстоит прожить. Он, похоже, верит в то, что

жизнь — стоящая штука, и призрак грядущих несчастий перед ним не маячит. По утрам толпы горожан заполняют улицы. Все куда-то спешат. Ворота фабрик, складов и банков поглощают тысячи работников. Помимо этого, поезда ежедневно доставляют в Манчестер множество иногородних гостей. Все они приезжают по делу — что-то купить или продать. И черный гигант безотказно поглощает массу народа, честно пытаясь удовлетворить их потребности. У кого-то все сложится, как надо, а кто-то уедет разочарованным — в конце концов это вопрос везения. Важно то, что город трудится от рассвета и до заката.

Это традиционный Манчестер — крупный индустриальный город, живущий кипучей, напряженной жизнью. Именно таким его знают во всем мире, и большинство людей даже не догадывается, что у Манчестера есть и другое лицо.

На Динсгейт можно видеть готическое здание, которое стоит немного под углом к дороге и вообще держится наособицу. Среди окружающих его магазинов и офисов оно выглядит скромным монахом, затесавшимся в праздничную толпу. В здании этом разместилась Библиотека Джона Райлендса, и я бы посоветовал заглянуть сюда каждому, кто любит неожиданности. Ибо то, что вы увидите в этих стенах, составляет разительный контраст привычному облику Манчестера. В то время, как на многие мили вокруг идет бесконечный торг — люди озабочены тем, чтобы удачно купить или продать, — здешние обитатели преследуют совсем иные цели.

Самое интересное, что данное заведение основала женщина, и в этом его уникальность. Насколько мне известно, это единственная в мире крупная библиотека, которая обязана своим появлением женской любви и преданности.

Как сказал доктор Фэйрберн из Оксфорда: «Библиотека эта по праву может считаться одним из бессмертных творений любви».

Джон Райлендс был удачливым манчестерским дельцом. Покинув сей мир, он оставил жену, обремененную огромным состоянием и горячим желанием увековечить память мужа. Мне представляется чрезвычайно интересным, как эта женщина воплощала в жизнь свою затею — как она составляла проект, консультировалась со специалистами, искала лучших архитекторов, как приобретала знаменитую коллекцию Спенсера (напомню, там лишь стартовая цена составляла четверть миллиона фунтов стерлингов!), как внимательно и заинтересованно следила за всеми деталями. Во всяком случае меня это интересует гораздо больше, нежели то, каким способом мистер Райлендс заработал свое состояние.

И сегодня, глядя на его постную пуританскую физиономию, я уверен: для Джона Райлендса оказалось бы настоящим шоком, узнай он, какое применение жена нашла его миллионам!

А между тем во всех крупнейших университетах мира название города Манчестер ассоциируется именно с этой библиотекой, а вовсе не с хлопчатобумажной промышленностью. В этом отношении Манчестер продолжает славную традицию, согласно которой крупнейшие торговые столицы мира одновременно становились и центрами культуры и учености. Примером тому служила древняя Александрия, затем, уже в Средние века, она передала эстафету Флоренции, а позже Венеции. И мне видится вполне закономерным, что после открытия Америки — события, которое изменило наш мир и переместило центр деловой активности из теплых лагун Венеции на сырые

ланкаширские холмы — здесь, в Манчестере, возникла великолепная, всемирно известная библиотека.

Вы поднимаетесь по ступеням чудесной готической лестницы и попадаете в настоящий храм книжной премудрости. Здание вполне современное (библиотека открылась лишь в 1899 году), но в основу проекта был положен интерьер Честерского собора. Весь просторный неф приспособлен под книги: за каждой аркой скрываются стеллажи, на которых стоят сотни тысяч томов. Настоящее книгохранилище! И при этом у вас полное ощущение, что вы находитесь в старинном соборе. Дух захватывает от восхищения при одном лишь взгляде на окруженные арками проходы, на каменный веерный свод и характерные стрельчатые окна. Архитекторам не только удалось создать здание, идеально отвечающее своему назначению, но и сохранить великолепие готического стиля (что сказывается во всем: в пропорциях сооружения, в выборе материалов и внутренней отделке).

Внутри царит удивительная тишина. Лишь изредка ее нарушает звяканье трамвая, который заворачивает за угол Динсгейт. Вы вполне можете представить, что находитесь не в центре Манчестера, а в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета или в ватиканском книгохранилище.

Посидите в одной из уединенных ниш читального зала, понаблюдайте за окружающими, и город откроется вам совсем с другой стороны. Здесь собираются странные и колоритные люди — профессора и ученые из многих стран. Им приходится приезжать в библиотеку Райлендса, поскольку среди ее 300 тысяч печатных книг и 100 тысяч рукописей немало уникальных изданий, которых не найдешь больше ни в одной библиотеке мира.

Поверх читального зала проходит галерея, разделенная на отдельные кабинеты. Здесь приезжий

гость может обосноваться надолго. Для него специально освобождают книжные полки — чтобы он их заполнил по собственному усмотрению. Посетитель может ежедневно приходить сюда и работать с интересующими его источниками.

А многие авторы — среди них попадаются ученые с мировым именем — и вовсе переселяются в такую келью на все время работы. В библиотеку приезжает и множество совсем неизвестных людей. Трудно определить по длине бороды или размаху бровей, чем занимается в своей нише такой посетитель. То ли он исследует Артуровский цикл, то ли мучительно бьется над расшифровкой демотического письма в надежде пролить новый свет на текст Евангелия.

А здесь, в соседних закутках, расположилась стайка девушек, готовящихся к выпускным экзаменам. Они сидят, углубившись в ученые трактаты, посвященные Риму в эпоху императора Нерона и святого Павла.

Если б не эти стриженные девичьи головки да не шелковые чулки песочного цвета, я бы, пожалуй, поверил, что попал в какой-то средневековый монастырь.

Снаружи, на Динсгейт, кипит обычная жизнь: тысячи мужчин и женщин проходят мимо, не обращая внимания на дом, который скромно стоит в стороне от дороги. Да и дому тоже нет дела до случайных прохожих, ибо он отрешен от мирских забот и сконцентрирован на сокровищах духа. Это подлинное святилище разума! А сотворившая его женщина находится тут же — она стоит изваянная из белого мрамора и смотрит на противоположный конец нефа, туда, где высится статуя ее мужа.

«Для большинства людей, — писал доктор Фэйрберн в 1899 году, — это просто библиотека Джона Райлендса, воздвигнутая благодаря беспримерной щедрости его



вдовы... Но для тех немногих, кто знает истину, библиотека есть и навсегда останется удивительным и редким чудом — свидетельством искренней любви женщины к своему мужу и желания увековечить его память».

## 5

В хитросплетении боковых улочек и переулков, примыкающих к Смитфилдскому рынку, происходит непрерывный круговорот людей. Тысячи мужчин, женщин и детей, плотно сжатых в толпе, медленно перемещаются в свете керосиновых горелок. Каждую неделю они приходят сюда, чтобы насладиться сознанием собственного — пусть небольшого, пусть временного — богатства. Здесь можно встретить женщин в сабо и шалях, фабричных девушек, одетых совсем по-городскому, молодых парней, которые прогуливаются под ручку со своими подружками, и мужчин постарше в окружении их семейств. Это бесконечный карнавал, утомительный в своем однообразном веселье.

Трепещут на ветру тонкие язычки пламени в уличных фонарях. В воздухе пахнет грушевыми леденцами, моллюсками и керосином. Булькают на кострах огромные чаны, в которых варятся ириски на потребу гуляющей публике. Со всех концов несутся крики рыночных зазывал, перекрывающие и шарканье тысяч ног, и гул человеческих голосов. Владельцы лотков проявляют завидную настойчивость, используют все способы (вплоть до насмешек и прямых оскорблений), лишь бы зацепить и удержать подле себя эти бледные равнодушные лица. И все наперебой предлагают: купи, купи, купи!

Я смотрел и поражался: насколько же переменчивая и многоликая структура — большой город. Казалось бы, всего несколько переулков отделяет это место от Пиккадилли, Маркет-стрит, Динсгейт, а совсем другой мир!

Все ремесла здесь группируются по улицам. В этом отношении здешний рынок ничем не отличается от каирского или тунисского базара. В одном конце обосновались лекари с медицинским патентом, в другом торговцы сладостями, в третьем продавцы фарфора. Неподалеку от них целый ряд отведен торговцам золотыми часами — не выходящий из моды товар! На улице холодно, идет дождь, из переулков задувает промозглый восточный ветер. А посетителям рынка все нипочем: десятки мужчин и женщин стоят вдоль стен, поглощают мороженое и кашляют.

Здесь вы можете купить все, что угодно — от жареной трески до платоновской «Республики».

В темных, укромных переулочках отираются продавцы собак. Они прохаживаются туда-сюда, а из-за пазухи у каждого выглядывает маленькая мохнатая мордочка. Обычно такой тип бочком подкрадывается к вам и простужено сипит (продавцы собак почему-то перманентно простужены):

— Мистер, не желаете отличного рыжего щенка?

И указывает на жалкое создание, которое сидит в сторонке и нерешительно посматривает в вашу сторону. На мой взгляд, это самое трогательное зрелище — глаза собаки, которая ждет нового хозяина.

Специфическая черта, которая отличает данный базар от, скажем, Ноттингемского рынка или субботней бирмингемской барахолки, — маниакальное стремление публики взвешиваться. На каждом углу стоят замысловатой формы весы — щедро украшенные плюшем, с хромированными рычагами, — и выглядят они так, будто вот-вот ударят вас электрическим током или

же разразятся бравурной музыкой при вашем приближении. Для меня осталось загадкой, почему каждую субботу жителей Манчестера обуревают желание узнать свой вес.

Уличные доктора пользуются спросом. Вот один из них демонстрирует толпе маленькую девочку с явными признаками облысения. Худенькая, бледная девочка понуро стоит рядом с «волосяным доктором», такое впечатление, будто она никогда в своей жизни не улыбалась. Боже, что за картина! Сомнительный лекарь (такие обычно принимают в обшарпанных кабинетах где-то на окраине города), угрюмые зрители, которые не спешат проявлять интерес к патентованному «Средству от облысения», и этот несчастный ребенок, неуловимо смахивающий на подопытное животное — тот же пустой взгляд и маленькие пальчики, сжимающие край прилавка.

В двух шагах от них разорвется какой-то нервный тип — по виду явный холерик. Громкий голос, покрасневшее лицо и резкие жесты... Что рекламирует этот врач, не слишком понятно, но уж страсти ему не занимать! По этой части он вполне мог бы поспорить с Петром Пустынником, призывающим народ отвоевать у неверных Святую Землю. Полную противоположность ему являет молодой студент-медик в очках с роговой оправой. Парень спокойно стоит, опустив одну руку в карман. В другой держит бутылочку с ярко-зеленой жидкостью — кажется, лекарством от гриппа, и говорит:

— Мой отец был врачом и умер нищим! Я оплатил все его долговые расписки, вот почему я здесь! Если б у меня были деньги, я бы сюда не пришел. Но, коли уж я здесь, заклинаю вас: прислушайтесь к совету студента-медика! Я повторю то, что всегда слышал от моего домашнего врача. А он говорил мне так: «Следите за чистотой своих легких, молодой человек! Чем бы вы ни

занимались, не забывайте регулярно очищать свои легкие!» Итак, леди и джентльмены, обратите внимание...

Через дорогу приютилась тележка, нагруженная книгами. Возле нее останавливается худосочный молодой человек — судя по виду, рабочий, не имеющий возможности наесться досыта. Вот он извлекает из кармана заветный шестипенсовик и оплачивает покупку. Мне любопытно, что такой юноша может покупать на книжном развале. Потихоньку подхожу и заглядываю через плечо. «Потерянный рай» Мильтона! Он выглядит таким голодным... и таким счастливым!

Паренек уходит, проталкиваясь сквозь толпу. Ах, юность, юность... По прошествии лет мы всегда с ностальгией вспоминаем времена, когда голодали над книжками.

Субботними вечерами в манчестерских пивных всегда аншлаг. Порой мне кажется, что Манчестер стал бы последним городом в Англии, который согласился бы ввести у себя сухой закон! (Для сравнения: Норидж просто бы промолчал на сей счет). Все центральные улицы города оглашаются веселым пением. Мужчины пьют пиво, женщины — стаут или портвейн, разведенный горячей водой. Крупная женщина в расшитом гагатами платье сидит за пианино и с большим чувством исполняет «Энни Лори». Публика вознаграждает ее аплодисментами. Дверь постоянно хлопает — кто-то приходит и уходит. Над толпой плывет поднос, заляпанный пивной пеной.

А чего стоит Бель-Вью! В десять часов вечера он представляет собой удивительное зрелище. Представьте себе гигантский танцевальный зал, битком забитый молодежью. Три тысячи человек, которые заплатили по шесть пенсов за вход и теперь веселятся от души. Едва ли здесь можно встретить человека старше двадцати пяти. Женская половина представлена

в основном фабричными работницами. Некоторые из них очень симпатичные, и все — очень миниатюрные. Вот они, наглядные последствия прогресса: в третьем поколении город производит именно такое аккуратное, низкорослое население.

Некоторые из девушек одеты вызывающе нарядно: мелькают два-три вечерних платья из блестящей тафты. Но большинство (сотни и сотни) предпочитает обычную униформу — юбку и жакет. К танцзалу примыкает огромный бар, в котором толпятся юноши и девушки. Все громко разговаривают — так, что гул голосов порой заглушает музыку оркестра. Группа подвыпивших парней пробует себя в хоровом пении.

На меня произвело огромное впечатление это зрелище — три тысячи юных танцоров, все примерно одного возраста и все выходцы из маленьких манчестерских домиков. Не помню, чтобы я видел подобное в каком-нибудь другом городе.

В подобных заведениях Лондона всегда представлена публика постарше, но Бель-Вью отдан на откуп молодежи. Здесь в буквальном смысле правит бал юность! Современные юноши и девушки — смелые, энергичные, жадные до удовольствий и, конечно же, совершенно неконтролируемые. Будь у меня знакомый художник, я бы посоветовал ему написать эту толпу и назвать картину «Год 1927 от Рождества Христова».

Наверняка он сумел бы передать этот лихорадочный блеск в глазах и безудержное веселье молодых; эти белые руки, которые заканчиваются сильными, натруженными кистями с лопатовидными пальцами; и яркие вспышки цвета... и ноги; и маленькие девушки в скромных костюмах, никогда не пользовавшиеся косметикой, — они тихо танцуют друг с другом, напоминая маленьких коричневых мышек; и неуклюжие смешливые подростки, которые раскачиваются на месте, подобно парочке дрессированных медведей; все они, как

на подбор, в жилетах, все курят сигареты и поминутно наступают на ноги соседям — сущее наказание для девушки, у которой в запасе всего одна пара шелковых чулок.

Невозможно не отметить ту простоту обращения, которая отличает поколение 1927 года от Рождества Христова. Парням здесь не составляет труда найти себе партнершу для танца. Я с сожалением вспоминаю поколение наших дедушек, которые в подобной ситуации краснели, потели и обращались к даме со словами: «Сударыня, не соблаговолите ли...» Да если бы кто-то из нынешних кавалеров выдал такое, то девушка, скорее всего, посчитала бы его сумасшедшим и убежала без оглядки. А так все предельно просто: «Привет, крошка!» И вот они уже держат друг друга в объятиях, и лихорадочный, эпилептический ритм чарльстона их поглощает.

Но главное, что должен отметить художник на своем полотне (так сказать, лейтмотив всей картины), — удивительную способность молодых наслаждаться. Они чисты и непосредственны в своих желаниях. Здесь, в Бель-Вью, я не заметил никакой фальши, ни грамма поддельного веселья. Этим ребятам не требуется никаких ухищрений, чтобы почувствовать себя счастливыми. Они искренне радуются тому, что сегодня субботний вечер, и они могут потанцевать в шестипенсовом зале. Если вспомнить, сколько на свете богатых людей, которые сидят в фешенебельных ресторанах и вздыхают над эксклюзивной спаржей, то лишний раз убеждаешься: богатство и счастье — не синонимы.

Обратно я возвращался на трамвае. Напротив ехал паренек лет восемнадцати. Он спал стоя, держась за ремень и раскачиваясь на ходу. А на соседней скамье юная девушка сладко посапывала, прикорнув на плече у своего партнера.

Что поделать, субботний вечер.

**6**

Старая фабрика стоит на берегу ручья, который в прошлом, во времена аркрайтовой водяной рамы, давал ей энергию и силу. Фабрика эта была свидетельницей прихода прядильной машины Харгривза с ласковым именем «Дженни», «мюль-машины» Кромптона и парового двигателя Уатта. Ей довелось пережить конец кустарного прядения и ткачества. На ее глазах небо над Ланкаширом затянула черная дымная пелена. Но еще чернее были дела, которые творились на хлопкопрядильных фабриках. Ибо тогда, столетие назад, здесь разворачивалась самая настоящая работорговля, предмет которой стали маленькие дети, обслуживавшие «Дженни». Сегодняшний ручей представляет собой печальное зрелище: берега замусорились, а воды потемнели от фабричных отходов. Зато сама старая фабрика, которая за сто лет выдержала не одну перестройку, ныне процветает.

Управляющий прошел в свою контору, переоделся и нахлобучил на голову кепку.

— Не снимайте шляпы! — посоветовал он мне. — Целее будет.

Он являлся типичным представителем молодого поколения ланкаширцев — энергичный, смысленый и целеустремленный. За плечами у этого молодого человека наверняка остался колледж, где он получал техническое образование. Сейчас все свои усилия он направлял на то, чтобы накопить денег и открыть собственное предприятие. На самом деле в Ланкашире множество таких молодых людей, и ни в одном другом графстве Англии я не видел, чтобы личные способности и амбиции людей настолько перетряхивали социальную

структуру общества. В этом особая романтика Ланкашира. Здесь сплошь и рядом встречается ситуация, невозможная в других частях Англии, когда члены одной и той же семьи идут совершенно различными путями. Пока один брат лениво возлежит в салоне роскошного лимузина, другой шлепает в дешевых сабо к воротам фабрики, где тянет лямку от зари до зари.

Правда, мне говорили, что все хорошо до тех пор, пока у богатенького братца не подрастут собственные дети. Когда же наступит время отправлять их на учебу в Оксфорд, вот тогда-то и оправдывается старинная ланкаширская поговорка: «Три поколения отделяют сабо от сабо».

Немудрено, что жители Ланкашира с недоверием взирают на социальные достижения соседей (или, как они выражаются, на «ихний шик»).

Первым помещением, которое мы посетили, был склад, где лежали пыльные, желтоватые тюки спрессованного хлопка. Его доставляют из Техаса. Все время из Техаса! И я подумал: насколько же гениален человек, сумевший столь разительно изменить условия жизни! (И в этом тоже часть ланкаширской романтики!) Мне припомнилась, сколько хлопот доставляли в шестом веке татаро-монгольские степняки, которые безжалостно грабили шелковые караваны на всем пути из Китая в Рим. В своей книге «История упадка и разрушения Римской империи» Гиббон рассказывает, сколь беспрецедентные усилия прилагал император Юстиниан, дабы обезопасить торговлю шелком. И все безуспешно! Так бы и сидели римские аристократы без шелка, если бы два шустрого монаха не догадались тайно вывезти личинок китайского шелкопряда в своих посохах. Таким образом, Европа сама начала производить вожделенный шелк, а мы получили прекрасный пример нетривиального решения проблемы.



Сегодня корабли с американским хлопком вполне легально прибывают в Манчестер по Мерси и Судоходному каналу, и никого это не удивляет. А как, наверное, позавидовал бы император Юстиниан нашему простому, дешевому — и безопасному! — способу устраивать дела.

Вместе с тexasским хлопком мы проследовали через ряд очистительных устройств в огромный цех, где сильно пахло горелым маслом. В воздухе носились мельчайшие частички распотрошенного хлопка-сырца. Они набивались в нос и в рот, подобно летучему пуху чертополоха, оседали на одежде. Рабочие, которые двигались между станками, казались белыми привидениями, а их усы выглядели так, будто полночи провели на сильном морозе.

В этом цеху пухлые массы хлопка-сырца превращаются в длинные и плоские ленты. Рабочим и их станкам приходится для этого изрядно постараться. Уж что только ни делают с хлопком машины: и дергают его, и сжимают, и рыхлят специальными металлическими зубцами — только что не поджигают! И все это время мягко, но настойчиво продвигают обработанный хлопок по направлению к прядильным машинам. В противоположном конце цеха установлены сотни бобин, которые непрерывно вращаются и с каждым оборотом наматывают на себя грубую хлопковую нить.

Из прядильного цеха мы направились на ткацкий участок, а по пути я заглянул в длинную комнату, где на крючках висели многочисленные пальто и шляпки. Это была раздевалка, и несколько девушек как раз там переодевались. И при том пели арию из «Мадам Баттерфляй»! Можете себе представить? За свою жизнь мне довелось побывать на десятках различных фабрик — и в Центральной Англии, и на Юге — но нигде я не слышал, чтобы фабричные работницы распевали оперные арии.

В первый момент девушки смутились, но затем, разговорившись, похвастались, что прошлой зимой они ставили «Цыганскую девушку».

Управляющий распахнул дверь, и мы тотчас попали в сущий ад. Сотни ткацких станков стояли в цеху и непрерывно вращали рычаги, производя при этом шум, как целая стая обезумевших куриц. Грохот стоял такой, что разговаривать было совершенно невозможно. Несчастливым работницам, чтобы хоть как-то между собой общаться, пришлось изобрести собственную азбуку глухонемых. Когда мы вошли, я увидел, как одна из девушек шевелит губами. И что вы думаете? Известие о нашем визите моментально распространилось по цеху. К тому времени, когда мы достигли дальнего угла, нас там уже ждали!

В этом цеху производили хлопчатобумажную ткань и вискозу. Я обратил внимание, что над некоторыми станками крепится нечто вроде продырявленных банных ковриков. Мне объяснили, что это жаккардовы ткацкие станки. Каждый раз, когда такой «коврик» совершал очередной рывок, из-под него выходила новая порция искусственного шелка для чьей-то пижамы! В один из таких волнующих моментов я впервые в жизни столкнулся с «живчиком».

Сегодня в Лондоне навряд ли кто слышал о «живчиках», а здесь это чрезвычайно популярный персонаж. «Живчик» — человек, который «оживляет» уставший и замешкавшийся ткацкий станок. А по совместительству общепризнанный клоун Ланкашира. Стоит произнести магические слова: «Как-то раз один «живчик»»... И ваш собеседник (если он, конечно, ланкаширец) начинает улыбаться и готовится от души посмеяться. Подобное отношение к данной профессии, похоже, сложилось в далеком прошлом, когда условия работы на ткацких фабриках были куда более суровыми,

чем сейчас. Могу предположить, что в те времена «живчики» часто использовали свою власть против фабричных рабочих. Как результат: вот уже третье или четвертое поколение ланкаширцев отыгрывается на «живчиках», причем делает это с присущим им чувством юмора.

Здесь я приведу лишь несколько типичных анекдотов. Все они имеют целью лишний раз подтвердить тезис об абсолютной тупости «живчиков». (Между прочим, на местном жаргоне «живчик» является синонимом безнадёжного болвана.)

Итак, молодой «живчик» собирается жениться и отправляется покупать кольцо своей невесте.

— Восемнадцать карат? — спрашивает ювелир.

— Нет, — отвечает наш герой. — Я, конечно, жую табак, но с чего ты взял, что мне восемнадцать?

Или вот еще. Два «живчика» отправились с ночевкой на загородный пикник, но по рассеянности забыли взять подушки. Поэтому они вынуждены были подложить под голову найденные обрезки дренажной трубы. Утром один из друзей жалуется, что спалось ему ужасно — шея совсем затекла! Другой же хвастается с довольным видом: «А у меня все в полном порядке, Билл! Я догадался с вечера набить свою трубу соломой».

«Живчик» поутру направляется на фабрику, но по дороге решает закурить. Он поворачивается спиной к ветру и раскуривает трубку. Затем продолжает свой путь и через полчаса встречается на улице с приятелем, который спрашивает:

— Куда направляешься, Тед?

— На работу, — важно отвечает Тед.

Он делает еще несколько шагов, но тут вдруг лицо его озаряется ужасной догадкой, и он восклицает:

— Черт! Я же забыл повернуться обратно!

А вот классический анекдот про «живчика», который рассказывают по всему Ланкаширу.

«Живчик» приобрел пианино. На следующий день сосед видит, что он катит купленное пианино на тележке, и интересуется:

— Что, Дэн, решил продать?

— Нет, — отвечает Дэн, — просто иду на первый урок музыки.

Ну, пожалуй, довольно. Теперь вы можете представить, с каким интересом (и дипломатичностью) завел я разговор со своим первым в жизни «живчиком». К моему удивлению, парень выглядел вполне обычным человеком, я бы даже сказал, не лишенным известного ума. Мне запомнился его синий бумазейный костюм и блуждающий взгляд. А также необычная реакция на мои осторожные расспросы. Когда я в очередной раз прошелся по поводу его профессии, парень улыбнулся и спросил:

— А вы слышали этот анекдот?

И рассказал следующую историю.

Как-то раз «живчик» купил новую клетку для кур и попросил двух своих друзей, тоже «живчиков», помочь донести покупку до дома. Идти пришлось две мили, и приятели изрядно запыхались. Когда до дома оставалось с полмили, они вдруг всполошились: а где же сам владелец клетки?

— Куда подевался этот чертов Том? — спрашивали друзья на все лады. — Может, с ним что-то случилось?

И тут послышался голос изнутри клетки:

— Не беспокойтесь, ребята, все в порядке. Я несущердочки!

Если желаете заглянуть в сердце Ланкашира, то вам следует выбрать какой-нибудь вторник или пятницу и явиться в самое большое здание Манчестера. Здесь

располагается Королевская биржа — крупнейшая биржа в мире. В одном ее уголке свободно разместится целиком все здание Лондонской биржи, и местные обитатели будут при этом спрашивать друг у друга: «Вы видели, какую у нас открыли новую гардеробную?»

Маленькие текстильные городки (которых вполне можно считать детищами Манчестера), а также Ливерпуль — город, годящийся на роль супруги Манчестера (прекрасная, надменная леди, о которой я расскажу как-нибудь в другой раз) — так вот, все они дважды в неделю присылают своих эмиссаров на Манчестерскую биржу. Для чего? Рассказать-послушать новые анекдоты и, если получится, выбить парочку выгодных контрактов. Вся эти люди собираются в громадном гриль-баре, обедают и отчаянно стараются не «расколоться» — приберечь свои лучшие истории до того момента, когда отправятся на биржу. И вот час пробил: приезжие поднимаются по лестнице и попадают в огромный шумный храм хлопка. Пик активности наблюдается около трех часов дня, когда на этаже собирается свыше семи тысяч участников торгов.

Если подняться на галерею для публики, то глазам вашим откроется поистине незабываемое зрелище — медленно перемещающаяся, как бы кипящая темная масса мужественности (мне очень не хотелось использовать это слово, я старался изо всех сил, но, увы, искушение все-таки оказалось сильнее). Такого вы не увидите ни в одном другом городе Англии. Более того, я почти уверен, что будь это в любой другой точке земного шара, то подобное деловое сборище не обошлось бы без женского присутствия. Мне рассказывали, будто здесь тоже есть (или, может, когда-то была) женщина-брокер. Но поскольку никто и никогда ее не видел, то я сильно сомневаюсь в правдивости этой информации. Вообще-то, женщины не такие нервные, как мы, мужчины, и они гораздо больше нас любят быть

на виду, привлекать к себе внимание. Но подозреваю, что Манчестерская Королевская биржа — этот последний оплот мужского мира — напугала бы даже самую отважную представительницу прекрасного пола.

Однако, глядя на шумное, многочисленное скопище мужчин, невозможно не думать о женщинах. Я представлял, как бы выглядела биржа, если все семь тысяч мужчин вдруг исчезли и уступили место своим женам и дочерям. Насколько бы она выиграла в красках и формах! Насколько благозвучнее стала бы звучать! Ничего похожего на это унылое тысячеголовое чудовище с его бесконечными черными шляпами и черными пиджаками...

Этот устрашающий монстр, подобно черной плесени, расползается по гигантской площади почти в два акра. Стоит подняться на галерею для публики, и вы сразу же слышите непрерывный, монотонный шум — этакую застывшую звуковую волну, которая повисла в воздухе и давит на уши. Поздравляю, вы сподобились услышать голос самой Хлопковой индустрии! Собравшиеся здесь тысячи мужчин ведут нескончаемые разговоры о хлопке и хлопковых отходах, о ткани в отрезах и суровье, о вискозе и набивной хлопчатобумажной ткани, об отбеливании, покраске и транспортировке, о деньгах... а также о том, что повар сказал полисмену.

Вам придется поверить мне на слово, потому что на слух в этом шуме нет ничего человеческого. Скорее уж, это похоже на шелест гигантской дубравы или на рокот прибора — странное резонирующее возмущение воздушной среды.

Стоя на галерее, я ощущал себя богом-олимпийцем, который свысока наблюдает за копошением людишек на Земле. Затем глаз мой выделил из толпы маленького человечка, и я стал следить за его перемещениями по этажу. И хотя человек этот был не более чем молекулой в теле черного монстра, на общем основании

участвующей в броуновском движении остальных молекул, тем не менее для меня он сделался важным, поскольку я уже думал о нем как о личности. Я с интересом наблюдал, как он прокладывает себе путь сквозь толпу, ненадолго притормаживая возле отдельных групп людей. Вот он останавливается, вносит свою лепту в беседу и продолжает двигаться дальше. И все это время рыщет-ищет-вынюхивает: на чем бы сделать деньги?

Так, теперь он остановился с кем-то пошутить. Этот кто-то рассказывает ему смешную историю, и наш герой смеется — на мой взгляд, чуточку *слишком* громко. Я понимаю: он заинтересован в своем собеседнике и хочет ему понравиться. В следующий миг человек становится серьезным, задумчиво потирает маленький подбородок и с сомнением качает маленькой головой. Что такое? Неужели его хотят втянуть в сомнительную сделку? Не поддавайся, дружок! Иногда к моему подопечному подходит какой-нибудь человек (вернее сказать, море черной плесени выплескивает на него человека), оба вынимают блокноты и что-то записывают. Ура! Кажется, мы заключили контракт. Это просто замечательно!

Со временем я замечаю, что по залу бродят старики в старомодных сюртуках с бутоньерками. Судя по их важному виду, это ветераны хлопчатобумажного бизнеса. Порой мне кажется, что для этих экс-магнатов Королевская биржа играет роль спасательного круга. Древние старички, которые счастливо доживают свой век где-нибудь в Сент-Эннсе или Бакстоне, бранятся с садовником и страдают от подагры, только потому и остаются живы, что раз в неделю по привычке ездят на биржу. Здесь же можно видеть и молодое поколение ланкаширцев — это энергичные, пробивные люди, которые идут по жизни своим путем и давно уже не носят гетры. Мне рассказывали об одном южанине,

который так и не сумел устроить бизнес на Севере — камнем преткновения для него стали именно белые гетры. Я вполне верю в подобную историю.

За этими размышлениями я потерял из виду своего человечка. Надеюсь, ему по-прежнему везет. Он у меня маленький неунывающий бодрячок. Я наблюдал, как он раз за разом рассказывает одну и ту же историю различным людям. Часто ему приходилось стоять и терпеливо дожидаться, когда же собеседники наконец умолкнут и обратят на него внимание. Биржа — единственное место в Манчестере, где человек не может просто вмешаться в чужую беседу. Так здесь не принято! Мне жалко, что мой человечек — а я уже начал привыкать к нему, начал верить, будто он неплохой семьянин, любит свою жену и детей — в этот самый миг ушел и затерялся в безликой толпе, составляющей тело мрачного монстра. Между тем голос Хлопка не смолкает...

Стрелки часов приближаются к трем.

Наступает критическое время. Это у нас три часа дня, а в Америке — на том конце невидимого моста, связывающего Нью-Йоркскую и Манчестерскую биржи — уже десять вечера. Тамошние хлопковые дельцы сходятся вместе, не успев стереть следы свежего грейпфрутового сока со своих бритых подбородков, и цены тут же прыгают вверх. (Как трудно было бы все это объяснить несчастному Христофору Колумбу, который надеялся обратить богатство Нового Света на благие цели нового крестового похода!)

Часы показывают две минуты четвертого, и в этот самый миг на большом табло появляется сакраментальная цифра. Тысячи запрокинутых лиц моментально превращают черную толпу в розовую, и на одно короткое мгновение голос Хлопка меняет свой тон. Всего две минуты потребовалось, чтобы важная информация пришла к нам из-за Атлантики. Две минуты



отделяют Нью-Йорк от Манчестера! Кульминационный момент настал и миновал. Постепенно толпа в зале начинает редеть, образуя проплешины на затоптанном полу. Вот тоже, кстати, интересно: сверху, с галереи для публики, хорошо видно, что сначала рассасывается толпа в левом конце зала. Здесь толкуются в основном новички. Дело в том, что в 1915–1922 годах здание биржи реконструировалось, и Старая Биржа осталась на своем прежнем месте в правом конце. Левую же — вновь отстроенную — часть отдали новым компаниям. Полагаю, этим все и объясняется: практически все представители старых манчестерских фирм живут в центре города (потому и не спешат покидать свое рабочее место), в то время как новичкам еще надо ехать в Блэкберн, Болтон, Рочдейл и более дальние городки.

Все время, пока работает биржа, на галерее несет дежурство Уильям Сэчвелл. Это местная знаменитость. Письмо, на котором написано «Манчестер, Сэчвеллу», легко найдет своего адресата. Этот человек уже на протяжении пятидесяти трех лет несет свою вахту в Хлопковом парламенте. Он знает в лицо всех завсегдатаев биржи и помнит еще времена, когда черный монстр был обряжен в шелковые цилиндры. Мистер Сэчвелл выглядит настоящим джентльменом — седобородый старик в форменной фуражке и долгополом синем сюртуке. Несмотря на преклонный возраст, у него сохранилось отменное чувство юмора.

Как-то раз он рассказал анекдот (кажется, про злоязычного попугая) одному из участников торгов. Несколько дней спустя этот человек пришел к нему и сказал:

— Хочу поблагодарить вас, мистер Сэчвелл. Ваша история принесла мне контракт на двести фунтов стерлингов!

В копилке у старого Уильяма Сэчвелла еще множество забавных историй, которые он бережно собирал на протяжении пятидесяти лет. Глядя на него со стороны, понимаешь, что человек этот давно уже мог бы удалиться на покой. Однако он предпочитает каждую неделю приходить сюда, в самое сердце Манчестера, и слушать странный — монотонный и настойчивый — голос Хлопка.

## 8

Ранним утром, когда едва начинает рассветать, в ваш сон вторгается некий звук, который заставляет беспокойно ворочаться с боку на бок. Вы начинаете неосознанно прислушиваться: звук не кончается — это еще не топот, но тонкий, настойчивый ритм далеких барабанчиков, которые колотят по вашему одурманенному сном сознанию. Вы окончательно просыпаетесь и понимаете: это стук деревянных сабо — неизменная утренняя симфония Ланкашира.

Как описать эту холодную, твердую дробь по булыжной мостовой? Такого вы не встретите нигде в Англии, нечто подобное (но в более невнятном исполнении) мне доводилось слышать лишь в некоторых областях Голландии...

«Цок-цок» стучат сабо по утренней улице, «цок-цок» по серым, древним камням. Это первые фабричные работницы спешат на работу. Они идут — закутанные в деревенские шали, слегка наклонившись, чтобы защитить лицо от утренней мороси, которая оседает на шиферных крышах, скапливается между булыжниками, полирует твердую, как железо, поверхность сабо. «Цок-цок-цок» раздается вдоль улицы, и этот звук — твердый, монотонный — является символом дождливого ланкаширского рассвета. На ходу девушки болтают

молодыми задорными голосами — обсуждают свою работу, прочие жизненные реалии — их веселая болтовня гулким эхом разносится по улицам, оживляет сонный город.

Что мне придет на память, когда я через полгода стану вспоминать свою поездку в Ланкашир? Похожий на морской рокот гул Манчестерской хлопковой биржи; вращающиеся рычаги ткацких станков на фабрике; кровавая колбаса, которую продают чуть ли не в каждой лавке; выставленные в витринах горы потрохов — издали они похожи на белый каракуль, на самом деле это лакомство, если есть его холодным, с уксусом возникает иллюзия будто ешь замороженную губку; а еще тушеное мясо с картофелем, картофельные пирожки, да вот это странное цоканье деревянных сабо по утренней мостовой.

Все это принадлежит Ланкаширу, и только ему одному...

Звук на улице внезапно ускоряется.

Теперь шаги сотен мужчин и женщин сливаются воедино и звучат, как марш кавалерийской бригады. Голоса тоже становятся громче, то и дело прорывается чей-то веселый смех. (Подозреваю, это очередной «живчик» свернул не в ту сторону!) Неожиданно девичий голосок взлетает на раздраженных нотах, и в следующие минуты уличный перестук меняется — с размеренного шага сабо переходят на резвую рысь, затем на легкий галоп и, наконец, пускаются во весь опор. Кавалерийская бригада несется в атаку! Так и кажется: выглянешь в окно и увидишь лошадиные крупы. Ага, вот оно! Утренний шум перекрывает резкий, непреклонный вой сирены — на фабрике начинается рабочая смена.

Сна не осталось ни в одном глазу. Вы лежите и прислушиваетесь к удаляющемуся цоканью сабо. Через минуту эхо шагов окончательно стихает — рабочие

миновали фабричную проходную. Единственный звук — это поспешное «цок-цок-цок» какого-то припозднившегося сони. Один, другой, третий... И, наконец, после недолгой тишины под окнами пробежал последний недотепа, который явно получит выговор от мастера.

Увы, сегодня эта музыка умирает, безвозвратно отходит в прошлое. Во многих областях Ланкашира деревянные сабо, как и шали, выходят из моды. Их сменяют кубинские каблуки и маленькие фетровые шляпки. Однако думается, что в каком-нибудь Олдэме или Бернли изготовители сабо еще долго будут пользоваться заслуженным уважением своих земляков.

В Англии сабо носят уже не одно столетие. Они появились вместе с фламандскими ткачами, которые называли свои деревянные башмаки *klompt*. Верх их делался из мягкой овчины, призванной защищать верхнюю часть ступни. Со временем сабо огрубели и приобрели деревянную твердость. Сто лет назад на местных ассизах регулярно рассматривались обвинения в убийствах, совершенных в уличных драках при помощи бронебойных сабо.

С тех пор Ланкашир разительно изменился! Во всех фабричных городках уровень жизни неизмеримо вырос. Улучшился не только быт людей, но даже самый облик городов. Достаточно выглянуть в окно, чтобы увидеть признаки процветания на стенах соседних домов. Тонкая линия позолоты на окне свидетельствует о том, что ее жильцы приобрели дом в собственность. Сегодня в Болтоне, Блэкберне, Олдэме, Клитеро, Нельсоне и Рочдейле вы увидите немало таких позолоченных окон. А сколь красноречивыми выглядят витрины магазинов, торгующих мануфактурой! Нынешние фабричные девчонки предпочитают носить крепдешин и шелковые чулки.

Полагаю, наши ланкаширские предки немало удивились бы, восстань они из своих столетних могил. Их представления об индустриальном Севере — таком, каким он был до момента, когда Англия обрела общественное самосознание — настолько отличаются от современной картины, что, пожалуй, они бы попросту не узнали свой родной городок. Чего доброго, решили бы, что попали совсем в другую страну!

Наверное, поэтому никто в Ланкашире особо и не возражает против утреннего клацанья на улицах — хоть и приходится просыпаться на пару часов раньше положенного. Жители Ланкашира с удовольствием прислушиваются к этому историческому звуку. А если о чем и жалеют, так о том, что наши внуки уже его не услышат — по крайней мере, в том виде, в каком он существует сейчас.

И куда бы судьба не забросила ланкаширца, это звонкое «цок-цок-цок» в утренней тишине напоминает ему, что есть на Земле место, которое он называет родным домом.

## 9

В двух милях от Болтона — городка с ярким характером — дорога изгибается и сворачивает к строению с названием Холл-ин-зе-Вуд. И хотя леса давно уже нет и в помине, усадьба, которая некогда пряталась за стволами деревьев, сохранилась до наших дней. Черно-белый особнячок в тюдоровском стиле по-прежнему стоит, обратившись окнами к фабричным трубам Болтона.

Я считаю, что каждый владелец хлопкопрядильной фабрики в Ланкашире должен обрядиться во власяницу, насыпать в свои башмаки гороха и в таком виде

отправиться в Холл-ин-зе-Вуд, ибо это родной дом Сэмюела Кромптона. Именно в этом очаровательном маленьком здании он жил, играл на самодельной скрипке и разрабатывал свою знаменитую «мюль-машину». Бедняга Кромптон — горячий, вспыльчивый умница, человек не от мира сего — так и умер в нищете, а изобретение его обогатило десятки других людей, сделавших целые состояния. У этого дома счастливая судьба. Благодаря энергии и деньгам последнего лорда Леверхьюма сегодня он перешел в собственность Болтонского совета, и это явно пошло ему на пользу. Здание отреставрировано и переоборудовано в музей, причем все сделано с размахом, достойным миллионера, каковым и является сэр Леверхьюм. К сожалению, мало кто знает об этом музее. Полагаю, тысячи англичан ежедневно проезжают через Болтон и даже не догадываются, какое сокровище находится буквально в двух шагах от города. Зато как удивляются люди, случайно попавшие в Холл-ин-зе-Вуд. Еще бы, кто мог предполагать, что в этом небольшом черно-белом особнячке хранятся два великолепных портрета Питера Лилли и два Ван Дейка!

В середине восемнадцатого столетия, когда Холл-ин-зе-Вуд утратил свое значение как помещичья усадьба, здание начали сдавать в аренду местным фермерам и ткачам. В числе этих арендаторов был и отец Сэмюела Кромптона. С самых ранних лет мальчику приходилось трудиться на прядильной машине Харгривза, и он ее возненавидел. Этот проклятый станок выводил его из себя! Он постоянно рвал нить, и работу приходилось начинать сызнова. Наконец в один прекрасный день Кромптон все настолько осточертело, что он решил изобрести собственную, улучшенную модель станка.

Лишь к сорока шести годам он, наконец, завершил свою «мюль-машину». Он назвал ее именем мула, поскольку машина его тоже представляла собой помесь

— водяной рамы и ненавистой «Дженни». Она содержала в себе как валики, так и веретена, и на выходе давала более тонкую и прочную нить, чем раньше. Это позволило ланкаширским ткачам производить ткань, ничуть не уступавшую по качеству знаменитому индийскому муслину. Вы только вдумайтесь: сидя в доходном доме и экспериментируя по ночам (ибо Кромптон не желал раньше времени предавать свое изобретение огласке и работал над ним исключительно по ночам), нищий, полуголодный изобретатель создал устройство, которое повлекло за собой эпохальное событие — перемещение центра текстильной промышленности с Востока на Запад.

И, подобно всем беднякам, трудившимся над великим открытием, Кромптон тратил на него все свои силы и средства. Он собственноручно изготовил для себя скрипку, чтобы играть на ней в Болтонском театре и зарабатывать дополнительные гроши, которые шли на создание станка.

Вскоре промышленники пронюхали о чудо-машине, которая изначально называлась «Прялкой из Холла-ин-зе-Вуд», и стали осаждать изобретателя. Поднятая шумиха бесила Кромптона не меньше, чем «Дженни» с ее вечно рвущимися нитями. Он становился все более раздражительным и, наконец, — в отсутствие умного человека, который бы подал ему правильный совет — совершил поступок, наверное, самый абсурдный в истории изобретательства. Он взял да и обнародовал свою «мюль-машину»!

Какой насмешкой судьбы обернулся этот шаг! Не прошло и тридцати лет, как по всей стране уже работало уже свыше пяти миллионов станков, основанных на принципе Кромптона. А сам изобретатель по-прежнему оставался нищим! Осознавая несправедливость такого положения, парламент намеревался выделить ему сумму в двадцать тысяч

фунтов стерлингов (и я не сомневаюсь, что деньги бы эти пошли из кармана богачей, наживавшихся на производстве хлопчатобумажных тканей). Но Кромптону и тут не повезло — видно, ему на роду было написано умереть бедняком. Спенсер Персеваль, тогдашний премьер-министр, был застрелен в приемной палаты общин как раз в тот миг, когда шел на заседание с докладной запиской по делу Кромптона!

В конце концов изобретатель получил на руки пять тысяч фунтов, но распорядиться ими с умом не сумел. Он вложил их в предприятие, которое вскоре прогорело, и Кромптон опять остался без гроша в кармане. Под конец своей жизни он был вынужден существовать на мизерное пособие в шестьдесят три фунта в год. Сэмюел Кромптон умер в возрасте семидесяти трех лет и был похоронен на муниципальном кладбище для бедных.

И еще одна — последняя — ухмылка судьбы, после чего она уже надолго забыла это имя. В 1862 году город Болтон воздвиг памятник человеку, который, по сути, заложил основы его благосостояния. Самым знаменитым человеком в президиуме стал нищий 73-летний старик — сын Сэмюела Кромптона.

Попав в Холл-ин-зе-Вуд, я засомневался: неужели этот самый чудесный дом — а именно такие здания и становятся предметом вожделения богатых американцев! — мог в свое время служить обителью нищеты и злого рока?

В сопровождении сторожа я обошел обшитые дубовыми панелями комнаты. Мы хором выразили свое восхищение потолками и тюдоровскими каминами. Я постоял перед картинами Лилли и Ван Дейка — вот уж воистину неожиданные сокровища в подобном месте! Затем осмотрел выставку, посвященную развитию хлопкопрядильной промышленности на Севере Англии, и самый трогательный экспонат музея — самодельную



скрипку Кромптона. Скромный инструмент, на которой Кромптон играл, дабы реализовать свою давнишнюю мечту. И что же? Мечта его воплотилась в жизнь, но только для того, чтобы разбить сердце незадачливого изобретателя. Увы, с мечтами так часто случается.

А мой экскурсовод шел уже дальше.

— Обратите внимание на эти деревянные ложки, — говорил он. — В старину влюбленные юноши часто вырезали такие ложки и дарили избранницам в качестве залога своей любви. А вот здесь перед вами расческа, некогда принадлежавшая Шекспиру!

Очень любопытно, конечно, узнать, каким образом расческа Шекспира попала в Болтон, но данный экспонат показался мне абсолютно неуместным в Холл-ин-зе-Вуд.

Тем не менее я призываю всех путешественников, которых судьба занесет в Болтон. Не пожалейте времени, сходите и осмотрите этот музей. Спуститесь в небольшой английский садик, где стоят почерневшие от фабричного дыма деревья, и вы почувствуете себя на грани двух миров. Сам Холл-ин-зе-Вуд прелестен, как мадригал елизаветинской эпохи. Но на заднем фоне — там, где до сих пор журчит Игли-Брук, — вы увидите облако черного дыма. А прислушавшись, сумеете разобрать нечто, весьма напоминающее тарыхтение «мюль-машины» Кромптона.

Ваши мысли неминуемо обратятся к бедному старому изобретателю, который полжизни ломал голову над улучшением нашего сурового мира и не получил за свои труды достойного воздаяния. Зато теперь он стал историческим персонажем, одним из самых уважаемых и знаменитых сынов Болтона.

Посчитаем это за прощальную шутку судьбы.

Я бросил взгляд на небо и понял, что мне нестерпимо хочется подняться на холм в дождь, да еще хорошо бы и с ветром. Поэтому сразу же после Клитеро я свернул к Пендл-Хилл, как мне говорили, лучшему холму во всем Ланкашире. Здесь на протяжении столетий бытует мнение, будто «эти три холма — Инглборо, Пендл-Хилл и Пенигент — являются самыми высокими между Шотландией и рекой Трент». Ну, что ж, им виднее, хотя, думается, Картографическое управление расценило бы данное утверждение как не вполне точное...

Клитеро представляет собой полную противоположность тому, каким, в понимании Лондона, надлежит быть фабричному городку. Прежде всего, он умудрился сохранить свой древний облик. Главная улица до сих пор выглядит, как в феодальные времена: карабкается в гору и упирается в ворота норманнского замка. При этом она изгибается на манер всех добрых английских переулков — совершенно немотивированно, так что кажется, будто улицу давным-давно протоптали поколения безмозглых овец. В Клитеро вы можете одновременно увидеть и хлопчатобумажные фабрики, и цветущие крокусы. Если с юга на городок наползают клубы черного дыма, который выплывают трубы Престона и Блэкберна, то на севере и на западе до самого горизонта простираются дикие холмы Ланкашира.

Наверняка осенней порой сюда забредают с севера зайцы — понежиться в высокой траве и послушать стук ткацких станков, которые производят искусственный шелк для чьих-то пижам. Если вы спросите меня, где расположен Клитеро, то я отвечу: наполовину в Ланкашире, а наполовину в волшебной стране фей (я имею в виду, что городок одной ногой стоит в современной Англии, а другой — в древней старине).

Пендл-Хилл вздымается до высоты 1831 фут, то есть это всем холмам холм! С виду он похож на «живую

тварь, распростершуюся во сне». Представьте себе огромного кита, нависшего над долиной, которую он защищает. В масштабах Ланкашира этот холм — почти то же самое, что и Рекин для Шропшира. Он является важнейшей достопримечательностью ланкаширского пейзажа, и в таком качестве пользуется любовью и уважением местного населения.

Я проехал деревушку Даунем и остановился там, где долина чрезвычайно похожа на Сомерсет. Здесь я покинул машину и свернул на заливной луг, по которому бродили овцы с ягнятами.

В первый месяц своей жизни эти милые животные щеголяют белыми шубками, но затем соседние фабричные города — Блэкберн и Престон с юга, Рочдейл, Бернли, Нельсон и Колн с востока — нагоняют столько дыма, что окрас ягнят меняется на черно-серый, в точности, как у их родителей. Эти малыши вели себя так же, как ведут все ягнята: радовались жизни, помахивая длинными хвостиками, щипали травку, пугливо жались к своим мамкам, а потерявшись, запрокидывали вверх мордочки и издавали тонкое, жалобное блеяние. Они были очаровательны — маленькие, беззащитные, ни в чем не уверенные создания. Всякий раз, как вижу ягнят, я принимаю решение заделаться вегетарианцем.

Над Пендл-Хилл, как всегда, завывал ветер. Этот холм, похоже, имеет собственный источник ветра. Во всяком случае его погода никак не согласуется с погодой в окрестных долинах. В то время как внизу царит полный штиль, и природа наслаждается миром и покоем, здесь, на вершине холма, всюду бушует южный ветер.

В самом начале подъема, покуда вы движетесь по высохшему руслу ручья, и под ногами аппетитно хрустят мелкие осколки серого известняка, настроение у вас лучше некуда. Вы наслаждаетесь утренним солнышком, полной грудью вдыхаете воздух, напоенный ароматами

свежей травы, вереска и влажной земли. Кажется, будто идти совсем не тяжело.

Однако уже на полпути ноги ваши наливаются свинцовой тяжестью, и вы с благодарностью падаете на первый же подходящий пригорок. Несмотря на усталость, вы ощущаете законную гордость и оглядываетесь, чтобы окинуть взглядом пройденный путь. Вашему взору открывается безлюдный склон, за ним зеленеет лоскутное одеяло полей — такое гладкое и аккуратное! — а уж совсем вдали оно сменяется голубизной йоркширских пустошей. Свежий ветерок наполняет ваши легкие, так что горло перехватывает, и вы даете себе слово немедленно бросить курить.

Ближе к вершине ветер неожиданно стихает. Вы слышите, как он пронзительно завывает, но это где-то в стороне, над другими участками Пендл-Хилл, а здесь царит полная тишь. Силы ветра вы не почувствуете, пока не доберетесь до самой вершины. Но зато уж здесь он накинется на вас со всей яростью, на какую способен. Так и кажется, будто здешний хозяин вознамерился сбросить вас обратно в зеленую долину, из которой вы пришли.

Я сидел на вершине холма и обзирал самую интересную картину во всем Ланкашире. Трудно представить себе нечто более разнообразное, нежели вид с вершины Пендл-Хилл. Справа от меня вдалеке громоздились отроги Пеннинских гор, а на их фоне вздымались свои фабричные трубы Рочдейл, Коли и Нельсон. Над ними висело облако густого дыма. Яркое утреннее солнце пыталось пробиться сквозь сизый туман, но неизменно терпело поражение. Солнечные лучи доходили до середины облака, а затем терялись, так и не достигнув земли.

С высоты холма я разглядел маленькие газовые заводики, совсем уж крошечные дома, выстроившиеся

вдоль городских улиц, хлопкопрядильные фабрики с их высокими трубами, белые облачка дыма, периодически взлетающие над проходящим железнодорожным составом, и блестящие на солнце резервуары с водой. Туманные очертания Пеннинских гор лишь усугубляли эту мрачную панораму. Над ними тоже стелилось дымное одеяло, создаваемое далекими, невидимыми трубами Лидса, Галифакса, Хаддерсфилда и Шеффилда.

А что же с другой стороны? Слева от меня простирался старый Ланкашир — старая Англия! Там лежала чудесная зеленая долина реки Риббл, со всех сторон окруженная дикими ланкаширскими холмами и голубыми пустошами Йоркшира. Сердце радовалось при виде этих зеленых полей, крошечных мостов, белых ниточек дорог, маленьких ферм и церковных шпилей, возвышающихся над кронами деревьев. Вот так! Справа индустриальная Англия, слева — Англия сельская, пасторальная. Можно ли вообразить большой контраст между двумя видами со склонов одного и того же холма!

Мне говорили, что с вершины Пендл-Хилл можно увидеть даже Йорк, но я, сколько ни старался, так и не смог его разглядеть.

Преодолевая сопротивление ветра, я побрел к Мокин-Тауэр — скале, возле которой, по слухам, собирались на свои шабаши ланкаширские ведьмы. Подходящее местечко, ничего не скажешь. Перед глазами у меня встала картина из далекого 1612 года: ночь, клубящийся туман, завывание ветра... и кучка женщин (десять из которых будут позже казнены в Ланкастере) собралась, дабы вершить свои темные дела. Среди них наверняка была и старая матушка Демдаик (настоящее ее имя — миссис Элизабет Саутерн), которая среди местных жителей считалась личным эмиссаром дьявола. Позже эта женщина созналась, что продала душу нечистому. Должно быть, именно здесь, на вершине холма разгуливал маленький чертенок по

имени Тиб в разноцветном плаще — одна половина черная, другая коричневая...

Вволю налюбовавшись, я пустился в обратный путь — вниз, в зеленые долины, к славным черномордым ягням. А добравшись до маленького постоялого двора, не смог перебороть искушение зайти и освежиться стаканчиком крепкого портера. Там мне повстречался крепкий детина — фермер в синей хлопчатобумажной рубашке и деревянных сабо. Он со вкусом обсуждал последний окот овец. (Возможно, некоторые из читателей не знают, что ланкаширские пастухи пасут свои стада в пределах тридцати миль от Манчестера!) Этот старый крестьянин, который всю свою жизнь прожил в тени Пендл-Хилл, рассказал мне, что в довоенные годы вершина холма служила местом своеобразного паломничества. В первое воскресенье марта сюда приходил народ со всех окрестных городков, чтобы встретить весенний рассвет над Пендл-Хилл. Фермеры так и называли этих чудаков — «весняки».

Мне это живо напомнило римские флоралии. Я спросил у пастуха, разжигали ли они костры? Он точно не помнил, но думал, что да, разжигали. Раз так, то вполне возможно, что данный ритуал восходит к еще более древним временам. Обычно в полночь собирались у подножия холма, рассказывал пастух, и было слышно в ночи, как толпа идет по деревне, перекликаясь и распевая песни. А если поутру посмотреть на вершину Пендл-Хилл, то можно было видеть, как «весняки» гурьбой стоят у обрыва и, обратившись на восток, ждут рассвета — прихода божества Солнца! (Между собой они считали, что просто пришли на пикник!)

После всех этих историй я новыми глазами посмотрел на Пендл-Хилл. Этот холм — с его ведьмами, с его языческим корнями — показался мне настоящим прародителем Ланкашира. И я снимаю перед ним шляпу

— со всем моим уважением и с дрожью в коленках, порожденной долгим восхождением на его кручу.

## 11

Четыре мили сплошных пансионов — ждут. Гостиницы, большие и малые — ждут. Разукрашенные апартаменты, чьи распахнутые настежь окна напоминают жадно глядящие глаза, — ждут. Три пирса, временно оккупированные мальчишками с удочками (они охотятся за ершоваткой), — тоже ждут. Самый большой в мире открытый бассейн — ждет. Башня — ждет. И чертово колесо с его пустыми кабинками — ждет. Сотни магазинчиков, на витринах которых выложены забавные открытки и разнообразные «сувениры из Блэкпула», — они тоже ждут. Как и кафе, рестораны, танцзалы, кинотеатры и просто театры... Все ждут, когда накатит волна ланкаширских отпускников — тысячи мужчин и женщин, жаждущих курортных развлечений. Ежегодно эта волна накрывает побережье с неотвратимостью зимних штормов.

Блэкпул на пороге туристического сезона. Он готов принимать гостей и делать на них деньги — за три месяца напряженного труда блэкпулцы зарабатывают достаточно, чтобы обеспечить себя на оставшуюся часть года. И, между прочим, платят немалые налоги — по 7 шиллингов 6 пенсов с каждого заработанного фунта! «Милости просим» написано не только на табличках, но и на лицах блэкпульских домохозяек. Из Башни доносится веселый перестук молотков: плотники мастерят там миниатюрный городок — маленькие домики, крошечные гаражи и магазины — для англоговорящей труппы лилипутов, которая каждый год гастролирует на побережье. Повсюду бродят люди с банками краски и кисточками, они наносят

завершающие штрихи в убранстве города. Очень скоро «экспериментальный центр организованных развлечений» будет готов к приему гостей.

Блэкпул является логическим следствием Ланкашира. Образно выражаясь, это серебряная изнанка дымных облаков. Этот курортный городок столь же красноречиво свидетельствует о Ланкашире, как и фабричные трубы Болтона и Олдэма. Он воплощает собой мечту ланкаширцев о земном рае.

Целый год миллионы северян копят деньги, чтобы потом на протяжении недели «прогулять» их в Блэкпуле.

Люди, живущие на Юге Англии, не в состоянии постигнуть идею таких «гуляний». Они не понимают ланкаширцев, которые способны за неделю растратить с таким трудом накопленные деньги. Тем более, что это противоречит широко распространенному мифу о бережливости (чтоб не сказать скупости) северян. А никакого противоречия здесь нет. Просто таков характер ланкаширца. Да, как правило, он прижимист, но иногда позволяет себе роскошь быть расточительным. Он приезжает в Блэкпул с полным кошельком и тратит все до последнего пенни. Затем возвращается домой — что называется, «без гроша», — дабы снова начать сначала. А смысл, спросите вы? А смысл в том, что он увозит с собой воспоминания о неделе полного и безоговорочного достатка! За эти дни он отдыхает от неизбежных ограничений унижительного «скромного существования». В Блэкпуле ланкаширец разбрасывает свои фунты, шиллинги и пенсы с щедростью миллионера. И получает от этого куда большее удовольствие, нежели современные толстосумы!

Блэкпул и возник-то как ответ на чаяния северян. Они сами построили для себя этот курорт. Его красный плюш и позолоченные карнизы, его винные бары и



рыбные рестораны, его интермедии и карусели, почтовые открытки, предсказатели судьбы, веселые кабаре и концерты духовной музыки — все это позволяет ланкаширцам ненадолго отрешиться от надоевшей серой брусчатки мостовых и звука фабричной сирены по утрам. Блэкпул — идеальное отражение ланкаширских ограничений.

Два факта, которые больше всего меня заинтересовали в Блэкпуле, — его унифицированность и предначертанность судьбы. На мой взгляд, в самом соленом воздухе Блэкпула есть нечто такое, что неизбежно определило город на роль игровой площадки для ланкаширцев. Кажется, будто природа специально создала эти широкие песчаные пляжи, чтобы здесь могли отдыхать фабричные рабочие с Севера. Блэкпулу изначально было суждено стать естественным следствием Манчестера!

А теперь что касается его унифицированности. Большинство модных морских курортов слишком озабочены тем, чтобы «создать лицо». Они выстраивают демократические кварталы, а в противоположность им — кварталы эксклюзивного отдыха для избранных. Блэкпул чужд подобной мании. Здесь не ощущается невидимая граница по принципу «дешевый — дорогой» — все это Блэкпул! И в этом тоже мне видится характерная черта Ланкашира. И простой рабочий с фабрики, и его начальник — оба едут в Блэкпул. Курорт в равной степени принадлежит им обоим. На его демократичном четырехмильном променаде стирается грань между отдельными социальными группами.

Миллионы фунтов стерлингов, которые за последние тридцать лет излились на Блэкпул, естественным образом изменили внешний облик города. Как-то сама собой испарилась та кричащая вульгарность, которой часто грешат модные курорты. Некая изысканность теперь отличает даже местные кабаре.

Блэкпул — профессиональный приморский курорт, и в том его уникальность.

— Сейчас у нас затишье, — сказал мне один местный житель. — Но приезжайте через пару недель — вот тогда вы увидите Блэкпул во всей красе! На пляже черным-черно от народа, на бульваре тоже не протолкнуться. Вы увидите, как люди приезжают сюда со своими деньгами, отдыхают на славу и уезжают, чтобы копить на следующий приезд!

Мне кажется, было бы только справедливо, если бы в Блэкпуле существовало два заката. Представляете, вы наблюдаете закат, совершая обычную прогулку. А затем поднимаетесь на вершину блэкпулской Башни и видите его снова...

# Глава десятая

## Ливерпуль

*Ливерпуль и Главная портовая дорога; читатель сможет заглянуть в «Королевскую трубку», а также в здание, где продают и покупают еще не выросший хлопок.*

### 1

Шторм из Америки преодолел бескрайние просторы Атлантики, пронесся над Ирландским морем и обрушился на Мерси. Ветер безраздельно хозяйничал в городе. Он подхватывал изящные женские фигурки и нес их по Лорд-стрит, самым беззастенчивым (и увлекательным) образом вздувая юбки и заставляя сражаться с разбушевавшейся стихией на каждом углу и повороте.

Что касается мужчин-ливерпульцев — да простят мне читатели тяжеловесность этого выражения, — то они стойко переносили тяготы непогоды. Низко склонившись против ветра, надвинув на лоб шляпы и заправив за пазуху свои «клубные» галстуки, они спешили на запланированные встречи — обсудить то, что в настоящий момент происходило (или же недавно произошло) в Брисбене, Лагосе или Техасе. Хуже всего приходилось двум бронзовым птицам, которые примостились на крыше небоскреба на Пир-Хед — они отчаянно цеплялись когтями за зеленые купола и дребезжали на ветру. Солнце при этом ослепительно сияло, воздух был кристально чист.

Время от времени, перекрывая звон трамваев и монотонный шум портовой жизни, над рекой разносился

высокий, пронзительный гудок грузового буксира, радостно приветствующего встречного коллегу!

Этот неведь откуда сорвавшийся шторм вместе с суматошной атмосферой портового города оказался для меня полной неожиданностью. После дней, проведенных в солидном, самоуверенном Манчестере, я чувствовал себя немного ошалевшим. Примерно так, как ощущает себя человек, сбежавший с совета директоров на любовное свидание. Манчестер — это, несомненно, «мужской» город, основательный и успешный; он внушает чувство уважения и восхищения. Но как легко влюбиться в Ливерпуль — эту королеву городов, прекрасную ветреницу, пугающую своим непостоянством и привлекающую живым теплом.

Странная мысль посетила меня, пока я гулял по улицам Ливерпуля — будто я нахожусь в Лондоне, который проводит каникулы на морском берегу. Есть что-то, неуловимо роднящее эти два города. Я бы определил это как особую элегантность, которую нечасто встретишь за пределами столицы. Она ощущается не только в жителях Ливерпуля — мужчинах и женщинах, но даже и в самих ливерпульских улицах. Ливерпуль столь долго и интенсивно общался с внешним миром, что успел пообтереть все свои грубые углы.

Попробуйте позвонить кому-нибудь из ливерпульских боссов, и почти наверняка услышите на том конце провода:

— Сожалею, но мистер Такой-то-и-Такой-то сегодня в Лондоне!

Чуть ли не половину своей жизни Ливерпуль проводит в юстонском экспрессе.

Если Манчестер производит впечатление города, выросшего естественным образом, то Ливерпуль, несомненно, придумали и построили в соответствии с архитектурным замыслом. В проектировке города ощущается некая логическая завершенность (и это еще

одна черта, роднящая его с Лондоном). Ливерпуль группируется вокруг трех главных центров — Сент-Джордж-холла, здания ратуши и Пир-Хед. На карте города эти три точки играют ту же роль, что и Банк, Чаринг-Кросс и Пиккадилли в Лондоне.

Что и говорить, дама по имени Ливерпуль обладает отменной фигурой!

Пир-Хед...

Это магнит, куда стягиваются все дороги города, конечная точка всех трамвайных маршрутов. Здесь серые блестящие воды Мерси бьются о причал, красные трубы маленьких парходиков медленно проплывают мимо оцинкованных труб, и почти каждый день появляются крупные морские суда — далеко над рекой разносятся их сирены, которые сердито возвещают: «Соблюдайте осторожность!»

Я перешел по изогнутому мостику на плавучую пристань, где уже стояла толпа. Мужчины и женщины дожидались парома, который отвезет их в Биркенхед и другие маленькие городки, расположенные в дельте Мерси. Эти города являются спальнями Ливерпуля.

Каждое утро и вечер, когда ливерпульцы путешествуют на пароме, их взору предстает величественное зрелище — огромные лайнеры, отплывающие из Ливерпуля во все концы света или же, наоборот, возвращающиеся с товарами, произведенными в различных странах. Это не может не сказываться на творческом воображении города!

А как повезло домашним хозяйкам Эгремонта, Нью-Брайтона, Уэст-Кирби и Хойлейка, чьи мужья возвращаются домой водным транспортом! Поездка на поезде не лучшим образом сказывается на характере человека — особенно если вы едете лондонским поездом, да еще в час пик. Полагаю, множество домашних трагедий зарождается именно там, в переполненных вагонах вечерних поездов. Путешествие

по воде — совсем другое дело. И пусть оно занимает у вас всего каких-нибудь полчаса, но сам факт, что вы покидаете твердую землю, имеет символическое значение. Ибо свежий морской ветер обладает способностью сдувать с человека усталость и накопившееся за день раздражение.

Во всяком случае мне кажется, что со мной было бы именно так. Вся моя хандра наверняка улетучилась бы, а черные мысли (равно как и гнев, и жалость к себе, и обида на несправедливость) без следа испарились при одном только взгляде на трубы Ливерпуля, медленно проплывающие на фоне вечернего неба. А какой заряд бодрости вселяют маленькие, верткие буксиры с красными раструбами дымоходов, которые отважно сражаются с приливной волной Мерси!

Нет, что ни говорите, а я ни за какие коврижки не променяю это зрелище на поездку по Мерсийскому туннелю!

В порту всегда происходит что-то интересное.

Это могут быть проводы океанского лайнера, который отплывает в заморские страны. На пристани собралась целая толпа — люди кричат, смеются (или пытаются смеяться), наблюдая, как медленно удаляется судно. Сначала его отделяет от берега полоска воды в дюйм шириной, затем она увеличивается, превращается в ярд...

Или же это могут быть «Даффодил» или «Ройал Айрис», которые пыхтят, везут полную палубу хорошеньких девушек, — те самые «Даффодил» и «Ройал Айрис», которым темной ночью под Зебрюгге довелось везти совсем иной, военный груз.

Я наблюдал, как прибыло судно из Биркенхеда, где располагается самая большая в мире стоянка для крупного рогатого скота. Ну, это было и зрелище, доложу я вам! Целое стадо рыже-коричневых бычков, сбившихся в кучу на палубе парома. Широко открытые,

напуганные глаза, длинные нити слюны, свешивающиеся с трясущихся подгрудков, неловкие, скользкие шаги по сходням, когда они спускались на пристань... Один бычок вдруг вырывается из стада и с ошалевшим видом несется в сторону толпы зрителей.

На берегу всегда толчется самый разнообразный народ: бизнесмены, ожидающие парома в Нью-Брайтон, аккуратные молоденькие девушки-секретарши, женщины, возвращающиеся домой с покупками, докеры, моряки, а рядом с ними невесть откуда взявшиеся японец и негр...

Я стоял под одной из птиц, венчающих башни Лайвер-билдинг, и наблюдал закат над Ливерпулем. Устье реки Мерси упиралось в серебристую полосу моря. Восемь миль сплошных доков, восемь миль огромных складских помещений и строительных кранов, восемь миль якорных стоянок, на которых застыли могучие корабли.

А позади миль за милей вырастал Ливерпуль: скопление крыш, дымовых труб и башен — и все это ползло в гору, к высотам Эвертона. К вечеру ветер стих, и над городом повисло сизое облако дыма, смешанного с голубым туманом. А над облаком выросло колоссальное здание из красного песчаника — кафедральный собор, находившийся в стадии строительства. Его начали сооружать двадцать два года назад, и до сих пор не достроили даже до половины. Ничего удивительного, ведь это крупнейшее со времен Средневековья сооружение подобного рода.

Солнце тем временем опустилось в дымное облако, слева и справа от нас двигались маленькие грузовые суда, черными контурами выделявшиеся на фоне жидкого серебра Мерси. А от Канадского дока отчалил огромный лайнер с желтыми трубами. Он уверенно вырулил на середину реки и направился в сторону далекой Америки.

Ливерпульский собор — даже в его нынешнем виде — несомненно представляет собой самое крупное здание в городе. Как я уже сказал, сооружение собора продолжается двадцать лет, и по некоторым прогнозам, продлится еще не менее полувека. Хотя о соборе много написано, думаю, самое интересное выяснится где-нибудь в 3000 году, когда люди призадумаются, как и почему подобное строительство случилось в индустриальной Англии двадцатого столетия.

Это действительно пример самого грандиозного церковного строительства со времен раннего Средневековья. Проект поражает своим размахом. В завершённом виде собор превзойдет размерами и Вестминстерское, и Йоркское аббатства. Думаю, по величине он будет уступать лишь знаменитому собору Святого Петра в Риме.

Надо сказать, это третий по счету собор, который возводится в Англии после Реформации. Два других — лондонский собор Святого Павла и собор в Труро. Последний строился шестнадцать лет. Что же касается Святого Павла, то после Великого пожара храм восстанавливался и перестраивался на протяжении тридцати пяти лет. Я знаю еще только один собор, который можно назвать результатом трудов целого поколения — Солсбери. Изначально он был возведен на вершине ныне опустевшего холма Олд-Сарум, а позднее, в тринадцатом столетии, заново отстроен на прилегавшей к холму равнине. Но даже Солсбери можно считать спринтером по сравнению с Ливерпульским собором: ведь он строился всего сорок лет!

Коли уж речь зашла о рекордах Ливерпуля, то следует упомянуть и тот факт, что два его самых больших здания были спроектированы совсем молодыми



людьми, не достигшими и тридцати лет. Величественный Сент-Джордж-холл построил Харви Лонсдейл Элмс, которому тогда исполнилось двадцать четыре года. Конкурс же на строительство кафедрального собора выиграл и вовсе юный архитектор. Ныне его зовут сэра Джайлз Гилберт Скотт, и недавно ему стукнуло сорок семь лет. Боюсь, что лишь к девяноста семи годам Скотту удастся завершить строительство, которое он начал в возрасте двадцати одного года.

Витражи на окнах Капеллы Девы Марии посвящены женской тематике — на них увековечены жизнь и деяния великих женщин. Здесь можно увидеть и Еву, и королеву Викторию, и таких различных женщин, как дочь смотрителя маяка Грейс Дарлинг и Кристина Россетти! Разглядывая витражи, я поразился смелости и решимости их авторов. С именами святых из молитвенного календаря все более или менее ясно, но вот выбор реальных исторических персонажей меня, мягко говоря, удивил. С другой стороны, кто возьмется назвать два десятка величайших женщин в истории Англии? Так или иначе, но ливерпульцы сделали свой выбор. Их витражи посвящаются:

- ◆ Блаженной Юлиане Нориджской и всем, кто искал внутреннего озарения.

- ◆ Сюзанне Уэсли и всем преданным матерям.

- ◆ Элизабет Фрай и всем сострадательным женщинам.

- ◆ Джозефине Батлер и всем, кто являл собой образец чистоты и добродетели.

- ◆ Шарлотте Стенли, графине Дерби, и всем непоколебимым женщинам.

- ◆ Королеве Виктории и всем великим королевам.

- ◆ Анджеле Бардетт-Коуттс и всем подающим милостыню во имя Царя Небесного.

- ◆ Екатерине Гладстон и всем преданным женам.

- ◆ Кристине Россетти и всем сладкозвучным певцам.
- ◆ Элизабет Баррет-Браунинг и всем, кто познал бесконечность сущего.
- ◆ Леди Маргарет Бофор и всем покровительницам священного учения.
- ◆ Анне Клаф и всем истинным учителям.
- ◆ Маргарет Годольфин и всем, кто сохранил себя незапятнанными в нашем испорченном мире.
- ◆ Матери Цецилии и всем любящим и великодушным в своих суждениях.
- ◆ Луизе Стюарт и всей армии благородных мучеников.
- ◆ Доктору Элис Марвал и всем, кто положил жизнь за своих сестер.
- ◆ Анне Хиндерер и всем пионерам миссионерства.
- ◆ Грейс Дарлинг и всем отважным девушкам.
- ◆ Китти Уилкинсон и всем бедным помощницам неимущих.
- ◆ Агнес Джонс и всем преданным сиделкам.
- ◆ Мэри Роджерс, стюардессе со «Стеллы», и всем верным слугам.

Не знаю, многие ли из моих соотечественников досконально знакомы с приведенным выше списком. Меня, честно говоря, некоторые имена поставили в тупик. Взять хотя бы Маргарет Годольфин! Наверняка ее слава добродетельной женщины основывается на том факте, что она сумела сохранить добрую репутацию при скандальном дворе Карла II! Джон Ивлин запечатлел имя этой дамы в своих «Дневниках».

Я долго (и безуспешно) разыскивал дорогие моему сердцу имена. Увы, мне так и не удалось отыскать посвящения такого рода:

- ◆ Эдит Кавелл и всем неустрашимым женщинам.
- ◆ Флоренс Найтингейл и всем женщинам, привносившим свет в самые мрачные места нашей планеты.

- ◆ Екатерине Арагонской и всем несчастным женам.
- ◆ Леди Джейн Грей и всем незаслуженно пострадавшим женщинам.

И почему здесь нет посвящения «Королеве Елизавете и всем деловым женщинам»?

Гигантское здание недостроенного храма — вклад Ливерпуля в монументальное зодчество Англии. Я думаю, его не стыдно было бы предъявить людям, построившим Йоркминстер и Вестминстерское аббатство. Восхищения достойно то, с какой органичной легкостью использовал готический стиль человек двадцатого столетия, века небоскребов и умных машин. И уверяю вас, он создал не рабскую копию, а настоящее порождение человеческого гения!

Здание выглядит совершенным не только в целом, но и во всех своих деталях. Подобно всем английским соборам, оно является драгоценным даром католичества протестантской вере. Мне показалось вполне закономерным, что автор проекта получил образование в основанном иезуитами Бомонтском колледже!

Достаточно заглянуть в наполовину достроенный неф, который пока заканчивается глухой стеной, чтобы осознать: вы находитесь в одной из величайших в церквей мира. Полагаю, ее следует показывать всем гостям Ливерпуля как самую выдающуюся достопримечательность Англии.

Собор хорошо виден с вершины Лайвер-билдинг — он так же безусловно господствует над Ливерпулем, как и собор Святой Софии над Константинополем. Место для собора выбрано не менее удачно, чем в Дарэме или Линкольне. Наверняка, это здание из красного песчаника — первое, что видит моряк любого корабля, входящего в дельту Мерси. И наоборот, последнее, за что цепляется взор любого ливерпульца, покидающего дом и уплывающего на запад.

И если даже через тысячу лет ливерпульский порт перестанет существовать (маловероятно, конечно, но ведь подобное уже случилось в английской истории), то и тогда люди будут приезжать в Ливерпуль со всех уголков земного шара, чтобы полюбоваться на единственный собор, построенный в двадцатом столетии.

### 3

Мы повстречались на подвесной железной дороге. Он был рыжеволосым парнем лет двадцати с небольшим. Я сразу отметил его белую сорочку с университетским галстуком и необычайную привязанность к тому, что сам он называл «реалиями жизни». Молодой человек поведал мне, что приехал сюда, дабы увидеть настоящую, реальную Англию. Мне показалось, что он просто помешан на «реальности».

— На что мне сдались эти мертвые города! — говорил парень. — Пусть моя сестренка осматривает ваши соборы, ей это нравится! А я хочу увидеть людей за работой, хочу понять, как они живут. Мне интересно увидеть те места, где производится что-то реальное — хлопчатобумажные фабрики Ланкашира и все такое. Мне кажется, народ в Англии... как бы это сказать... сбился с пути. Куча людей слоняется без дела, повторяя бредни вашего Эдуарда Исповедника. Вы уж не сердитесь, но все это пахнет мертвечиной. А здесь... Вы только посмотрите, тут повсюду кипит жизнь! Все время что-то происходит... я хочу сказать, что-то по-настоящему важное. Ух ты! Вы только взгляните туда!

В этот миг наш поезд прогрохотал под фермами моста, пронесся мимо высокой стены и выехал на открытое пространство. Слева открывался вид на многочисленные корабли, выгружавшие из своих трюмов

грузы; а справа — примерно на восемь миль — тянулась портовая дорога. Я указал парню на эту дорогу как на одну из достопримечательностей Англии. Он горячо со мной согласился.

— Просто здорово, сэр! — говорил он. — По сравнению с этим ваш Британский музей выглядит просто старым курятником. То ли дело Ливерпуль — уж он-то живет полной жизнью... Ого, посмотрите на эти тюки с хлопком! Наверное, из Штатов!

Мне тоже передался энтузиазм собеседника, этого убежденного «реалиста». В Великой портовой дороге, и впрямь, присутствует нечто такое, что волнует душу и пробуждает воображение. Прямая дорога длиной в восемь миль целиком забита товарами, составляющими экспорт и импорт Ливерпуля.

Голос этой дороги, по сути, — голос самого города. Он складывается из стука копыт, грохота окованных железом колес, перекатывающихся с камня на камень, из свиста кнутов и возгласов ломовых извозчиков, понукающих своих лошадей.

Но дорога это не просто дорога, она еще и представляет собой своеобразный барометр городской коммерции.

Если шум Главной портовой дороги снижается на тон, ливерпульцы понимают: дела в городе идут неважно. Когда же дорога шумит вовсю — грохочет, стучит, бренчит, гикает и ржет с утра до позднего вечера, это означает, что все в порядке: англичане покупают и продают товары, корабли загружаются и разгружаются, Ливерпульский порт (а с ним и все окрестные городки) процветает и развивается.

— Вы только прислушайтесь к этому звуку! — восклицал реалист. — Ну, разве не прекрасно?

Мы одновременно выглянули в окно и увидели: что справа, что слева, насколько хватало глаз нескончаемым

потоком тянулись повозки и грузовые тележки. Все вместе это напоминало обоз действующей армии.

Данная дорога является становым хребтом всего края. Ее можно сравнить с величественной эпопеей северной коммерции. Тяжелые ломовые лошади упорно и методично тащили мимо свои грузы. Они вскидывали мохнатые ноги и медленно переставляли их по мощеной дороге, оглашая окрестности стуком тяжелых копыт и позвякиванием цепей.

Сюда, на Главную портовую дорогу, стекаются товары со всего мира. Отсюда они расходятся по английским фабрикам и заводам, обеспечивая их бесперебойную работу. Здесь можно увидеть хлопок для Ланкашира и табак для Ноттингема, металл для бирмингемских сталелитейных заводов и шерсть для севера страны, а также сырье, которое отправится долгим путем на английские машиностроительные заводы. Более трети всего британского экспорта поступает в Ливерпуль и проходит по Главной портовой дороге.

Чем дальше вы всматриваетесь в эту картину, тем большее волнение поднимается в душе. Подумать только: в самых удаленных уголках земли многие тысячи людей трудились, чтобы наполнить эти грузовики и повозки, которые сейчас проходят мимо вас. Глаз выхватывает на ходу то наименование города, то обозначение страны-отправителя. Широчайшая география представлена на этой дороге: вот апельсины из Яффы и лимоны из Неаполя, вот лук из Египта и Валенсии, грейпфруты с далекой Кубы, шерсть с запада и замороженная говядина из Аргентины... И это лишь немногие грузы из бесконечной транспортной колонны.

За высокими стенами располагаются вместительные портовые склады, которые принимают и размещают у себя всю эту продукцию. Сквозь щель в воротах оттуда, изнутри, можно разглядеть корабль, который только

недавно причалил к ливерпульской пристани и сейчас готовился разгружать свои трюмы — к нему уже выстроилась длинная очередь из пустых тележек. А по соседству, наоборот, идет загрузка судна, собирающегося в далекое плавание. На его сходнях толпятся люди, огромные подъемные краны со скрежетом разворачивают стальные стрелы, подхватывают предназначенные к отправке ящики и, развернувшись по плавной дуге, опускают их в бездонные глубины трюма.

От Главной портовой дороги к воротам склада отходит ответвление, по которому день-деньской тянутся телеги и повозки с важными грузами.

А сама дорога уходит вдаль — туда, где стоит Ливерпуль с его прекрасными зданиями, с его многочисленными знаками элегантной роскоши, с его жителями, большая часть которых так или иначе связана с непрерывным грузопотоком по портовой дороге.

Город этот многолик и разнообразен, и я сохраню о нем множество ярких и приятных воспоминаний. Однако если меня попросят в двух словах описать лицо Ливерпуля, то я назову, пожалуй, прежде всего корабль, входящий в русло Мерси из открытого моря, и вот этого самого шайрского тяжеловоза — крутые бока лоснятся и блестят на солнце, под гладкой кожей, точно сталь под бархатом, перекачиваются могучие мышцы; он мерно шагает по Главной портовой дороге, стягивая воедино все концы необъятного мира.

Славная история Главной портовой дороги... Однако есть у нее и другая сторона.

Если вы придете в порт ранним утром, то застанете дорогу серой, холодной и непривычно пустой. На ней не видно ни повозок, ни грузовиков, ни автофургонов — ничего, что бы соответствовало привычному облику

дороги. В этот час корабли еще только просыпаются: из-за высокой портовой стены доносятся разрозненные голоса и аппетитные запахи жареного бекона и свежесваренного кофе. Якорные огни кажутся бледными в занимающемся свете зари, на небе гаснет последняя звезда. Наступает новый трудовой день.

Перед массивными воротами дока, в котором стоит предназначенный для разгрузки корабль, собралась толпа в пятьсот человек. Достаточно пробежаться беглым взглядом по их лицам, чтобы познать унижительную трагедию временных рабочих. Причем это не является отличительной особенностью Ливерпуля. Точно такую же картину я видел ранним утром и у ворот Лондонского порта. Все эти лица — приятные, несимпатичные, или просто обычные, так сказать, повседневные — объединяет одно и то же выражение потерянности и неуверенности в себе, погасший, ускользающий взгляд и выражение робкой надежды (или же, наоборот, мрачной безнадежности). Не знаю, как у вас, а у меня сердце разрывается от подобного зрелища. Даже животное, оказавшись никому не нужным, выброшенным из жизни, чувствует себя несчастным. Что уж тогда говорить о людях, которые вынуждены изо дня в день ощущать свою невостребованность и неприкаянность!

Многие из них выглядят униженными и придавленными, встречаются и поистине трагические персонажи. Все они пришли сюда в поисках работы. Есть такие, кто намеревается немедленно обратить заработанные деньги в выпивку. Но есть и такие (и их немало), кто думает о хлебе насущном. У многих остались дома жена и дети. Все эти мужчины вынуждены были на рассвете покинуть теплую постель, не побрившись (а часто и не позавтракав), явиться сюда и стоять в тусклом свете наступающего дня, предлагая свои руки и спины — точь-в-точь, как это делали их



предшественники из Тира и Сидона. Думаю даже, что жителям древних городов приходилось легче. Ведь они являлись чьими-то рабами, и хозяин обязан был, как минимум, накормить своего раба. Для современных же людей свобода означает прежде всего свободу невозбранно голодать!

Мужчины стоят понуро, почти не разговаривают между собой. Холодное (и голодное) утро уже само по себе не располагает к общению, а тут еще дело осложняется тем, что все эти люди — конкуренты. Их здесь полтысячи, а на разгрузку требуется всего шестьдесят два человека. Наконец ворота со скрипом отворяются, и звук этот оказывает магическое воздействие на толпу: люди мгновенно оживают, приходят в движение, словно металлические опилки, попавшие в электрическое поле. Некоторые бессознательно потирают руки — будто им прямо сейчас предстоит таскать тяжелые ящики и баулы. Другие, угрожающе стиснув кулаки, пытаются пробраться поближе к воротам. Двое-трое доходяг — которые, судя по их виду, не способны поднять и котенка — инстинктивно приосаниваются, расправляют плечи, пытаясь произвести впечатление вполне себе крепких и работоспособных мужчин.

Из ворот выходят двое, один из них вооружен блокнотом. Они намереваются набрать достойное пополнение в свою корабельную бригаду. Бледные лица подтягиваются ближе, образуют взволнованный кружок. Мужчина с блокнотом, по виду, десятник оглядывается по сторонам.

— Ты! — выкликает он громким, уверенным голосом и тычет пальцем в толпу. — И ты, и ты... и ты в зеленой кепке... и ты — нет, не ты! Отойди в сторону! Мне нужен тот тип, что позади тебя... и еще вон тот, с трубкой.

Действо, разворачивающееся под серыми утренними небесами, напоминает то, что в незапамятные времена

происходило на невольничьем рынке.

Сопровождающий десятника зорко следит, чтобы никто из отвергнутых бедолаг не затесался в число счастливиц, на сегодня допущенных к деятельности Ливерпульского порта. А то ведь они хитрые бестии!

Носитель указующего перста делает пометки в блокноте и идет дальше. Вся толпа двигается вслед за ним. Люди проталкиваются вперед, подставляют лица, вытягивают шеи в отчаянной — и чаще всего напрасной — попытке поймать взгляд вершителя судеб.

— Как вы их выбираете? — спросил я позже у десятника.

— Я беру тех, кто уже у меня работал, — ответил он.

Заварушка кончается так же внезапно, как и началась.

Шестьдесят мужчин ушли вслед за хозяином, остальные четыре сотни остались стоять, где стояли. Несколько секунд в толпе царит мрачное молчание — должно быть, в эти мгновения люди осознают, что вот, опять удача обошла их стороной. Как всегда... А может, и нет. Возможно, постоянные неудачи уже притупили в душах этих людей способность переживать. И они успокаивают себя эфемерными надеждами, говоря: «Ну, ничего... Надеюсь, завтра что-то подвернется...»

Общая толпа распадается на мелкие группки, которые медленно бредут прочь — теперь уже переговариваясь, проклиная вечную невезуху. На углу он расходятся в разные стороны, чтобы затеряться в городской толчее. И каждый из них возвращается в орбиту своей личной, таинственной жизни.

Я представляю, как такой бедолага бредет по улице. В конце пути его ждет настороженный взгляд жены. Ей нет нужды задавать вопросы. И так все ясно: понурый вид мужчины, опущенная голова и руки, бессильно засунутые в карманы, — красноречивые признаки неудачи...

А над портовыми стенами уже двигаются ожившие краны. Они проносят в воздухе грузы, и тут же подъезжают повозки, толпа грузчиков принимается за дело: руки тянутся к мешкам, спины послушно сгибаются под ношей.

Еще одна порция богатства прибыла в Ливерпуль.

#### 4

Мой хороший знакомый, который занимается закупками хлопка для Ланкашира, повел меня на Ливерпульскую хлопковую биржу. Выглядело это так, как если бы человек привел несведущего чужака в храм своих отцов. Мы стояли перед зданием биржи и наперебой отмечали его достоинства. Звучали слова: величие... пропорции... дорические... ионические... ренессанс... — и так далее, и тому подобное...

Прежде чем перейти к дальнейшему описанию, мне хотелось бы дать короткое, емкое определение тому, что я увидел. Так вот, дорогой читатель, первое мое впечатление от Ливерпульской биржи исчерпывается словами «невозмутимое равновесие». Помнится, я успел подумать, что уж в таком-то великолепном здании люди могут купить столько хлопка, сколько им необходимо — а может, даже чуть-чуть больше. И все это — в состоянии прекрасной, совершенной гармонии. Счастливчики те, кто зарабатывает деньги в столь замечательном окружении! Мы миновали парадный вход, поднялись по просторной лестнице и оказались внутри потрясающей колоннады из темного, отполированного временем гранита. Затем я подошел к перилам и бросил взгляд вниз. И мгновенно от моего первого впечатления не осталось и следа. Теперь мне показалось, что я попал в фешенебельную лечебницу для умалишенных.

Там, внизу, собралась сотня мужчин — некоторые из них были в шляпах, остальные с непокрытыми головами. Они стояли вокруг пустого огороженного круга в центре зала и яростно кричали друг на друга. Мало того, они еще и отчаянно жестикулировали. На мой непосвященный взгляд, вся эта куча возбужденных мужчин наперебой делала заказы бармену, который почему-то оставался невидимым и неслышимым. Мне даже захотелось протереть глаза в надежде, что я все-таки разгляжу в центре круга импозантного человека в белой форменной тужурке с коктейльным шейкером в руках.

Загадочные безумцы вопили, оттирали друг друга от перил, размахивали руками, делая при этом непонятные жесты. Результатом являлся несмолкаемый шум мужских голосов, в котором невозможно было разобрать, кто желает мартини, а кому угодно виски с содовой.

Внезапно меня осенило: точно такое же волнение, те же самые жесты и быстрые взгляды на стрелки часов я наблюдал субботним вечером в некоторых сельских пабах, когда до закрытия оставались считанные минуты.

Крепко взяв своего друга за плечо, я прокричал в его ухо:

— Здесь что, революция? Или они просто требуют администратора?

— Нет! — проревел друг в ответ — Они покупают хлопок!

— Каким образом? — изумился я, но мой знакомый то ли не смог, то не захотел растолковывать.

Зато я выяснил, что это место называлось «Кругом хлопковых фьючерсов». Вы не поверите, но хлопка, который вызывал такой ажиотаж (или, по крайней мере, большей его части), еще не существовало на свете. Он пока не вырос! Эти люди покупали хлопок за год вперед. Здесь тоже все ориентировались на Нью-Йорк:

заокеанский гигант ежеминутно присылал срочные депеши — то обнадеживающие, то обескураживающие, и люди вокруг сходили с ума. Единственным человеком, сохранявшим невозмутимое спокойствие в этом бедламе, был невысокий рыжеволосый паренек, который периодически писал цены на большой черной доске. Мне показалось, что в своем математическом помутнении доска эта выражала представление главного спорщика о приятном субботнем вечере.

Неподалеку располагался еще один круг, тоже огороженный, но размером поменьше. И, судя по всему, вихрь безумия его не затронул. Мне он живо напомнил площадку Гайд-парка в обеденное время. Там стояли всего два человека — облокотившись на поручни, они перекидывались ленивыми фразами.

— Египетский хлопок! — прокричал мой друг. — Там сейчас затишье!

В стороне был еще один круг — совсем уж маленький и абсолютно необитаемый.

— Имперский хлопок! — пояснил мой приятель. — Там, похоже, все уже продано!

Как я понял, в настоящий момент страсти кипели вокруг американского хлопка. Время от времени в зале появлялись мальчишки-посыльные от Телеграфной компании. Они входили в своих красных форменных фуражках, беспечно посасывая ириски и словно не догадываясь, какой переполох они — рабы Американского телеграфа, этого великого божества коммерции — учиняют в собравшейся толпе. Каждый такой приход приводил в движение людей, сидевших на отдельных, отгороженных местах: они хватались за свои бильдаппараты или же молча писали новые цифры на сакраментальной черной доске (цифры эти, как мне объяснили, представляли собой цены на хлопок, выставленные на год вперед).

Наблюдая сверху за Хлопковым кругом и пытаюсь постигнуть, как же он все-таки работает, я обнаружил одну любопытную деталь. Оказывается, отмеченное мной безумие носило спорадический характер. Подчиняясь какой-то внутренней закономерности, оно то затихало, то разгоралось с новой силой. Вот только что все было относительно спокойно, люди внизу молчали и, казалось, выжидали. Но вдруг в один миг толпа вновь взрывалась криками и шумом: все вопили, стараясь перекричать соседей. Присмотревшись, я установил, что возмутителями спокойствия были некие люди, маячившие где-то за пределами круга. Время от времени кто-нибудь из них получал телеграмму или каблограмму, в которой содержались указания — продавать или покупать хлопок. Украдкой прочитав сообщение, человек выходил в огороженный круг и делал свое заявление. Вот тут-то и начиналось то, что вначале показалось мне вспышкой коллективного безумия.

Я слышал, как один из брокеров кричал:

— Продам пять в июне!

Тут же в ответ ему доносилось:

— Куплю пять по семидесяти одному!

Мой друг наклонился ко мне и прокричал с довольным видом:

— По-моему, это напоминает аукцион в компании друзей!

Спорить не хотелось, поэтому я лишь улыбнулся и сочувственно похлопал его по руке.

Затем мы вернулись в офис импортеров. Я сидел, переполненный впечатлениями от увиденного, и думал, что надо обладать железными нервами для работы на Хлопковом круге. Хочется надеяться, что супруги этих несчастных «круго-торговцев» проявляют к ним достаточно любви и понимания (хотя бы до тех пор, пока мужа не начнут будить их по ночам своими криками).

В этот миг в приоткрытую дверь заглянул старший компаньон моего приятеля и отрывисто сообщил:

— Упал с пяти!

Такое впечатление, будто у торговцев хлопком особый язык — все они между собой изъясняются короткими и загадочными фразами.

Не успел я додумать мысль до конца, как снова появился старший компаньон. Он быстро зачитал колонку цифр и удалился на свой наблюдательный пост. Понемногу я начинал понимать: то, что происходило на фьючерсном круге только с первого взгляда выглядело спонтанным переполохом. На самом же деле все эти люди образовывали прекрасно отлаженный, сложный и чуткий организм — этакий нервный центр, осуществляющий связь между Нью-Йорком и сотней ливерпульских офисов.

— С трех повышается на два пункта! — объявил старший компаньон, вновь появляясь в дверном проеме.

Полагаю, в этот момент в сотнях офисов Ливерпуля — везде, где покупают еще не родившийся хлопок, — ощущалось то же самое напряжение. Нелегкое это дело — отслеживать изменения капризного рынка...

Я покинул здание биржи, по-прежнему мало что понимая, но приятно успокоенный мыслью, что уже сегодня зафиксирована цена на хлопчатобумажные рубашки, которые мы будем покупать только в апреле следующего года!

## 5

— Курить воспрещается! — сразу же объявил человек, который встретил меня в дверях крупнейшего в мире склада табачных изделий.

Подумать только, вокруг нас громоздились миллионы тюков табака! Тысячи тонн всевозможного

табака — для трубок и для сигар, горы коробок с уже готовыми сигарами, а он заставляет меня выбросить наполовину выкуренную сигарету! Мало того, в офисе у меня отобрали и коробок со спичками!

— Итак, вы находитесь в крупнейшем в мире складе табака! — торжественно провозгласил мой гид.

— Да, — ответил я без особого восторга, ибо ничего нового он мне не сообщил.

Ливерпуль — признанный чемпион по рекордным достижениям в различных областях английской жизни.

◆ Здесь располагается самый большой рынок хлопка.

◆ Здесь же находятся и самые большие часы с электроприводом.

◆ О соборе, который обещает быть вдвое больше Вестминстерского аббатства, я уже рассказывал.

◆ Помимо этого, в Ливерпуле самый большой в мире орган.

◆ А также первая подвесная железная дорога.

◆ И первый в стране туннель, прорытый под рекой.

◆ Не говоря уж о первом закрытом доке.

И, наверняка, это еще не весь список рекордов. Полагаю, что ветер, дующий из Америки, приносит множество свежих идей, оседающих в восприимчивых умах ливерпульцев.

— Он и впрямь выглядит крупнейшим в мире, — признал я, разглядывая высоченные стены из красного кирпича.

— Так оно и *есть*! — безапелляционно заявил мой собеседник.

Подозреваю, что, будь я американцем и возмись с ним спорить, то спор этот окончится хорошеньким ударом в челюсть. Все-таки ливерпульцы убежденные патриоты своего города!

Листовой табак из Америки привозят в огромных деревянных контейнерах, каждый емкостью в тонну. Его



характерная особенность — неистребимый запах солода. В отличие от него индийский табак поступает упакованным в квадратные тюки.

Таможенные чиновники так и рыщут вокруг табачного склада. От их взгляда не укроется ни малейшая мелочь! Думаю, если вы по рассеянности положите себе в рот половинку табачного листа, вас тут же поймают за руку и заставят уплатить пошлину. А между прочим пошлина на американский табак составляет 8 шиллингов 2 пенса с каждого фунта. Если считать, что в одной упаковке 1120 фунтов, то выходит, что каждый из хранящихся на складе хогсхедов<sup>[6]</sup> (а напомним, их здесь тысячи и тысячи) приносит мистеру Уинстону Черчиллю свыше 457 фунтов стерлингов! Я с почтением разглядывал сотни тысяч хогсхедов и мечтал, чтобы все они одновременно реализовались и, таким образом, снизили бы подоходный налог в нашем королевстве. Дабы вы могли по достоинству оценить величие зрелища, которое я наблюдал, проведу простой арифметический подсчет. Если бы распроданным оказался лишь тот табак, что хранится в подвале, то в результате наш подоходный налог уже уменьшился бы на 6 пенсов. Если же посчитать по 6 пенсов с каждого из девяти этажей хранилища, то становится ясно, что в этом огромном здании зарыт секрет нашего национального счастья.

Мы переходили с этажа на этаж, и везде я видел одно и то же — сумрачные помещения, в которых постоянно поддерживалась одинаковая температура, а в них навалены горы душистого, пахнущего далекой прерией табака. Мне рассказали, что часть товара годами лежит «в залоге». Сотни тонн здешнего табака десятилетиями будут ждать своего часа (а возможно, так никогда и не дождутся!)

Подумать только! На этом складе хранится табак, до которого доберется лишь поколение наших сыновей —

тех самых, что сегодня еще под стол пешком ходят. А сигарами станут улаживать себя на склоне лет наши пока не родившиеся внуки!

Когда мой гид куда-то отошел, я воспользовался моментом и стащил половину листа виргинского табака. Серьезное преступление! Но в свое оправдание могу сказать, что сделал я это в интересах познания. Это был табак прямо с плантации — тот, что курил еще сэра Уолтера Рэли! Наверное, именно так выглядел табак, впервые доставленный в Англию. Много лет назад, в эпоху королевы Елизаветы, бристоольские и плимутские моряки брали в руки точно такой же ломкий лист коричневой бумаги и, мелко раскрошив, набивали им трубки.

В конце концов мы оказались в помещении, хранившем память о величайшей трагедии данного склада.

Почти половина этажа была занята деревянными ящиками. Все они были помечены некогда магическими, а ныне почти забытыми буквами «N.A.C.B., V.E.F.» — что означает «Управление морских и армейских складов британской экспедиционной армии». В этих ящиках хранится 10 миллионов штук канадских сигарет. Приди они вовремя, и мы бы давно выиграли войну! Бедные «гвоздички»! Они бы уже развеялись голубым дымом на дорогах Фландрии, когда бы не досадная задержка в несколько месяцев.

— И кому же они сейчас принадлежат? — поинтересовался я.

— Никому.

Сторож объяснил мне, что ныне уже никто не возьмется выкупить их из «залога». За минувшие годы набежала колоссальная сумма. Теперь дешевле закупить соответствующую партию новых английских сигарет, чем вывозить залежавшиеся «гвоздики». Когда организацию под названием N.A.C.B.

расформировали, то 10 миллионов сигарет выставили на аукцион. И вроде бы даже нашлись фирмы, желавшие их приобрести. Однако когда они подсчитали предполагаемые убытки, то предпочли отказаться от этой затеи. Сигареты оставили в залог — в счет погашения долга за хранение. И теперь формально они находятся в совместной собственности Мерсийских доков и правления порта.

— Но нам от них одна лишь головная боль, — пожаловался мой гид. — Никто не знает, что делать с этими чертовыми сигаретами. Выкупать их никто не желает, а мы не можем ими распорядиться, пока долг не выплачен. В свое время мы предлагали их и армии, и флоту.

— И что же?

— И те, и другие отказались! Единственный путь — это уничтожить сигареты. Похоже, придется отправить их в «Королевскую трубку».

«Королевская трубка» — это, пожалуй, самое драматическое место Ливерпульского табачного склада. В викторианские времена его, соответственно, называли «Трубкой королевы».

Эта огромная печь с высоченной трубой своей формой действительно напоминает вересковую курительную трубку. Она используется для уничтожения товаров, владельцы которых по тем или иным причинам отказались платить таможенные пошлины. За год здесь сжигается табака, сигар и сигарет на сотни фунтов стерлингов. Процедура проста: таможенники отпирают «Королевскую трубку», закладывают в нее «криминальную» партию и устраивают весьма дорогостоящий костер.

Я заглянул внутрь печи. Помимо мусора, собранного со всех девяти этажей, там лежали два полуразложившихся тюка грубого табака из Луизианы,

разнородная смесь листового и трубочного табака, упаковочный картон и несколько ящиков — все они дожидались своей печальной судьбы на каменном полу «Королевской трубки».

Всякий раз, когда из высокой трубы начинает валить ароматизированный дым, моряки в доках и бездельники, целый день околачивающиеся вокруг «Грин-Мэн», грустно вздыхают и говорят:

— Сегодня король курит трубку!

А принявшись, снова вздыхают. Сколько добра улетает на ветер! Возможно, это грубый табак, неходовой товар... Но они бы и от такого не отказались. А так вообще никому не досталось. Сплошная расточительность!

Вернувшись домой, я заколотил в трубку украденный табак и вдумчиво, не спеша выкурил. Ну, что я могу сказать, друзья мои? Если это действительно тот самый листовой табак, который сэр Уолтер Рэли привез из Виргинии, то он оказал плохую услугу своей стране. Боюсь, тем самым он нажил себе в Англии сотни врагов.

## Глава одиннадцатая

### Край Пиков и Шеффилд

*В Мэкклсфилде я знакомлюсь с людьми, которые до сих пор ткут шелк вручную; затем в дербиширском Краю Пиков попадаю в снежную бурю, но несмотря на это, пробираюсь через горы в Бакстон — город голубой воды. Я встречаю амазонку в бриджах, посещаю деревню, где все еще обсуждают Лондонскую чуму, и исследую разноцветный дым Шеффилда.*

#### 1

Я наконец оторвался от Ливерпуля и сбежал от него, как иные мужчины сбегают от чересчур властной любовницы. В городе слишком много всего интересного, такого, о чем хочется написать. Следовало либо поставить крест на своем путешествии, либо бежать оттуда сломя голову. Я выбрал второе и покатил по Чеширской дороге, которая уводила в дербиширский Край Пиков. По дороге я заехал пообедать в маленький городок под названием Мэкклсфилд (могу засвидетельствовать, что тамошние собаки совсем не ведают страха смерти и бросаются прямо под колеса).

Мэкклсфилд расположен у самой границы Чешира, напротив него уже начинаются отроги Пеннинских гор. Горы эти недаром называют Спинным Хребтом Англии: физически они разделяют Ланкашир и Йоркшир, а духовно озаряют своим светом всю страну. Что касается Мэкклсфилда, то, на первый взгляд, в нем нет ничего примечательного, если не брать в расчет старинных названий улиц (некоторые звучат совершенно средневековому) и особой разновидностью чеширского

сыра — он белый, крошащийся и, в отличие от того сыра, который мы едим в Лондоне, совсем не щиплет язык.

Я заметил, что во многих домах верхние этажи выглядят нежилыми — окна с освинцованными стеклами пыльные и пустые, даже без занавесок.

— Ну, правильно, — пояснил мне старик, отдыхавший возле фонтана, — это же мансарды. Там раньше, до того, как понастроили фабрики, располагались мастерские ткачей.

Я вспомнил, что на некоторых старых улочках Нориджа тоже можно встретить подобные памятники дофабричной эпохи. Правда там фламандские ткачи устраивались под острыми голландскими карнизами в виде перевернутой буквы «V».

— А что, Мэклсфилд по-прежнему является центром шелкоткачества? — поинтересовался я. — Или же он уступил эту роль Спитлфилдсу?

Мой вопрос, похоже, рассердил старика.

— Конечно, Мэклсфилд! — ответил он и досадливо сплюнул.

Свернув на боковую улочку, я увидел надпись на дверях фабрики:

ТРЕБУЮТСЯ  
ШЕСТЬ ТКАЧЕЙ ПО ТРАВЧАТОМУ ШЕЛКУ  
ДЛЯ РАБОТЫ НА РУЧНЫХ СТАНКАХ

Объявление заинтересовало меня, показалось весьма символичным для этой части страны. Дело в том, что Мэклсфилд считается последним оплотом ручного ткачества. В то время, как механический ткацкий станок уже завоевал практически весь Север Англии, здесь, в Мэклсфилде, продолжают работать по старинке. Шедевры местных умельцев невозможно повторить на современном механическом станке, они требуют ручного труда. В настоящий момент в городе работают около

двухсот пятидесяти мастеров ручного шелкоткачества. У них даже есть собственный профсоюз.

— Наша фабрика нанимает шестьдесят «ручников», — сообщил мне фабричный служащий, — для производства самых сложных, эксклюзивных вещей. Тех, что можно изготовить лишь вручную! Мы бы наняли и больше мастеров, если б смогли найти. Это настолько перспективное дело, что мы уже подумываем об организации производственного обучения...

— Вы, наверное, специализируетесь на дорогостоящей одежде для женщин?

— Как раз-таки нет! Наш конек — мужские шелковые галстуки ручной работы.

— А, знаю! Это те самые непомерно дорогие галстуки, которые рекламируют на всех углах Берлингтонской аркады?

— Но они стоят тех денег, за которые продаются! — возмутился мой собеседник. — Ведь каждый галстук — это подлинное произведение искусства. Такого вы нигде больше не найдете! И потом, нам нет нужды кому-то навязывать свою продукцию. Она и так хорошо расходуется. Все богатые и модные мужчины носят галстуки из сотканного вручную шелка. Кому же придет в голову надевать приличный костюм с дешевым готовым галстуком!

Я почувствовал себя пристыженным.

Из длинной мастерской доносился медленный, размеренный стук ручных ткацких станков. В наше время ланкаширцы уже начинают забывать этот звук. А между тем именно благодаря ему край возвысился до своего нынешнего величия!

Мне доводилось бывать на современном производстве, и я хорошо помню то бездушное, суматошное тарыхтение, которое заполняет ткацкие цеха. По контрасту с ним здешняя мастерская, в которой мерно постукивали шесть десятков старомодных

станков, кажется картинкой из далекого прошлого. За станками сидели одни мужчины, многие уже в преклонных годах. Так повелось исстари: женщины пряли, а мужчины ткали. Один из ткачей позволил мне сесть за свой станок. Выяснилось, что это нелегкое дело: каждое нажатие педали приводило в действие груз весом в хандредвейт.

— Да я как-то и не замечаю, — пожал плечами старик. — Я ведь занимаюсь этим всю свою жизнь. Учился у отца, а он — у деда. В нашем роду все с незапамятных времен были ткачами...

Он признался, что любит свою работу. Ему нравится создавать шелковые узоры. Некоторые из них он придумывает сам. По его словам, механические станки ни в какое сравнение не идут с ручными. Нет, те тоже неплохие машины... Но на них не сделать то, что надо!

— Вы не поверите, насколько различаются узоры, созданные на старых и на новых станках — рассказывал мой собеседник. — Я с закрытыми глазами смогу их различить. Шелк, сотканный вручную, совсем другой на ощупь — в нем есть какая-то самобытность, можете даже назвать это душой!

Должен сказать, что внешне ручной ткацкий станок выглядит исключительно неуклюжим. Трудно даже поверить, что тончайшие шелковые нити могут без ущерба для себя проходить через это громоздкое и нелепое устройство, словно списанное с карикатур Хита Робинсона. Вы бы посмотрели на систему толстых бечевки, на ножные педали с подвешенными грузами, на вращающиеся рычаги и прочие, столь же неопишуемые приспособления! Тем не менее из недр этой тяжеловесной машины выходит тончайшее шелковое полотно, которое затем воплощается в эксклюзивные галстуки для «изысканных джентльменов».

И я в душе пожелал долгих лет здоровья этим пожилым мастерам из Мэклсфилда, равно как и их



уникальным станкам.

Распрощавшись с городком, я вновь вернулся на дорогу, которая должна была привести меня в Дербишир.

## 2

Чтобы рядовой лондонец мог представить себе Край Пиков и понять, чем тот является для обитателей индустриального Севера, я бы предложил проделать мысленный эксперимент — взять и перенести кусочек Дартмура в Эссекс. Именно такое чудо сотворила природа для жителей переполненных северных городов: буквально в двух шагах от промышленного Манчестера (и Шеффилда на востоке) простираются многие мили дикой, первозданной красоты. Чтобы очутиться среди пустынных, необжитых холмов, манчестерцу потребуется меньше времени, чем лондонец тратит на ежедневную поездку от Банка до Хаммерсмита.

Южанин, не знакомый с этими местами, был бы поражен, узнав, с какой легкостью житель Манчестера или Шеффилда устраивает свои выезды на природу. Бедному кокни — чтобы получить такое же удовольствие — пришлось бы отправиться, по крайней мере, в Девоншир! В выходные дни тысячи мужчин и женщин покидают тесные, задымленные города и уезжают в горы — подышать свежим воздухом и зарядиться энергией на предстоящую рабочую неделю.

Я ехал по «Кэт-эн-Фидл-роуд» (одной из самых высокогорных дорог Англии), наслаждался теплым апрельским деньком и не подозревал о том испытании, которое приготовила мне щедрая на сюрпризы здешняя погода.

С утра шел мелкий английский дождик, ничуть не портивший удовольствия от поездки. Дорога проходила по безлюдным торфяным пустошам. С обеих сторон от шоссе стояли невысокие холмы, и известняк, из которого они были сложены, блестел и лоснился от дождевой влаги. По склонам холмов бродили безмятежные овцы, время от времени из травы вспархивали кроншнепы. Картину довершали кучевые облака, которые плыли так низко над землей, что казалось, будто машина постоянно ныряет в полосы тумана.

По пути я заметил егеря с охотничьей собакой и вспомнил, как тщательно охраняются местные, дербиширские тетерева.

Дорога неуклонно шла вверх. Взглянув на карту, я определил, что нахожусь на высоте 1200 футов над уровнем моря, и решил ненадолго остановиться. Я вышел из машины и оглянулся назад. Взору моему открылась впечатляющая панорама — на фоне серого дождевого неба высились многочисленные холмы. Они громоздились, наползали друг на друга... И ни единого признака человеческого жилья. Мрачный, неприветливый пейзаж, напомнивший мне Дартмур! Даже не верилось, что всего в часе езды отсюда стоит многолюдный Манчестер...

Я поехал дальше и сразу за поворотом увидел на обочине автомобилиста. Судя по всему, у него возникли какие-то проблемы с машиной.

— Не беспокойтесь, все в порядке! — откликнулся он на мой вопрос. — Если не считать вот этого...

И мужчина продемонстрировал увесистый ком снега, который только что выковырял из щели между подножкой авто и шасси.

— Наверху идет жуткий снег, — сообщил незнакомец. — И ветер дует... Прямо настоящая пурга! Следите повнимательнее за дорогой.

Честно говоря, я ему не поверил. Откуда бы взяться снегу в теплый апрельский день?

Тем не менее поинтересовался, какое расстояние отделяет меня от этого природного катаклизма.

— Примерно через милю вы въедете в снежную бурю!

Я вспомнил, что на этом участке дорога резко уходит в гору, повышаясь на двести, а то и триста футов на каждую милю.

И действительно, вскоре резко похолодало. Я посмотрел налево. Видневшийся вдалеке холм подозрительно побелел, со стороны казалось, будто его обрызгали негашеной известью. Однако никаких признаков обещанной пурги не наблюдалось. Тут я бросил взгляд направо и обомлел! Оттуда шла стена снега, закручиваясь на ветру спиральными вихрями. Сквозь снежные хлопья проглядывала темно-зеленая пустошь. И лишь вдалеке, почти у кромки горизонта снег сменялся дождем.

Я продолжил подъем. Теперь и вокруг меня начал кружиться снег — сначала как-то медленно и нерешительно. Снежинки падали на дорогу и тут же таяли, образуя на поверхности ледяное крошево. Ветер сносил льдистую влагу на склоны холмов.

Затем, по мере подъема, снег усилился, воздух приобрел студеную пронзительность. Невероятно, но окружающий мир разительно изменился за какую-то четверть часа. Из апрельского дня я угодил в самую гущу зимней вьюги!

Вскоре на обочине показалась гостиница «Кэт-эн-Фидл», изрядно занесенная снегом. Белые хлопья уже завалили основание дымовой трубы, набились в оконные рамы и мастерили небольшой сугроб возле входной двери. Типичный декабрьский пейзаж!

Располагаясь на высоте 1690 футов над уровнем моря, «Кэт-эн-Фидл» вполне может претендовать на

звание самой высокогорной английской гостиницы. Правда, я слышал, будто йоркширская «Тэн-Хилл» стоит на высоте 1727 футов, но если вдуматься, то разница не столь уж и велика. Внутри я застал одного или двух автомобилистов, как и я, застигнутых в дороге снежной бурей. Они отогревали у огня замерзшие руки и с ожесточением растирали покрасневшие уши.

Снег за окном продолжал валить с завидным упорством. Мы чувствовали себя отважными путешественниками, отрезанными от внешнего мира. Ощущение приятно будоражило кровь. Ведь не секрет, что преодоление физических трудностей возвышает дух путника. Представляю, как уже завтра мои товарищи по несчастью будут хвастаться перед своими манчестерскими приятелями. Еще бы, ведь они вышли победителями из борьбы со стихией! Я и сам, что греха таить, намеревался сделать то же самое по прибытии в солнечный Бакстон. Засяду в баре, выберу самого толстого и мягкотелого из посетителей и начну расписывать ему во всех красках, как мчался сквозь снежный вихрь, как разгребал засыпанный автомобиль... Заранее предвкушаю его удивление:

— Какой такой снег? Где вы нашли снег в апреле?

Нет, что ни говорите, а у Края Пиков отличное чувство юмора!

Ветер даже усилился, пока я ехал по пустынной дороге в Бакстон. Он пытался с корнем вырвать мои бедные «дворники», а саму машину забросить на обочину, откуда ей неминуемо пришлось бы падать вниз, на острые скалы.

Однако ничто на свете не длится вечно. Постепенно дорога пошла вниз, под укос, и ветер стал стихать. Снег тоже прекратился, на обочине вновь показалась зеленая трава. Маленькая дербиширская Швейцария осталась

позади. Мимо промелькнул дом, во дворе которого буйно цвели нарциссы. Я снова вернулся в апрель.

Бакстон встретил меня мокрыми улицами, ослепительно блестящими после весеннего ливня. Недавняя метель казалась здесь не более чем дурным сном. Я с сомнением оглянулся на оставшиеся позади холмы и разглядел небольшое снежное пятно, белевшее на самой вершине. Нет, все-таки это мне не приснилось!

### 3

Я полагаю, что бакстонская вода — одна из лучших во всей Англии. При взгляде на нее у меня перед глазами всегда встает Капри. Здешняя вода имеет бледно-голубой оттенок — в официальных источниках цвет этот именуется аквамаринным, но лично мне он напоминает ту едва уловимую голубизну, которая появляется в миске с водой, если вымыть в ней не слишком испачканное перо чернильной ручки. Стоя на берегу водоема, можно наблюдать, как на дне образуются пузырьки азота. Они медленно поднимаются сквозь толщу воды, а достигнув поверхности, с громким хлопком лопаются.

В настоящий момент я стоял на краю большой ванны, заполненной этой бледно-голубой водой, и боролся с неодолимым желанием немедленно скинуть с себя всю одежду и нырнуть в самую гущу всплывающих пузырей. Что интересно, здешняя вода, поступающая из девяти природных источников, всегда имеет одну и ту же комфортную температуру в двадцать восемь градусов. Полагаю, Бакстон единственный в нашей стране курорт, где вода не требует искусственного подогрева — она нагревается за счет процессов, происходящих в нижних слоях земли. (Что касается Бата, то там, наоборот, вода

бьет чересчур горячая, и ее приходится разбавлять холодной.)

Итак, Бакстон ежедневно получает полмиллиона галлонов теплой минеральной воды. Что бы ни случилось, эти два параметра — объем и температура — всегда остаются неизменными.

Но есть еще такие показатели, как внешний вид и вкус воды. К примеру, батские воды по цвету напоминают гороховый суп, а по вкусу — если верить Диккенсу — остывающий чугунный утюг. Харрогитскую воду я уже описывал выше. Но всем им далеко до бакстонских источников: здешняя водичка хороша сама по себе, независимо от ее целебных свойств. Ее приятно просто созерцать! Хорошо бы, чтобы все воды были похожи на бакстонские. Полагаю, что человек, догадавшийся наполнять ванну цветной водой, сделал бы на этом состояние. Наверняка подобный метод снискал бы массу поклонников. В конце концов в нашем мире, где существует столько всевозможных обществ и содружеств, нашлось бы место и для Ассоциации любителей цветных ванн.

В Бакстоне царит необычная тишина, которую нарушают лишь хлопки лопнувших азотных пузырей. Атмосфера в городе на редкость умиротворяющая, а воздух столь же чист, как и в Херефорде ранним майским утром.

Это самый высокогорный город Англии — по крайней мере, среди населенных пунктов такого размера. Ваша встреча с ним происходит неожиданно. Когда вы едете по пустынным холмам со стороны Гойтс-Мосса и меньше всего ожидаете увидеть какой бы то ни было город — вот тут-то Бакстон и выскакивает перед вами, подобно чертику из табакерки. Вы с удивлением озираете город, внезапно нарисовавшийся меж двух округлых холмов. На мой взгляд, он больше всего напоминает изящную безделушку, примостившуюся на дикой и голой крыше

Англии. В восемнадцатом веке ситуация с Бакстоном почиталась уродливой. Но, слава Богу, мода на пейзажи со временем меняется, и современная эпоха более милостива к городу и его окрестностям.

Что касается меня, то мне по душе здешняя расслабленная и усыпляющая обстановка — в особенности, после изматывающего напряжения Ливерпуля и Манчестера. Бездумно наблюдать, как азотные пузырьки медленно поднимаются из глубин на поверхность, — почти столь же прекрасный способ ничегонеделанья, как и долгое стояние на мосту и наблюдение за катящимися речными водами.

Пик сезона еще не наступил, и основная волна наших отечественных ревматиков и подагриков пока не успела нахлынуть в Бакстон. Я отправился в Насосный зал отведать местной голубой водички. Меня встретила молодая девушка, стоявшая возле большого мраморного бассейна овальной формы. Внутри него притаился источник Святой Анны, который непрерывно извергал целебную воду со скоростью пятьдесят галлонов в минуту. Девушка поместила стаканчик в углубление на конце длинного металлического прута и, дважды зачерпнув в кипящей и булькающей ванне, достала уже наполненным и передала мне.

Я опасливо приложился к радиоактивному кубку и с облегчением вздохнул: у воды был великолепный вкус — то есть никакого.

Одинокое пребывание на бальнеологических курортах не слишком благотворно действует на людей моего типа. Рано или поздно неминуемо наступает миг, когда вы берете в руки одну из тех брошюр, которые в изобилии выпускаются местными властями. Вначале вы рассеянно перелистываете страницы и просматриваете рекламные объявления. Но затем — по мере того как вчитываетесь в список болезней, подлежащих излечению на местных водах — вы неожиданно

обнаруживаете у себя те или иные симптомы. Вы с тревогой прислушиваетесь к своему организму и пытаетесь понять, что это — первая атака ревматоидного артрита или же начало какой-то иной грозной болезни?

Не на шутку обеспокоившись, вы перелистываете странички и задерживаетесь на той, где восхваляются красоты местной природы.

«Вересковые пустоши, — читаете вы, — являются домом для шотландского тетерева, бекаса, кроншнепа, кречета, ястреба-перепелятника, пустельги и значительного количества более мелких птиц. Для любителя природы...»

«Как, должно быть, это трудно, — думаете вы, — любить природу и одновременно страдать от подагры. Артрита! Артериосклероза! Вам невольно приходится снижать темп жизни, а то и вовсе покончить со всеми развлечениями...»

Перевернув страничку, вы читаете:

«Почти каждый холм или невысокая насыпь скрывает под собой место погребения древнего вождя, и слово «лоу» (от англосаксонского *hlow*, что означает погребальный курган, могилу) частенько встречается в местных топонимах. Тем, кто интересуется археологией...»

Вы прерываете чтение, чтобы полюбоваться на одну из тех милых старушек, которые являются непременными обительницами водных курортов. Верные привычкам своей юности, они носят цепочку на поясе и тонкую черную бархотку на шее. Передвигаются они при помощи двух тросточек и храбро улыбаются, когда кто-то говорит им при встрече: «О, миссис Такая-то, вы сегодня намного лучше выглядите!» Но тут мимо провозят на кресле-каталке старого джентльмена, который дремлет на ходу и видит во сне блистательную



елизаветинскую эпоху. Вы понимаете: настало время принимать процедуры!

К тому моменту вы чувствуете себя уже в достаточной степени больным. Если же нет — если никакие конкретные боли вас еще не мучат, — то вы догадываетесь, что артрит, ишиас и неврит лишь выжидают время, чтобы неожиданно напасть и стереть в порошок. Отлично, думаете вы, одна-единственная вовремя принятая ванна может сэкономить время и средства, потраченные на врачей с Харли-стрит...

Итак, вы принимаете решение последовать за толпой больных завсегдаев курорта.

Я подошел к мраморным ваннам Бакстона.

Подробно рассказал мужчине в белом халате, где и что у меня болит, и он высказался в том роде, что при таком состоянии здоровья мне не повредит глубинная ванна. Это один из самых популярных видов лечения. Просто-напросто рай для ипохондриков!

Лестница из пяти-шести ступенек ведет в мраморный резервуар, в углу которого примостилось сидение; Служитель поворачивает медный кран, и замечательная голубая водичка Бакстона, шипя и бурля, набирается в бассейн до тех пор, пока не закрывает верхнюю ступеньку. Поспешно разоблачившись, вы бесстрашно спускаетесь в воду. Она по-прежнему голубая и теплая. Азотные пузырьки приятно щекочут кожу. Ощущение такое, будто вас окружает невидимая стайка золотых рыбок. Служитель велит занять место на сидении, но это не так-то просто, ибо голубая вода искажает чувство пространства, и есть возможность промахнуться.

Когда вы все-таки благополучно справляетесь с этой задачей, оказывается, что ваше лицо едва высовывается из воды. Со стороны кажется, будто на поверхности бассейна плавают огромная водяная лилия. Наверное,

выглядит смехотворно, но в интересах здоровья вы решаете пренебречь условностями...

Служитель вооружается толстым шлангом и сразу становится похожим на пожарного. Стоя на краю бассейна, он направляет мощную струю теплой голубой воды на те части вашего тела, которые, по его мнению, нуждаются в гидромассаже. Затем проходится вдоль спины, и ваш позвоночник отзывается благодарным мурлыканьем. Вы ощущаете, как все тело наполняется животворным радием.

Увы, вскоре наступает минута, когда надо покинуть бассейн. Вы отказываетесь. Служитель пытается втолковать, что избыточная доза натрия, калия и магния может повредить вашему организму, но вам нет дела до его объяснений. Вы идете на хитрость: сообщаете, что хотели бы завести подобную ванну у себя дома, и пускаетесь в длинные разглагольствования о плачевном состоянии сантехнического оборудования в Англии.

Ваш собеседник не выглядит заинтересованным. Тогда вы вдохновенно предсказываете, что настанет время, когда все истинные ценители водных процедур объединятся и потребуют кардинального расширения ваннных помещений в британских домах...

И в этот самый миг вы чувствуете, как ваш левый локоть пронзает настоящая, не придуманная боль. Вы стремглав выскакиваете из бассейна и с тревогой думаете, что, похоже, таки напросились на неврит.

Бакстон — с его холмами и кроншнепами, с его погребальными курганами и пещерами, с его херриерами, ишиасами и, превыше всего, замечательными источниками — тот самый город, куда я обязательно вернусь, когда достоверно будет установлено, что мой организм нуждается в кальции, бари, магнии, алюминии, марганце, натрии, калии, аммонии и т. д., одним словом, в чудодейственной голубой воде.

Она ела яйца.

Ее изящные длинные ноги были облачены в бриджи цвета хаки, длинные руки прятались в рукавах старой твидовой куртки. Обута девушка была в тяжелые походные ботинки. Свежий ветер разметал ее светлые волосы, а дождь придавал им неожиданные изгибы. Она наслаждалась процедурой завтрака. Ей явно нравились яйца.

Кроме нас двоих в обеденном зале гостиницы был только старый жирный пес, который безмятежно дремал на коврик. Стены зала украшали древние рекламные плакаты с изображением жизнерадостных джентльменов в шелковых цилиндрах: они куда-то катили в кабриолетах в обществе затянутых в корсеты дам. Окна гостиницы выходили на поросшие вереском холмы, чьи вершины — гладкие, лоснящиеся — напоминали могучие спины спящих быков. Дождь, начавшийся с утра, и не думал утихать. Крупные дождевые капли усеивали оконное стекло и стекали вниз длинными извилистыми ручейками. Вот, кстати, отличная забава для ланкаширцев — заключать пари, который из ручейков первым достигнет подоконника!

Я наблюдал, как девушка поглощала яйца. Она явно относилась к племени пеших туристов, или «походников», как их еще называют. Таких, как она, немало в здешних краях — тысячи мужчин и женщин увлекаются пешими прогулками по Краю Пиков. Некоторые, как киплингская кошка, предпочитают гулять сами по себе. Другие собираются большими компаниями, или клубами, и совместно осваивают дербиширские пустоши. Насколько я знаю, существует две категории «походников» — обычные туристы и любители гроз.

И если первые планируют свои путешествия в соответствии с погодными условиями, то вторые, словно нарочно, ищут трудностей. Для них самое большее удовольствие — спуститься «с гор» воскресным вечером, когда тьма уже окутывает улицы Манчестера и Шеффилда. Выглядят они при этом так, будто их продувало всеми ветрами и окунало во все горные ручьи, а напоследок протащило через ограждения из тонкой проволоки и бросило в сражение с дюжиной егерьей со сторожевыми псами. Их лица светятся триумфом победы над превратностями судьбы. Эти бесстрашные любители гроз — с их взъерошенными волосами, румяными лицами и горящими глазами — служат живым укором изнеженным обитателям больших городов, которые даже в выходные дни не покидают любимых кушеток.

В этих людей, и парней, и девушек, невозможно не влюбиться!

В течение рабочей недели покорители Края Пиков кажутся вполне обычными людьми, которые ходят на службу в банки, магазины и на фабрики. Но вот когда наступает воскресенье — тут они превращаются в настоящих завоевателей! Обычно они являются сущим кошмаром для своих домовладелиц. Поднимаются еще до рассвета, нарезают мясо для сэндвичей, наполняют кипятком термосы, грохочут по лестницам тяжелыми башмаками и, вооружившись походными посохами (которые побывали уже на десятках вершин), радостно отбывают в поисках новых испытаний. Их одежда, как правило, символизирует протест, их брюки — это декларация независимости.

Мне кажется, я понимаю, почему этих молодых людей влечет Край Пиков. Полные трудностей и опасностей походы помогают им избавиться от раздражения, которое вызывает противоестественная жизнь в больших городах. Таким образом, Дербишир

играет роль своеобразного предохранительного клапана для Манчестера и Шеффилда. Там, на самой крыше северного края, еженедельно встречаются сотни ланкаширцев и йоркширцев: они вместе пьют пиво или горячий чай, едят крутые яйца вперемешку с консервированными ананасами и распевают походные песни.

Тем временем девушка покончила с яйцами.

В зал заглянула хозяйка гостиницы и сообщила массу новостей. Оказывается, мисс Джонс прошла этим путем еще рано утром — она намеревалась обойти кругом Скаут. Мистер Браун и «его молодая леди» отправились верхней дорогой в Идейл, а миссис Робинсон собиралась вернуться пораньше, потому что вечером ей предстоит принимать участие в концерте духовной музыки. Что же до другого мистера Брауна, то он еще не появлялся.

(Край Пиков хорошо знает своих энтузиастов — не хуже, чем они сами знают Край...)

Дождь за окном, похоже, усилился.

— Сегодня на Скауте сыро, — произнесла прекрасная амазонка, ни к кому не обращаясь.

Я рискнул откликнуться:

— Дождь хорошим ходакам не помеха!

— Я обожаю гулять в дождь, — заявила девушка, и это стало началом нашей беседы.

Куда я направляюсь «на это воскресенье»? В Идейл. Мне надо забрать оставленную там машину. В этом месте моя собеседница поморщилась (любители гроз ненавидят автомобили и презирают велосипеды). И какой дорогой я планирую идти? Через Роттен. Вот это напрасно! Ей известен куда более удобный путь, и если я пожелаю... Конечно же, я пожелал.

— Позвольте вам помочь?

Ответом мне стал еще один возмущенный взгляд. Девушка ловко вскинула рюкзак на спину, повела плечами на манер бывалого пехотинца, утверждая ношу на положенном ей месте, и весело застучала своим ясеневым посохом по булыжникам. Мы решительно направились в сторону пустоши...

— Вперед! — воскликнула девушка. — Вот только башмаки у вас неподходящие — будут скользить на склонах.

Бледная амазонка вышагивала не хуже тренированного мужчины. Она обладала тем неспешным, устойчивым шагом, которому специально обучают в швейцарских альпинистских клубах. Я с восхищением поглядывал на ее залитый дождем профиль. Если у нее был младший братишка, то в эту минуту она наверняка на него походила.

По дороге мы разговорились. Девушка сообщила, что работает секретаршей. Это показалось мне абсурдным. Трудно было представить, что какой-то начальник диктует письма по поводу хлопчатобумажных отходов этой вольной Диане, с легкостью покоряющей вершины! (Хотя мне говорили, что по понедельникам любители гроз превращаются в обычных людей и даже выглядят иначе.) Мы шагали по узким тропинкам через пустоши, преодолевали горные ручьи — коричневые ручьи с круглыми, гладкими камнями на дне — и разговаривали, как двое попутчиков-мужчин.

Возле мокрой каменной стены нам повстречались еще двое туристов — мужчина и женщина из Нью-Миллс. Выяснилось, что они приехали сюда на поезде, а сейчас направляются в Идейл, откуда у них забронированы обратные билеты. Дальше мы пошли вместе. Беседа вертелась вокруг их прошлых походов: обсуждали, каков бывает Край Пиков зимой и летом; вспоминали недавний случай, когда на Киндер-Скауте пропал один из туристов — и как все «походники», объединившись,

прочесывали цепью каждый клочок холма, пока не обнаружили мертвое тело товарища.

В конце концов мокрые, покрасневшие, мы пришли к маленькой гостинице — конечному пункту нашего путешествия. Внутри было не продохнуть от табачного дыма. Небольшая по размеру комната оказалась битком забитой мужчинами и женщинами в различной стадии изнеможения. В жизни не видал более здорового и вдохновляющего зрелища!

Рюкзаки кучей свалены на полу, рядом красовалась коллекция разнокалиберных посохов. На столе покоились остатки общего пиршества — в основном вареные яйца и консервированные фрукты. Мужчины пили пиво, женщины прихлебывали горячий чай из высоких пивных кружек, которые показались мне даже толще, чем знаменитые кубки из Кру. Одни приехали из Манчестера, другие из Шеффилда. Кто-то путешествовал в одиночку, кто-то в большой компанией. Здесь можно было увидеть как одиноких девушек и парней, так и мужей с женами, попадались и влюбленные парочки, приехавшие на романтическую прогулку. Какой-то юноша поднялся и предложил хором спеть. Все охотно откликнулись на его призыв, и вскоре в комнате уже звучала песня: «Чем больше мы будем вместе, будем вместе мы, будем вместе...»

Ланкаширцы и йоркширцы пели на редкость слаженно и душевно. Похоже, что тридцатимильная прогулка под дождем никак не отразилась на их голосовых связках.

Наконец кто-то бросил взгляд на часы. Время отправляться на вокзал! Все поднялись (и моя амазонка тоже), скользнули в лямки своих походных рюкзаков, крепче сжали в руках ясеневые палки и тяжело затопали на выход. С улицы, где по-прежнему шел дождь, донеслась их веселая песня...

Жители маленькой дербиширской деревушки под названием Им до сих пор говорят о Лондонской чуме так, словно это случилось на прошлой неделе. Пожалуй, Им — последнее место на карте Англии, где сохранились живые воспоминания о страшном поветрии 1665 года.

Собственно, вся деревушка состоит из одной улицы с каменными домами, которая притаилась в узком ущелье среди высоких холмов. Здесь есть церковь, обнесенный стеной господский дом и куча полуразрушенных строений. Заглянув в церковь, я познакомился с ее престарелым сторожем. Подобно остальным жителям деревни, он сразу же завел речь о Чуме.

— Вы знаете, — говорил старик, — мы оставляли деньги на дне колодца, чтобы вода могла их отмыть. Люди из соседней деревни приносили нам еду — клали возле колодца, а деньги забирали. Для дезинфекции мы добавляли в воду для питья уксус... кошмар! И каждый ужасно боялся подцепить заразу...

(И опять же — он рассказывал так, будто речь шла о прошлогодней эпидемии гриппа!)

В сознании современных англичан Великая чума (равно как и последующий Великий пожар) — нечто такое, о чем говорится в дневниках Пипса, да в замечательной книге Дефо «Дневник чумного года». Пожалуй, память о том печальном событии сохраняется еще в обычае украшать душистыми травами здание Гилдхолла на Михайлов день, когда проходит церемония переизбрания лондонского лорд-мэра. Но в любом случае для нас это дела давно минувших дней. В Лондоне столько всего приключилось со времен правления Карла II, что чума отодвинулась в прошлое, стала не более чем воспоминанием. Однако для Има это последнее по времени знаменательное событие!



Вот как все происходило.

Осенью 1665 г. деревенский портной получил из Лондона сундук с заказанными тканями. Они оказались отсыревшими, и портной отправил слугу посушить ткани у костра. Вскоре несчастный слуга заболел и умер, за ним последовали и остальные домочадцы портного. Так ужасная болезнь пришла на дикие ветреные пустоши Дербишира.

Люди жили в страхе. Никто не знал, кто окажется следующей жертвой заразы. Каждое утро начиналось с того, что люди осматривали себя и близких в поисках набухших желез — эти шишки в буквальном смысле слова стали предвестниками близкой смерти. Стоит ли удивляться, что многие жители побросали дома и укрылись на пустошах. Они стремились как можно дальше уйти от родной деревни, которая в одночасье стала средоточием ужаса.

Но затем в деревне произошло некое событие, которое ставит Им на первое место среди всех отважных английских деревень.

Местный приходской священник по имени Уильям Момпессон понимал, что массовое бегство людей способствует распространению заразы на север Англии. И тогда он собрал односельчан и убедил остаться в деревне, дабы бросить вызов страшной эпидемии. Он пообещал, что и сам останется со своей паствой. Момпессон очертил круг радиусом в одну милю: обитателям деревни запрещалось пересекать эту линию. Никто не имел права выйти за границу — ни мужчина, ни женщина, ни ребенок. В нескольких местах были устроены хранилища для пищевых продуктов. В назначенное время сюда приходили жители соседних деревень и оставляли еду. Так Им кормился.

На воззвание Момпессона откликнулись триста пятьдесят человек — ровно столько прихожан осталось с пастором. Болезнь свирепствовала двенадцать месяцев.

Когда же она окончилась (так же внезапно, как и началась), выяснилось, что двести шестьдесят семь человек погибли.

Только восемьдесят три человека сумели пережить страшную эпидемию. Именно они и поведали миру историю кошмара длиной в целый год.

Наверняка в Англии сыщется немного деревень, которые в час тяжкого испытания проявили бы столько отваги и гражданского мужества...

Я прохаживался по Иму и все пытался представить себе картину ужасного бедствия, что некогда постигло деревню. Честно говоря, удавалось это с трудом. Сегодня поселение выглядит таким мирным и уютным. На улицах слышен детский смех, окна настежь распахнуты. Лица людей, которые время от времени в них мелькают, кажутся спокойными — если чем и омрачены, то лишь повседневными заботами. Но затем я вспоминаю, что это те самые окна, мимо которых ежедневно катились чумные дроги, доверху наполненные трупами. Мужья хоронили своих жен, а дети родителей...

Странно также видеть чистые, ухоженные домики, которые в любой другой деревне носили бы название «Дома роз» или «Сиреневый коттедж». Здесь все они называются «Чумными». Я заглянул в один такой дом, где сейчас размещается кондитерский магазин, и уже не удивился, когда продавщица, молодая девушка, завела разговор о чуме. Причем говорила она в том же тоне, что и церковный сторож — будто все это приключилось только вчера. Уверен, что первая (и главная) история, которую узнает любой ребенок из Има — это рассказ о чуме 1665 года.

События того далекого времени оставили неизгладимый шрам в памяти деревни, о них будут помнить вечно. Мне рассказывали, что среди жителей

Има до сих пор живет страх перед заразой (в последнем поколении он даже ощущается сильнее, чем прежде). Если кому-то случится откопать в поле чьи-то кости, то их торопят поскорее перезахоронить, ибо люди по-прежнему боятся инфекции.

Среди тех, кто погиб во время эпидемии, была и Кэтрин Момпессон, жена героического пастора. Имя ее до сих пор вспоминают в деревне. Мужественная женщина отправила шестерых детей к родственникам, а сама осталась с мужем. Потрясающим по своей силе документом служит сохранившееся письмо пастора к «милым детям», в котором он сообщает о смерти матери и перечисляет ее многочисленные добродетели — «дабы дети сохранили в памяти драгоценный образ Кэтрин и смогли унаследовать ее лучшие черты».

Я посетил маленькое деревенское кладбище, которое, на мой взгляд, является самым трогательным памятником грозных событий 1665 года. Кладбище расположено в поле, поодаль от Има. Чтобы уберечь от случайного вторжения овец и другого домашнего скота, участок огородили низкой каменной стеной. Кучка старых могил, поросших зеленой травой, представляла бы собой мирную, идиллическую картинку, если бы не атмосфера спешки и печали, которая до сих пор их окружает. Здесь я наткнулся на захоронение семьи Хэнкок: за восемь дней у них умерли семь человек.

Я долго стоял посреди кладбища, разглядывал старые, покосившиеся кресты. И мне показалось, что я начал лучше понимать, каково это — прожить целый год взаперти, один на один с жуткой, неотвратимой угрозой. Однако, думается, в полной мере никому не дано познать, сколько мук пришлось претерпеть жителям деревушки за этот год, и как героически они сражались со смертью во имя веры и христианской любви к ближнему.

А ведь дикие пустоши — безлюдные и безопасные — были совсем близко! Люди могли их видеть из своих окон, и наверняка у них не единожды возникало искушение бросить все и бежать подальше от этого проклятого места, где смерть, непрошенная гостья, ходила между домами и собирала свою тяжкую дань.

Будь в нашей стране принято награждать населенные пункты крестом Виктории, я бы, не задумываясь, присудил эту награду маленькой деревушке Им — за то холодное и взвешенное мужество, которая она проявила в годину страшных испытаний.

## 6

Клубы дыма валили из десятков высоких труб. Клубы эти были разноцветными — черные, серые, коричневые, с редкими проблесками белого пара, и они накладывали свой отпечаток на окружающий пейзаж: небо казалось темнее, солнечный диск едва проглядывал сквозь дымную пелену, а очертания холмов превращались в размытые тени. Пока я созерцал эту апокалиптическую картину, рядом со мной остановился житель Шеффилда и весело произнес:

— Ну, кажись, дела пошли на лад! Мы потихоньку выкарабкиваемся..

Дым для местных жителей — то же самое, что и интенсивность движения по Главной портовой дороге для ливерпульцев. Это своего рода барометр благосостояния. Чем чернее дым над Шеффилдом, тем светлее и радостнее лица горожан. Чем гуще эти клубы, тем реже толпы безработных, ошивающихся на каждом углу города. По мере того как одна за другой оживают фабричные трубы, и оранжевые сполохи из заводских топок разгоняют ночную темноту, город восстает от мрачного сна, и людские сердца наполняются надеждой.

Мрачное уродство промышленного центра не лишено странного, своеобразного величия. Оно и понятно: вы не сможете выпускать оружейные щиты в розовом саду. И мне кажется очень правильным и справедливым, что огромные пушки и снаряды, которыми они расстреливали человеческую плоть во время войны, изготавливаются именно здесь, в Шеффилде. Ибо город этот никогда не претендовал на роль записного красавца, он всегда был и остается холодным, тяжеловесным королем стали. Шеффилд — гигантское обиталище станков, которые всячески измываются над сталью — проделывают в ней дырки, гнут и нарезают ее длинными, изогнутыми лентами с той же легкостью, с какой нож режет хлеб.

Странное впечатление производит город по вечерам: он выглядит совсем нечеловеческим. Высятся мрачные, черные трубы, зловещим пламенем тлеют заводские печи-вагранки, время от времени выбрасывая в небо длинные, змееподобные языки пламени. Кажется, будто город построили не люди, а трудолюбивые кузнецы-гномы. И тем не менее Шеффилд — одно из самых впечатляющих свидетельств власти человека над силами природы.

Он представляет собой полную противоположность тихим соборным городам, таким как Йорк и Кентербери.

Сталь является самой основой существования Шеффилда. Здесь все связано с ее производством и преобразованием во множество нужных и полезных вещей. В последнее время все чаще ведутся разговоры о зависимости человека от машин. Глядя на Шеффилд, можно было бы предположить, что его населяют такие же холодные и бездушные люди, как и те умные станки, которыми они управляют. Ничего подобного! Человеческая природа в очередной раз опровергает заумные гипотезы высоколобых теоретиков. В Шеффилде живут очень веселые и энергичные люди.

Многие из них приехали из Шотландии и соседних графств. Они радостно улыбаются сквозь клубы разноцветного дыма. Чем больше дыма на улицах Шеффилда, тем шире улыбки на лицах его обитателей.

А еще шеффилдцы обожают своих женщин. И то сказать: прелестное девичье личико под задорной красной шляпкой гораздо больше радует глаз, когда оно возникает на фоне иссиня-черного дыма. Здесь оно выглядит подлинным подарком судьбы...

Огромные жароустойчивые горнила, соединяющие топки с изложницами, дымятся от жара расплавленного металла. Вот они медленно накрываются, и жидкий металл течет в сторону форм, там он остывает, затвердевает. И пожалуйста — Шеффилд выдал на-гора еще одну броневую плиту или пушку. Очередной вклад в дело победы над врагом!

Самой крупной деталью, которая производится на шеффилдских заводах, является стальной колесный бандаж для железнодорожных составов. А самой мелкой, наверное, будут граммофонные иголки.

На изготовление одной такой иголки уходит целый месяц, а срок службы ее составляет едва ли пять минут. Ученые установили множество интересных подробностей из жизни этого деликатного изделия. Оказывается, за время воспроизведения одной записи граммофонная иголка пробегает путь длиной в семьсот двадцать футов, и при этом нагрузка на нее составляет три с половиной унции. Поскольку площадь острия иголки (если тут вообще уместно говорить о площади) чрезвычайно мала — примерно три тысячных дюйма, то давление составляет колоссальную цифру — двенадцать тонн на квадратный дюйм. Сами понимаете, какой прочностью должна обладать иголка при таких нагрузках. Обычно их изготавливают из специальной закаленной стали.

Я побывал на фабрике и понаблюдал за процессом изготовления граммофонных иголок. На моих глазах девушки брали пучки тонкой стальной проволоки около фута длиной и пропускали их через устройство, которое каждый кусок проволоки заостряло с обоих концов. Следующий станок «откусывал» заостренные концы, получая, таким образом, по две иголки с каждого куска проволоки. Что дальше? А дальше все повторялось сначала: куски проволоки снова заострялись и шли на «обрезку». Так продолжалось до тех пор, пока из-под резца не выходила последняя пара иголок.

Миллионы заготовок выкладывались на особые подносы и отправлялись в недра раскаленной печи. Здесь иголки раскалялись до ярко-оранжевого цвета, по их поверхности пробегали ослепительные искры. Выждав, когда заготовки в достаточной степени прокалятся, подносы накрываются и сбрасывают их в масляную ванну. Так происходит процесс закалки.

Затем иголки полируются на специальных токарных станках. Через месяц после того, как проволоку заострили и настругали, граммофонные иголки готовы к исполнению «Зампы».

Боюсь, я настолько увлек читателей описанием шеффилдского дыма, что они позабыли о главном достоинстве этого города — я имею в виду ту легкость, с которой можно из него сбежать. Ровно полчаса понадобилось нам с моим приятелем-шеффилдцем, чтобы попасть из самого задымленного пекла на безлюдные и прохладные вересковые холмы. Я не знаю другого крупного промышленного города, который бы предлагал столько легких и быстрых путей к отступлению.

Кроме того, Шеффилд знаменит своими живописными пригородами — здесь тоже ему нет равных (если не брать в расчет Бристоль).

И все-таки главной отличительной особенностью Шеффилда, его, так сказать, визитной карточкой, является дым. У большинства англичан само имя города ассоциируется с клубами разноцветного дыма — черным, белым, серым, коричневым. Если приглядеться повнимательнее к этим клубам, то можно разобрать в них очертания канонерских лодок, крейсеров и пушек, безопасных лезвий для бритвы, ножей и вилок, граммофонных иголок, гальваностереотипов и множества других вещей, больших и маленьких, которые человеческий гений научился извлекать из самого сердца твердой, неподатливой стали.



## Глава двенадцатая

### Бирмингем по Диккенсу

*Бирмингем и способ, каким этот город хранит свои деньги. Читателю предстоит заглянуть на «Булл ринг» субботним вечером, оживить свои воспоминания о Чарльзе Диккенсе и узнать кое-что новое о мячах для гольфа, машинах и ювелирных изделиях.*

Бирмингем...

Поезд замедляет ход. Пассажиры в вагоне-ресторане начинают суетиться со своим багажом — перед ними уже маячит сладостный призрак предместья Эджбастон. Предвкушение радостных встреч и домашнего уюта озаряет их простые, честные лица. Болтливый коммивояжер прикидывает в уме, что времени еще достаточно, и при известной доле везения он успеет опрокинуть пятую рюмку виски с содовой. А поезд все тормозит.

Вечереет. Солнце незаметно скрывается в туманной дымке, окутывающей город. Чудесные зеленые долины Уорикшира остались позади, им на смену пришла черная земля. Теперь до самого горизонта тянутся мрачные городские улицы, фабричные здания отсвечивают желтыми окнами. Глаз пытается охватить суевликий каменный муравейник, в котором мужчины и женщины как раз завершают свой рабочий день.

Коммивояжер ставит пустой стакан на обтянутую зеленым сукном столешницу и говорит:

— Бирмингем не похож на другие города. Здесь производят все на свете, за исключением кораблей... Буквально от булавок до железнодорожных вагонов. Именно поэтому Бирмингем не страдает от безработицы,

как другие промышленные города. Здесь всегда что-нибудь да делают.

Он поднимается из-за стола и подхватывает свой саквояж.

— Но это еще то местечко, доложу я вам, — продолжает он. — Уж коли вы умудритесь продать свой товар в Бrame, как мы его называем, то можете спокойно ехать в любой город на земле.

Он поднимает с пола второй саквояж.

— Больно они здесь несговорчивые! — жалуется коммивояжер.

Он исхитряется подхватить и третий чемодан, после чего окидывает вагон-ресторан быстрым взглядом и шепчет на прощание:

— Гнилая дыра! Ненавижу этот город. В десять часов вечера все уже спят!

Поезд ныряет в темный туннель, чтобы вынырнуть в мрачной оранжерее под названием вокзал Нью-стрит. Мы прибыли точно по расписанию — ровно через два часа после отхода из Юстона!

Я спустился на платформу, ощущая смутное волнение в душе. Наверное, это было ожидание встречи с успешным, преуспевающим бизнесменом, который добился успеха ценой долгих лет упорного труда, самоотречения и изворотливости. Бирмингем!

Это город, который совсем недавно вошел в английскую историю благодаря своим медным кроватям. Город, который защелкнул металлические браслеты на запястьях африканских вождей и прогнал тропических богов. Город, на чьих пуговицах держатся брюки всех мужчин на земле... чьи булавки безотказно служат всемирному прогрессу, а гвозди годятся как для гробов, так и для детских колыбелек.

— Эй, держитесь левой стороны!

Оглянувшись, я прочел негодование на усатой физиономии полицейского. Оказывается, я со своим

безошибочным инстинктом урожденного лондонца нарушил святое правило «левой стороны». Да еще в самом центре, на длинной пешеходной Нью-стрит! Неслыханное преступление! Бирмингем — дисциплинированный, законопослушный город.

Первое, что бросается в глаза приезжему, — лилейно-белая фигура уличного регулировщика. Он нарядился, словно для выступления в русском балете: белые перчатки, шлем, начищенный белой глиной, и белый, до пят, форменный макинтош.

Эти призрачные полицейские могли бы служить символом Бирмингема. Они раскрывают всему миру главный секрет города: ничто на свете так не мило сердцу бирмингемца, как легкий флирт со свежими муниципальными идеями! Красотка в новом платье не идет ни в какое сравнение с новациями комитета по благоустройству города. Он постоянно предлагает то непривычную раскраску указательных столбов, то усовершенствованную модель полицейского свистка, то новый блокнот для инкассаторов по счетам на год — все, что позволит кучке бизнесменов, управляющих этим отлично организованным городом, с чувством исполненного долга обменяться рукопожатием и хором воскликнуть: «Вперед, ребята!» Неплохой способ почтить священную память Джозефа Чемберлена, первого короля Бирмингема.

На мой взгляд, самым выдающимся зданием Бирмингема является здание мэрии. Оно стоит, словно погруженное в размышления: а не припустить ли вниз по Хилл-стрит с надеждой захватить последний поезд на Рим. Его строгое, классическое величие убивает наповал все соседние здания. Дух захватывает, когда глядишь на эти высокие колонны, меж которых залегли глубокие тени. Вечерний полумрак выигрышно подчеркивает его благородные пропорции. Если вам доводилось лицезреть претензию Парижа на античность

(церковь Мадлен, она же Святой Марии Магдалины), тогда вы можете себе представить, как выглядит здание бирмингемской мэрии...

У подножия крутого холма раскинулся крытый рынок «Булл ринг» — на том самом месте, где торговали еще древние саксы. Рядом с ним примостилась церковь, и я почти уверен, что среди миллионного населения города едва ли сыщется двадцать тысяч жителей, которые хоть однажды заглядывали внутрь этой церкви.

А между тем возле алтаря дремлют четыре каменных изваяния — трое в рыцарском облачении, один в церковном. Это старые лорды де Бермингема, первые хозяева местного феодального поместья. Они лежат в церковной тишине — всеми забытые и покинутые, и сами того не ведают, что давным-давно, в глубокой древности заложили этот огромный, могучий город.

## 1

Достаточно провести в Бирмингеме десять минут, чтобы понять: города как такового попросту не существует. Это миф! Я не могу припомнить ни одного города такого масштаба (а это, как-никак, город-миллионник!), в котором размах муниципальных предприятий сочетался бы с полным отсутствием гражданского величия. Такое возможно только в Бирмингеме! Однако пройдет еще несколько дней, и ваше мнение поменяется. Вы осознаете, что пусть даже города в традиционном понимании не существует (имеются в виду просторные площади и широкие проспекты), но то, что есть — серия промышленных районов, объединенных общим трамвайным сообщением, — по-своему грандиозно. Ведь это ни много, ни мало, а величайшая мастерская планеты!

Стоит лишь забрезжить рассвету, как улицы Бирмингема оглашаются пронзительным скрипом и звоном. Первые трамваи вышли на свои маршруты. Ежедневно они оживляют человеческим присутствием сорок три тысячи шестьсот акров бирмингемской площади. С утра до вечера эти трудяги, битком забитые толпами в одинаковых матерчатый кепках, бегают по мрачным городским улицам, ненадолго останавливаясь на перекрестках, чтобы выпустить наружу очередной взвод необъятной армии бирмингемских рабочих.

По пути я незаметно любовался руками своих попутчиков. Это умелые, мастеровые руки, приспособленные для того, чтобы управлять сложными станками и создавать из расплавленного металла массу полезных предметов. Они выполняют миллион всяческих дел, потребных миру. Вот Бирмингем — настоящий, реальный Бирмингем!

В трамвае множество девушек — невысоких, крепких, с проворными пальчиками, поднаторевшими в кропотливом труде на упаковочном конвейере. С утра это веселые, звонкоголосые девушки — независимые, смешливые, полные энергии, которая заметно угаснет к концу рабочего дня.

В центре города множество старых жилых домов, которые пятьдесят лет назад были переоборудованы под рабочие мастерские. Здания эти стоят с недовольным, кислым видом аристократов, знававших лучшие дни. Они еще помнят, как в их столовых закатывались званые обеды! Вы едете дальше, а за окном сплошное тусклое однообразие — один район сменяется другим, каждый со своим миниатюрным торговым центром. Вы видите, как постепенно, на волне промышленного процветания, разрастался Бирмингем. Это город с георгианской сердцевиной и викторианской кирпичной оболочкой.

В конце концов вы добираетесь до самых окраин, безобразных индустриальных скоплений, каждое из которых представляет из себя самостоятельный городок. Маленькие домики жмутся друг к другу, окружая огромные каменные постройки с высокими дымящимися трубами. Здесь люди живут бок о бок с машинами. Вдалеке можно разглядеть зеленые поля и холмы, слегка поблекшие от фабричного дыма. Кажется, будто они замерли в тревоге, гадая, сколько им еще удастся продержаться перед тяжелой, победоносной поступью промышленного Бирмингема...

Постепенно улицы города пустеют. Человеческие голоса смолкают, их сменяют всевозможные механические шумы.

Больше всего это похоже на кормежку какого-то чудовищного монстра. Из мастерских и заводских помещений доносится гудение конвейеров, лязг и грохот станков. На ваших глазах складывается замысловатая головоломка центральных графств Англии. Сложная механика приходит в движение: здесь выпускаются варганы и корсеты, заклепки и пуговицы, стальные ручки и гильзы, каретки и обручальные кольца, автомобили и мотыги, винтовки и колыбели.

Наверное, в мире не существует вещи, которая бы здесь не производилась.

Мелкие работодатели приезжают на трамваях. В девяти из десяти случаев они выглядят и разговаривают, как простые подрядчики. И почти всегда могут продемонстрировать своим подрядчикам, что и как работает. Это потому, что двадцать лет назад такой хозяин и сам стоял у станка. Крупные предприниматели приезжают в роскошных лимузинах, но этим разница и исчерпывается. Они тоже принадлежат к тому самому рабочему типу: люди, выросшие и разбогатевшие в Бирмингеме, их мнения и внутренние убеждения сформировались в Бирмингеме, они досконально знают

свой бизнес изнутри. Иначе и быть не может, ведь их дело составляет суть самой жизни.

В этом заключается одна из особенностей (и, пожалуй, главная добродетель) Бирмингема: дедушки нынешних фабрикантов столетие назад прибыли в город, не имея запасной рубахи. Единственная аристократия, которая существует в Бирмингеме, — это аристократия успешного предпринимательства. Дед честно и упорно трудился и в конце своей жизни пришел к тому, что уже другие люди стали работать на него. Его сыновья унаследовали и приумножили дедовское состояние. Они тоже всю жизнь вкалывали и передали дело своим сыновьям — просвещенным молодым людям, обучавшимся в Оксфорде. И теперь уже от них зависит, что будет с семейным бизнесом в будущем — рухнет оно в пропасть коммерческой неудачи или вознесется на новые вершины...

Теперь вы, наверное, понимаете, почему в Бирмингеме всего три фешенебельных улицы (да и те довольно короткие). Этот город не только чересчур занят работой, чтобы заботиться о внешней красоте и величии, но в нем еще и не хватает местной элиты — тех самых миллионеров, которые бы швыряли деньги на возведение роскошных домов и модных магазинов. Бирмингем — город сдержанных людей и весьма умеренного богатства. И, как мне показалось, богатство это более равномерно распределено между всеми жителями, чем в других крупных индустриальных городах.

В Бирмингеме вы не обнаружите внешнего, показного блеска. Скорее, это город-трудяга, очень полезный город — такой, который заботится больше не о собственной внешности, а о достигнутых результатах. Он меряет жизнь меркой материальных достижений. Человек великой учености или же эстет с обостренным

чувством прекрасного навряд ли захочет жить в Бирмингеме. Ибо город этот представляет собой хорошо смазанный, отлаженный механизм, который нацелен сугубо на производственный процесс.

Здесь нет старинных развалин или других туристических достопримечательностей. Если в Бирмингеме и можно чем-то восхищаться, так это энергией и напором трудолюбивых жителей. Чем удивить заезжего иностранца в Бирмингеме? Разве что достижениями муниципальных властей — новенькими омнибусами с крытым верхом и пневматическими шинами, неожиданными мундирами полицейских, да еще, пожалуй, замечательной валлийской водичкой, которую доставляют сюда за семьдесят три мили (вода действительно вкусная и, слава Богу, никак не сказывается на местном произношении). Но порой — время от времени — вам случается обратить внимание на лицо, выделяющееся из толпы особым, ярким выражением... лицо, которое принадлежит не Бирмингему, а всему человечеству. И тогда вы понимаете, что под маской вечной занятости здесь тоже скрывается человеческая драма с ее надеждами, успехами и отчаянием. Просто бирмингемцы, эти дисциплинированные труженики, привыкли держать свои чувства под контролем и подчинять их высшим целям.

Повторюсь: в Бирмингеме работа составляет самую суть жизни.

В каждом городе существует такое место, куда людские толпы устремляются по субботним вечерам. Блаженное время, когда рабочий день завершен, а карман греет недельный заработок (или хотя бы его часть).

Для многих и многих тысяч горожан это единственная возможность социального общения,



которая выдается в течение недели. Интересно отметить, что подобные места встреч почти всегда располагаются в самой старой части города. Как правило, это бывшие рыночные площади, которые сохранили свое очарование для рабочего люда и после того, как возникли новомодные торговые центры и всевозможные универмаги. Люди все равно приходят туда, где собирались их отцы и деды. Для Бирмингема таким местом является «Булл ринг»...

Восемь часов вечера.

Расположенный у подножия крутого склона, «Булл ринг» напоминает чашу, до краев наполненную жизнью. В центре площади и по периметру расположены торговые прилавки, а между ними медленно перемещаются тысячи горожан. Понаблюдав за ними совсем недолго, вы отмечаете характерную особенность бирмингемской толпы: она кажется почти бесшумной! Люди, как обычно, расхаживают туда-сюда, теснятся у лотков, смеются, разговаривают, покупают пучки сельдерея, картошку и копченую селедку, временами заходят в паб опрокинуть рюмочку спиртного, затем снова возвращаются в толчею, но при этом почти не производят шума! Гуляния происходят в традиционной бирмингемской манере — спокойно и дисциплинированно.

На площади стоит статуя Нельсона, которая выглядит хорошо сохранившимся, чисто вымытым обломком кораблекрушения. Под ней обычно проходят религиозные митинги и выступления ораторов. Здесь вы можете послушать какого-нибудь апологета большевизма, которые нет-нет да объявляются в больших городах. Хотя, вообще говоря, бирмингемцы не слишком интересуются политикой. Экстремистские лозунги не находят здесь отклика — наверное, это объясняется продуманной позицией городских властей, которые делают много хорошего для города (пусть даже

они и восславляют Господа посредством новой шпонки на лыске...)

— Подходите, мэ! Купите парочку селедок для своего старика! Взгляните, какие красавицы! Вы только понюхайте, пощупайте! Давайте-давайте, не стесняйтесь...

Вот в такой непринужденной манере обращаются к покупателям лондонские лоточники. Они стремятся окружить себя атмосферой напористого, фамильярного веселья. Другое дело бирмингемские торговцы — люди строгие, печальные, пожалуй, даже угрюмые. Если они и разговаривают с покупателями, то, как правило, ограничиваются отрывистыми, лаконичными замечаниями по существу. Такими как: «Бананы! Пенни за штуку... Только что доставлены с Канар!»

Здесь не принято в корыстных целях осыпать женщину пылкими комплиментами (как делается в Лондоне). Бирмингем не знаком с романтическими методами продажи трески. Возможно, потому, что местные закупщики, более добросовестные, чем их столичные коллеги, не гнушаются самолично проверить товар перед тем, как везти его в лавку.

Некое сдержанное веселье все же присутствует на «Булл ринг», однако это не общее веселье толпы, а, скорее, его проблески у отдельных личностей...

Трепещет на ветру пламя газовых и парафиновых светильников, бросает неровные отсветы на белые лица прохожих. Почти все мужчины в кепках, надвинутых на самые глаза, на шее у них — нарядные шейные платки или жесткие воротнички с галстуками. Рядом шествуют жены с корзинками, в которых круглятся кочаны капусты. Молодые девушки прогуливаются парочками, они хихикают и украдкой бросают взгляды туда, где сбилась стайка неуклюжих юнцов. Что поделать, молодость есть молодость! И повсюду, даже в Бирмингеме, она ведет себя одинаково.

Вы смотрите на сотни матерчатых кепок, которые текут непрерывным потоком, время от времени меняя его конфигурацию и рисунок. Затем вглядываетесь в сотни лиц, объединенным одинаковым выражением, и тут вас посещает мысль: так могла бы выглядеть толпа роботов из ночного кошмара. Вы представляете, как злобный вампир по имени Технический Прогресс заманивает в свои сети людей и высасывает из них кровь, а вместе с ней и жизнь. Затем равнодушно — словно это кучка ненужных гаек и гвоздей — выплевывает то, что осталось. И вот они — эти жалкие пустые оболочки, обряженные в одинаковую одежду, и снабженные одинаковым выражением лиц — медленно бродят по окружающему миру и в поисках субботней еды забредают на «Булл ринг».

Вы не видели подлинного Бирмингема, если не побывали на его знаменитой барахолке. В Лондоне нигде не встретишь такой толпы, как та, что заполняет огромный крытый рынок в Бирмингеме. Проходы между прилавками плотно забиты людьми, которые не всегда могут пошевелиться, не то что перейти с места на место. Воздух пропитан запахами мятных леденцов, свежего пива, старой, поношенной одежды, с едва уловимыми (но чрезвычайно важными) ароматами жареного картофеля и лука.

Возле входа обосновались торговцы фарфором. Здесь можно найти все, что угодно. Достаточно лишь взглянуть на здешние «богатства», чтобы понять, откуда берутся все те жуткие безделушки, которые украшают каминные в многочисленных меблированных комнатах. Взять хотя бы эту парочку фарфоровых влюбленных в костюмах восемнадцатого века — ах, как трогательно они кланяются друг другу! Или вот эти невероятные псевдобронзовые кони: судя по яростному оскалу на их мордах, они готовы разорвать в клочья своих предполагаемых седоков. А еще здесь без числа кружек

и ваз самого разнообразного цвета, калибра и степени бесполезности...

— Обратите внимание на эту вазу! — кричит аукционист, предлагая вниманию зрителей несусветную урну с золотой инкрустацией. — Ну, разве не прекрасная штучка? Продается всего за пять шиллингов! Есть желающие?

Толпа безмолвствует.

— Да вы только посмотрите на нее! — распинается аукционист. — Где еще вы найдете такое чудо? Вещь что надо, уж я-то в этом разбираюсь. Ну, хорошо... а если за полкроны?

И ведь находится-таки покупатель! Я представляю, как в маленьком безликом домике эту «вещь» поставят на каминную полку, и будут годами вытирать с нее пыль, оберегать от падения, может быть, даже любить. И наверняка даже в самые тяжкие времена станут тянуть до последнего, прежде чем решатся отнести ее в ломбард.

Судя по тому, как переминается публика в передних рядах, накал аукциона спадает. Пора потихоньку двигаться в глубь барахолки, где уготовано еще немало развлечений. Можно снять пробу со сливочных тянучек, которые пахнут так, что слюнки текут; или покопаться в развалах разнообразной железной дребедени; или же, наконец, обратиться к книжному прилавку, где выложены дешевые бульварные романы с такими многообещающими названиями, как «Последний шанс Поппи» (на суперобложке изображена сама Поппи на пороге решающего события), «Запретная любовь» или «Последнее слово ее любовника».

Толпа напирает, сжимается и потихоньку перетекает на новое место. Здесь правит Бог Торговли. Тюлевые занавески разлетаются с невероятной скоростью. Рядом продается одежда — новая и поношенная... Тут же можно найти траченные молью меха, шелковые чулки,

старую обувь. Странно, что нигде не видно евреев-спекулянтов...

Но вот время близится к закрытию. На барахолке появляется один из нарядных полицейских, и привыкшая к послушанию толпа начинает рассасываться. Огромный ангар постепенно пустеет. Торговцы фарфором позволяют себе наконец промочить горло и принимаются пересчитывать груды вырученного серебра. Торги закончены! Субботний вечер, который нельзя назвать особенно веселым (но он и не грустный — просто обычный, как всегда), подходит к концу.

Барахолка дисциплинированно расходится. Лишь на углу некий подвыпивший гуляка, где-то потерявший шляпу, медленно вальсирует под одному ему слышную музыку. Полицейский наблюдает за ним с профессиональным интересом, приправленным малой толикой грусти. Наконец танцор останавливается, поднимает с земли свою шляпу и медленно удаляется, чересчур старательно печатая шаг. На него оглядываются со странным ощущением, что этот человек — каким-то неведомым образом — сумел отлично провести время...

Неподалеку простирается Нью-стрит — безлюдная, с наглухо закрытыми магазинами. Она «Булл ринг» не указ. Рынок пользуется у бирмингемцев особой популярностью как место, где можно выплеснуть остатки душевного пыла, оставшегося в конце рабочей недели, когда требовательные машины ненадолго заснули.

## 2

Если вы внимательный человек, то, прогуливаясь по Бирмингему, заметите — правда, не на центральных улицах, а на загруженных боковых улочках, а также в

фабричных и торговых районах — большой ключ, который светится над некоторыми зданиями. Таких зданий в городе свыше тридцати. На зубцах ключа выгравированы два магических слова: «Безопасность и заинтересованность».

Данный ключ — символ одной из самых примечательных бирмингемских организаций. Речь идет о единственном в своем роде банке, подобных которому я не встречал нигде в мире. Уникальность его заключается в том, что это банк, учрежденный городом для своих горожан! Банк Бирмингема (или бирмингемский муниципальный банк, как его здесь называют) возник сразу после окончания войны. Он объединяет свыше ста восьмидесяти тысяч вкладчиков, в основном из числа фабричных и заводских рабочих. Откладывая буквально по грошу со своих заработков, эти люди умудрились накопить на вкладах внушительную сумму в 6 миллионов фунтов стерлингов! Как городу удалось добиться столь впечатляющих успехов? Как вообще сто восемьдесят тысяч мужчин и женщин — отнюдь не богатых, живущих от зарплаты до зарплаты, да еще в условиях, когда общество и не помышляло о накоплении — решились доверить свои кровные деньги городскому банку? Я думаю, что это вопрос из области прикладной психологии.

Когда война закончилась, бирмингемские власти задались целью перевести 325 тысяч фунтов, оставшихся в фонде военной экономики (деньги эти хранились, так сказать, «на черный день»), на счета муниципального банка. Интересно, что самого банка тогда еще не существовало, город только планировал его открыть. И что же они сделали? Прежде всего (гениальный, на мой взгляд, ход!) чиновники избавились от слова «экономия» — у людей оно вызывает неприятные ассоциации в виде пустой пивной кружки и незажженной трубки! После этого банковские

крестоносцы вышли в свой поход по фабрикам и заводам. Они беседовали с людьми и убеждали их не «экономить» в расчете на призрачные перспективы когда-либо разбогатеть, а вкладывать деньги в банк — с тем, чтобы уже в ближайшем будущем получить возможность с умом (и приятностью) потратить средства.

Им удалось убедить горожан! Доводы показались вполне разумными. Людям не морочили голову рассказами о каких-то непонятных сложных процентах, а четко и ясно объясняли, как их деньги будут неделя за неделей накапливаться и в конце концов обеспечат им отпуск в Уэльсе.

Итак, банк завоевал право на жизнь!

Число вкладчиков быстро увеличивалось. Каждую субботу на банковские счета поступали деньги — суммы от одного пенни и выше. Когда дети тоже пожелали участвовать в этой затее, возникла идея домашних сейфов. Очень скоро в продажу поступило свыше десяти тысяч подобных сейфов. Они представляли собой маленькие, но прочные ящики, которые могли открыть лишь владельцы. Отличная защита от недобросовестных родителей с их кухонными ножами, молотками и даже топорами!

— Если кто-нибудь соберется описать историю зарождения нашего банка, — говорил председатель, — то получится настоящий роман. Наши филиалы открывались в самых неожиданных и, казалось бы, неподходящих местах. Помню, как мы буквально выпросили древнюю вахтерскую будку у департамента общественных работ и перетащили ее в Солтли. Этот район один из самых густонаселенных в городе, и нам очень хотелось иметь там свое отделение. Представьте себе, за пять лет работы в той самой нелепой будке к нам пришли свыше пяти тысяч клиентов, и с их помощью мы накопили 170 тысяч фунтов! Со временем мы

пристроили к будке нормальное здание, и теперь там работает полноценный филиал банка...

— Но как вы уговорили людей расстаться с наличностью?

— Мы беседовали с ними, объясняли, что к чему. Приводили расчеты, показывали, сколько денег у них ежедневно уходит понапрасну. Была и другая сторона дела. Мы поняли: чтобы банк стал успешным, он должен быть непохожим на обычные акционерные банки. Ведь все свои деньги — пресловутые 6 миллионов фунтов — мы получили от людей, которые ни за что бы не пошли в акционерный банк. В частности, нам пришлось попозже закрываться, чтобы люди могли зайти после работы и положить на счет деньги. Кроме того, мы полностью пересмотрели систему отношений с клиентами. Если бы наши менеджеры и клерки вели себя, как в акционерном банке, мы бы растеряли половину вкладчиков. Мы претендуем на роль дружелюбного банка! Каждого клиента — пусть даже он явился с суммой в несколько пенсов — мы встречаем радостной улыбкой. И не выражаем недовольства, если человек решил забрать все свои деньги и «разбазарить» их на какие-то нужды. К чему нам ссориться с клиентом, ведь рано или поздно он снова вернется в наш банк!

Вкладчики банка пользуются серьезными льготами. Любой человек, у которого на счету есть хотя бы двадцать фунтов, может купить собственный дом. Город предоставляет нашим клиентам ссуду для покупки муниципального жилья в рассрочку. За истекшие пять лет свыше четырех тысяч человек воспользовались этой схемой и стали собственниками недорогих домов. Вы, наверное, заметили, как много жилья строится в нашем районе!

Банк год от года расширяет свою деятельность. Мы вошли в ряд муниципальных организаций и в будущем надеемся расширить свои полномочия. Уже сейчас наши



вкладчики могут оплачивать коммунальные расходы и отчислять налоги через наш банк. Они могут договориться, чтобы их зарплата поступала прямо на банковские счета. Короче, круг наших услуг будет расширяться.

Таким образом, золотой ключ — не просто символ, который сияет над зданием банка. За ним стоят тысячи бирмингемцев, которые упорно выкраивают из своих еженедельных шиллингов хотя бы по шесть пенсов для вложения в банк. Они осознанно отказываются от каких-то трат, чтобы накопить средства. Для чего? У каждого своя цель. Кто-то копит на новую шляпу, а кто-то — на первую в жизни поездку к морю... Или, может быть, они мечтают о муниципальном домике с россыпью цветных конфетти на пороге. Не знаю! (Но, надеюсь, это известно управляющему отделению банка!)

Время близилось к семи вечера, когда я вошел в филиал банка, расположенный в одном из рабочих районов города. Здесь кипела работа. Возле окошечка выстроилась длинная очередь из мужчин и женщин. Все они стремились поскорее положить сэкономленные деньги на счет — пока те не разлетелись невесть куда. В толпе было много рабочих, которые не удосужились даже помыться после рабочей смены. Здесь же стояли и фабричные девушки, явившиеся в банк прямо от стола рабочего кассира. Юные клерки и секретарши дожидались своей очереди с заготовленными тощими конвертиками. Среди клиентов банка было и несколько стариков, которые принесли явно не больше полукроны.

— Обратите внимание, — прошептал мне на ухо менеджер, — как много людей копит деньги на свадьбу!

Я оглянулся и сразу понял, о ком он говорит. В зале было несколько молодых парочек, внимательно изучавших бумаги. Интересно, что молодые люди пришли вместе, но свои шиллинги клали на отдельные

счета! У некоторых на лицах застыло непроницаемое выражение: очевидно кредит их счета пока не давал оснований для оптимизма. Но были и такие, которые с довольной улыбкой возвращали свои карточки кассиру и рука об руку удалялись из банка. В мечтах им, очевидно, уже виделся ключ от собственного дома. И сколько таких пар по городу — в Хокли, Дадлстоне, Солтли и Остоне — лелеют мечты о скором счастье!

После свадьбы они приходят в банк и заявляют:

— Мы хотели бы открыть еще один счет!

— Вы имеете в виду совместный счет?

Молодые супруги в замешательстве, они не владеют банковской терминологией. Выслушав необходимые пояснения, они обмениваются быстрыми взглядами, в которых читается естественная подозрительность. Но все же любовь побеждает, и они решаются:

— Ну, э-э... пожалуй.

— Деньги может снимать любой из вкладчиков? — уточняет менеджер банка. — Под свою личную подпись?

Еще один обмен недоверчивыми взглядами! Некоторое время молодые люди колеблются, затем объявляют, что хотят подумать. В понедельник они вернутся и объявят, что «по зрелому размышлению решили: деньги будут снимать только в присутствии друг друга».

Ну, что ж, безопасность превыше всего!

В сторонке топчется пожилой и слегка потрепанный мужчина. Когда до него доходит очередь, он выкладывает локти на стойку и прокурорским тоном спрашивает:

— Ну, что, они все еще здесь?

— Кто они? — недоуменно переспрашивает клерк.

— Мои чертовы деньги! — злобно шипит мужчина.

Клерк — по молодости и излишней щепетильности — решает пригласить для беседы менеджера банка. Такой поворот лишь усугубляет подозрительность

скандального клиента. Похоже, он уже решил, что его денежки уплыли за границу и непременно будут использованы на развязывание новой мировой войны.

— Конечно, они здесь! — радушно восклицает появившийся менеджер. — Не извольте беспокоиться, мистер N! Я проверил ваш счет — двенадцать фунтов и девять пенсов. Так что, сами видите: все на месте.

Мужчина с облегчением переводит дух. Но затем в глазах его появляется упрямое выражение, и он шепчет:

— А коли так, то я хочу взглянуть на них!

Могу представить, как бы реагировали на такое в акционерном банке! Менеджер, однако, не выказывает ни удивления, ни раздражения. Он приподнимает откидную доску прилавка и приглашает мужчину пройти в заднюю комнату. Там он отпирает сейф и демонстрирует клиенту мешочек с серебряными монетами и небольшой стопкой банковских билетов.

— И часто подобное происходит? — интересуюсь я.

— О, да, — отвечает менеджер. — У меня есть несколько клиентов, которые регулярно приходят в банк затем, чтобы полюбоваться на свои сокровища. Они достают их, пересчитывают — пенни за пенни — и снова кладут в сейф. А моя задача — присутствовать рядом и всемерно им помогать. Если же я не стану этого делать, то они заберут свои деньги и уйдут. Что поделать, люди только учатся доверять банку!

Любой банковский менеджер мог бы рассказать не одну удивительную историю о своих клиентах. Взять хотя бы бирмингемских старушек. Они сотнями приходят в банк и приносят на хранение накопления всей своей жизни — часто это 100 фунтов, зашитые в одежду. Прежде чем обслужить таких клиенток, приходится сначала проводить их в гардеробную комнату.

— Как-то раз ко мне пришла такая старушка, — начал рассказывать менеджер, — и, поговорив о том, о

сем, выставила на прилавок жестяную канистру от бензина. Та была до верху заполнена серебряными полукронами — общей суммой на пять фунтов. Явно смущаясь, старушка спросила: «С этим можно что-нибудь сделать?» Я, конечно, объяснил ей, что мы можем сохранить ее деньги, причем на очень выгодных для нее условиях. Обрадованная бабушка достала новую жестянку, также забитую серебряными монетами — еще пять фунтов. Затем она попросила меня выйти из-за стойки и помочь ей поднять кожаный саквояж с теми же самыми полукронами. В общей сложности у нее было с собой около сорока фунтов серебром! Мы еще немного побеседовали, и старушка пригласила меня к себе на чай, сообщив, что «дома у нее еще много денег»!

Я пришел к ней в крошечный домик, стоявший к концу улицы. И что вы думаете! Под полом спальни обнаружился целый клад из серебряных монет — все сплошь полукроны, и некоторые уже почернели от времени! О Боже! Мы едва не развалили дом, пока все это доставали. В результате мы извлекли свыше пятисот фунтов стерлингов, которые впоследствии благополучно переключили на счет старушки. Она часто приходит полюбоваться на свои денежки. Как выяснилось, ее покойный муж, который дожил до глубокой старости, всю жизнь откладывал по полкроны и хранил их под половицами. Перед смертью он сказал жене: «Сара, тебе не о чем беспокоиться! В случае чего просто поднимешь полы в спальне».

Вот таким ненадежным способом поколение наших дедушек и бабушек хранило свои деньги. Теперь вы понимаете, каким спасением для них является наш банк!

Уже перед самым закрытием в банк заглянул тучный мужчина средних лет. Он положил какую-то сумму на счет и, возвращая карточку, хихикнул:

— То-то удивится моя старуха, когда узнает...

После чего удалился в прекрасном расположении духа.

— Вы будете смеяться, — заметил менеджер, — но его «старуха» тоже имеет собственный счет, о котором муж даже не подозревает! Время от времени она заходит положить деньги и говорит то же самое: «То-то мой старик удивится, когда узнает...» Пока неясно, что за сюрприз они готовят друг для друга, но думаю, когда-нибудь мы это узнаем...

В числе последних клиенток оказалась и худенькая девушка лет семнадцати, которая положила на свой счет скромный шестипенсовик.

— Могу я узнать, сколько у меня уже собралось? — застенчиво прошептала она.

— Одиннадцать шиллингов шесть пенсов.

— О! — откликнулась девушка, что-то подсчитывая в уме.

— Интересно, на что она копит? — спросил я, когда дверь за девушкой захлопнулась.

Менеджер бросил оценивающий взгляд вслед юной клиентке и уверенно заявил:

— На новую шляпку.

К концу дня здесь, под знаком золотого ключа, собрались аккуратные кучки монет и банкнот — сбережения рабочего люда Бирмингема. Как правило, сумма взноса не превышала дневной выручки, но для них это была значительная жертва. Люди нашли в себе мужество отказаться от этих денег во имя какой-то великой идеи, и звук ключа, поворачивавшегося в замке сейфа, действовал на них успокаивающе.

Мне довелось посетить редкостное заведение. Едва ли один из тысячи бирмингемцев знает об этом клубе

любителей сидра, расположенном в Сноухилле. Неподалеку от железнодорожного пакгауза в череде старых неказистых зданий притаился скромный магазинчик, который на первый взгляд мало чем отличается от обычной фруктовой лавки в рабочем районе. Однако у этого магазинчика есть свой секрет: за ящиками с красными яблоками стоят высокие черные бочки с первоклассным сидром. Если пройти по слабо освещенному переулку и войти в дом с черного хода, то вы окажетесь на кухоньке, известной в кругу избранных как «Старая лавка сидра». Мне рассказывали, что заведение это обладает совершенно уникальной лицензией — другой такой не сыщется во всей стране. Она дает право на торговлю одним-единственным товаром — яблочным сидром.

Каждый вечер здесь собираются люди, не желающие оскорблять свое горло обычными напитками вроде пива или виски. Вместо того они предпочитают посидеть на этой кухне за кружкой доброго яблочного сока. Две смежные комнатки всегда полны народа. Подозреваю, что любой случайный посетитель будет чувствовать себя здесь чужаком, вторгшимся на запретную территорию. Ибо местные завсегда так образуют нечто вроде закрытого клуба, заседающего под ветвями невидимой яблони. Надо ли говорить, что они противопоставляют себя невежественным любителям пива и еще более варварским поклонникам виски.

На улице уже стемнело. Миновав неосвещенный переулок, мы с моим приятелем подходим к дверям дома.

— Вот и пришли, — шепчет он. — Иди за мной и, когда тебя спросят, что будешь пить — «сладкий» или «терпкий», отвечай «терпкий». А иначе они сразу догадаются, что ты не из нашей компании.

Он отворил дверь, и мы очутились в удивительном помещении. Глядя на многочисленные фарфоровые

кружки, вполне можно подумать, что мы находимся в одном из деревенских домов Херефорда или Сомерсетшира. В огромном камине со старомодной чугунной решеткой ярко пылает огонь. Над широкой каминной полкой висит старинное охотничье ружье. Рядом с ним медная табличка с выгравированной надписью «Дом, милый дом». На стенной консоли установлена оленья голова, на роскошных рогах покоится солидная дубинка.

— Это так называемая «палка-выбивалка», — шепотом сообщает приятель. — Подарок одного из клиентов, он привез ее то ли из Индии, то ли с Цейлона. Здорово помогает разрешать споры с неплательщиками!

По периметру комнаты расставлены дубовые столы. За ними на простых деревянных скамьях расположились члены клуба — любители сидра. Компания здесь собралась самая разношерстная: рядом с преуспевающими коммерсантами сидят простые рабочие, среди них я заметил мужчину в железнодорожной форме. Каждый из них держит в руке большую фарфоровую кружку. По засыпанному свежими опилками полу расхаживает девушка в переднике, она заменяет пустые кружки полными.

— Это все постоянные посетители, — поясняет мне приятель. — Они приходят сюда каждый вечер. Вон тот крупный седой мужчина — фермер из Херефорда. А тот, что беседует с железнодорожником, бывший член городского совета. И все они — бедные и богатые — ценители сидра. Здесь нет случайных людей, все хорошо знают друг друга...

В комнате царит непривычно спокойная, задушевная атмосфера, столь разительно отличающаяся от обстановки в обычных пивных барах. А все потому что любитель сидра — это, как правило, уравновешенный, склонный к размышлениям человек. Всем видам шумных развлечений он предпочитает возможность тихо

посидеть у огня, потягивая любимый напиток и грея ноги на каминной решетке. Все это настолько напоминало патриархальный дух старой Англии, что я бы, пожалуй, не удивился, если б в комнату прямо сейчас вошел сквайр в розовом сюртуке и в заляпанных лесной грязью белых рейтузах.

Прислуживавшая в зале девушка распахнула стеклянную дверь, за которой обнаружилось еще одно крохотное помещение. Там сидела компания из четырех мужчин и четырех женщин, которые распивали не разливной, а бутылочный сидр. Одна из дам смеялась счастливым, возбужденным смехом.

— Это самая лучшая выпивка! — прокомментировал мой приятель. — Сидр урожая 1915 года! Цена немаленькая — три шиллинга за бутылку, но оно того стоит. По вкусу почти не отличается от шампанского и действует точно так же! Во время войны наши перекупщики в большом количестве экспортировали его в Америку, снабдив этикетками шампанского. Лично я большого греха в том не вижу! Готов поспорить: девять из десяти женщин будут уверены, что их угощают шампанским.

Время от времени в комнате появляются новые лица. Они молча раскланиваются с присутствующими и проходят на привычные места. Тут же, как по волшебству, в их руках образуются заветные фарфоровые кружки.

Мой друг познакомил меня с мистером Дэвидом Смитом, владельцем сидровой лавки. Он оказался пожилым мужчиной в белом переднике, не отличавшимся излишней разговорчивостью. Насколько я понял, он родился в стенах этого дома, и уже тогда, свыше семидесяти лет назад, лавка считалась довольно древним заведением. Мистер Смит не пожелал сообщать мне какую-либо информацию. Заявил, что не хочет



большого наплыва посторонних посетителей. В этом вопросе он проявил непреклонную твердость.

— Понимаете, — объяснил он, — здесь не так уж много места. Если вы напишите о нас в своей книжке, то многие люди непременно захотят прийти и увидеть собственными глазами. А нам это ни к чему! Нас вполне устраивает нынешнее положение вещей. Мы, как говорится, предпочитаем держать свет под спудом. Наши постоянные посетители приходят сюда каждый вечер, чтобы хоть немного отдохнуть от своего ревматизма. И я не хочу, чтобы рядом с ними толкались бездарные выпивохи, которые не отличают обычного пива от благородного сидра. Нет уж, благодарю покорно...

Выйдя наружу, я еще раз оглянулся и посмотрел на неприметную лавку. Ей-богу, человек может годами ходить мимо, не догадываясь, что скрывается за старыми, обшарпанными стенами. Как правило, подобные места составляют сокровенную тайну. Они есть во всех больших городах — маленькие, изолированные заповедники старины, не подвластные течению времени. Город вокруг них растет, меняется, взрослеет, а эти заповедные уголки продолжают жить собственной, особой жизнью. Им нет дела до происходящих перемен, они не собираются под них подстраиваться. Они вполне довольны собой и своим существованием, неизменным на протяжении веков.

Вот так и получается, что в самом центре крупного индустриального города вы порой обнаруживаете маленькую и уютную деревенскую кухню.

#### 4

Современные критики утверждают, будто произведения Чарльз Диккенса страдают излишними

преувеличениями. Я с этим не согласен. Писатель жил в мире, в котором и слухом не слыхивали о стандартизации вещей и людей. То, что ныне мы воспринимаем как эксцентричность, в те времена считалось нормальным выражением человеческой натуры. Деятнадцатый век не страдал излишней застенчивостью, и человек тогда не боялся быть самим собой. Сегодня же даже в самых отдаленных деревнях ощущается воздействие внешних факторов, которые стремятся подавить человеческую индивидуальность и все многообразие характеров свести к общему знаменателю. Однако время от времени вы обнаруживаете (причем, казалось бы, в самых неподходящих местах) остатки прошлого — последних представителей мира Диккенса...

Такой счастливой находкой для меня оказался старый дом на Мур-стрит, одной из улиц Бирмингема. Дом этот построен в 1744 году, и с тех пор он практически не изменился. Я глаз не мог отвести от очаровательной георгианской лестницы. Перила ее были до блеска отполированы руками и локтями многочисленных джентльменов, которые приезжали сюда в каретах и затем, нагруженные дорожными саквояжами, ощупью поднимались на второй этаж, в отведенные им спальни. Здание это еще в эпоху Георга II служило гостиницей для приезжих коммерсантов, в таком качестве оно сохраняется и поныне. Слава о нем идет по всей Англии, все коммивояжеры единодушно сходятся на том, что это одно из самых интересных и своеобразных заведений подобного рода.

Если вы явитесь сюда в прямо с улицы, без надлежащих рекомендаций, то вас прежде всего проводят в особую комнату на втором этаже. Там вы увидите седобородого старика в сером (под цвет коротко стриженной бороды!) котелке. Он оглядит вас с ног до головы сквозь свои очки в позолоченной оправе и

произнесет тем неприязненно-скрипучим голосом, который часто маскирует добрейшее сердце:

— Ну, сознавайтесь: и откуда черт принес вас, молодой человек? Вы, как я погляжу, совсем новичок в нашем деле (тут старик проявляет безошибочную интуицию).

Затем — если ему не слишком понравится ваш внешний вид — старик либо прямо пошлет вас к черту, либо прокричит:

— Сара! Эй, Сара? У нас вроде все занято?

Предполагаемый утвердительный ответ невидимой Сары означает, что вам отказано в доверии. Завершающую точку в этой сцене вашего унижения поставит толстый силихем-терьер по имени Пэт, который басовито гавкнет вам вслед.

Гостиница «Старый Джон» недаром славится по всей Англии — она является воплощением независимости! Двери других заведений открыты для всех подряд, и в результате отель превращается в безликий переполненный улей, где порядочный человек вынужден ночевать по соседству с преступником и подонком. «Старый Джон» пускает к себе на порог только тех, кого знает, или кому повезло понравиться хозяину.

Те из бирмингемцев, кто вырос вместе с грубоватым «Джоном», приходят сюда каждый день и приводят своих сыновей, чтобы те могли попробовать еду, которой наслаждались наши предки в восемнадцатом веке.

Я получил официальное приглашение на обед к старине «Джону», и теперь вместе с остальными гостями сидел в просторном, обшитом дубовыми панелями баре и дожидался выхода хозяина. «Джон» появился как раз в тот миг, когда молодой чистильщик обуви по имени Фрэнк принялся отбивать на медном подносе барабанную дробь. Несколько секунд «Джон»

наблюдал за юношей, а затем произнес, будто под действием внезапного озарения:

— Мой мальчик, тебе говорили, что ты с каждым днем становишься все больше похожим на сэра Оливера Лоджа!

Лукавая улыбка скользнула у него по губам и затерялась в зарослях седой бороды. Мы поднялись по лестнице и прошли в зал, где уже был накрыт обеденный стол. Одного из гостей назначили председательствовать, и он занял место во главе длинного стола. Напротив уселся сам «Джон», избранный мистером вице-председателем.

Все остальные расселись сообразно со своими желаниями. Первые пять минут мы чопорно называли друг друга «уважаемый сэр». Затем в комнату внесли огромные дымящиеся супницы, и «Джон» обратился о мне с вопросом:

— Что предпочитаете: томатный суп или заячий?

— Томатный, пожалуйста.

— Готов держать пари, что вы не имеете представления, о чем говорите! — фыркнул «Джон». — Кто же берет томатный суп, когда на столе есть заячий? Попробуйте — лучше нас его никто в Бирмингеме не готовит!

Я послушался его совета и, надо сказать, не пожалел. Суп действительно оказался отменным.

За ним последовала жареная на углях камбала — самая восхитительная из всех, что мне доводилось есть.

Потом появилась горничная с подносом, на котором высились три высоких серебряных купола. Когда девушка сняла крышки, под ними обнаружили: половина говяжьей лопатки, цыпленок, плавающий в укропном соусе, а также изрядная порция вареной телятины в окружении морковки и пышных пончиков.

«Джон» ревниво следил за тем, какой выбор делают гости, и глаза его озорно поблескивали за стеклами

очков. Со всех сторон то и дело слышались шутки и смех — тут царила непринужденная атмосфера, тон которой задавал сам хозяин. Он напоминал мне опытного фехтовальщика, который ведет бой сразу с несколькими противниками. Тут он провел меткое туше, там отбил чужой удар — и все это весело, с задором, пересыпая речь остроумными репликами...

Гости смеялись, подтрунивали друг над другом, как это было принято в старой доброй Англии — той самой Англии, от которой почти уже ничего не осталось.

— Дорис! — воскликнул вдруг «Джон». — Принеси-ка нам шерри к этому пудингу!

Девушка наполнила его стакан. Старик одним махом опрокинул его и загрохотал:

— Что ты принесла мне, Дорис? Какое же это шерри? Понюхай сама!

Дорис, никак не реагируя на его замечание, передала через стол еще один полный стакан.

— Джентльмены, мы пьем за ваше здоровье! — раздался тост с противоположного конца стола.

— А мы за ваше, — хором отвечал наша половина стола.

— А я за свое собственное, — пробурчал «Джон».

— Полюбуйтесь! Вот он, кусочек настоящего старого Брама! — шепотом сказал мой сосед.

— Кусочек подлинной старой Англии, — прошептал я в ответ.

В уютном баре, где жарко пылал камин, Сара возилась с бутылками портвейна. Вскоре бутылки одна за другой пошли путешествовать вдоль стола. Воздух загустел и поглубел от табачного дыма. «Джон» сидел в своем сером котелке и делал вид, что читает газету. На самом деле он чутко прислушивался, в любую минуту готовый вмешаться в застольную беседу.

— Здесь в основном останавливаются коммерсанты со стажем, так сказать, представители старой

гвардии, — сообщил мне сосед. — Почти всех их связывает с «Джоном» многолетняя дружба. Мы все здесь, как одна большая семья, и обязательно раз в неделю собираемся на обед. А коли почему-то не получится прийти, так, верите ли, потом вся неделя идет наперекосяк...

Более того, они все здесь были яркими личностями! В том-то и заключался секрет «Клуба Джона»: люди здесь раскрепощались и становились сами собой. Они снова — как в далекие школьные годы — резали правду-матку в глаза и не боялись последствий. И я подумал, что именно такая атмосфера доброго товарищества — с хорошим застольем и хорошей беседой, с добрым вином и ядреным табачком — царила в английском бизнесе девятнадцатого столетия. Увы, все это было давно — еще до того, как великая богиня Спешки (другие имена ее — Путаница и Неразбериха) прилетела к нам из-за океана вместе со своими неизменными спутниками — гамбургерами на скорую руку и последующим несварением желудка.

Я обменялся прощальным рукопожатием с «Джоном» и с сожалением покинул комнату, заполненную табачным дымом и дружеским смехом. Пора было возвращаться в родной двадцатый век — на пыльную и безликую Мур-стрит.

## 5

В фабричной суматохе — где грохочут динамомашинны и визжат электропилы, вгрызающиеся в холодную сталь, где корчится и пенится расплавленный металл, — там вы встретите самого знаменитого человека Брама.

И хотя он сам о том не догадывается, но человек этот является символом индустриальной эпохи. Ибо он

совершил поистине революционное открытие. Можно даже сказать, что сама индустриальная эпоха началась в Бирмингеме с паровой машины, которую изобрел этот диспепсичный гений по имени Джеймс Уатт. Физически он был не слишком-то силен, лицо покрывала болезненная бледность, столь характерная для заводских рабочих, но в глазах горела особая сила и энергия. Уатта никак нельзя отнести к разряду бесплодных мечтателей. Подобные поэтические натуры не приживались в условиях современного производства — год-другой, и они оказывались на кладбище! Его легкие были изрядно натренированы на матчах любимой команды «Астон Вилла», но все же главная сила этого человека заключалась в его руках (они, кстати, являли собой довольно странное зрелище — сильные, мужские кисти на тонких, жилистых и бледных, как у девушки, руках). Подобные руки характерны для промышленного века, являются его порождением. Фабричного рабочего можно безошибочно опознать по этим рукам, ибо они столь же разительно отличаются от рук сельского труженика, сколь и лицо горожанина от грубой, обветренной физиономии деревенского жителя.

Человек, олицетворяющий собой промышленный Брам, день-деньской стоит у рычага своего устройства. Рабочие обязанности привязывают его к этой мощной, эффективной машине, не лишенной благородства линий, чистой и блестящей. По правде говоря, он и выглядит как слуга своей машины, а отнюдь не как ее хозяин.

Стальная колея тянется от устройства в глубь заводского цеха. Там группа мужчин разгружает партию тяжелых железных заготовок для колес, потом их по одной перекатывают к человеку, который олицетворяет собой Брам. Каждая заготовка представляет собой почти правильное кольцо, если не считать небольшого зазора примерно в дюйм шириной. Работа человека заключается в том, чтобы при помощи машины сварить

эти разорванные кольца, устранить зазор и затем отправить исправленные заготовки — уже отмеченные сварочным шрамом — обратно в цех. А там его товарищи уложат заготовки в форму, где им придадут нужную форму.

Вот одно из колес, подпрыгивая, катится к человеку, который олицетворяет собой Брам. Он уже готов: делает шаг навстречу и своими большими, сильными руками ловит железный «бублик», затем одним неуловимым движением разворачивает его и устанавливает в нужное положение. Теперь начинается самое интересное: человек отступает назад, берется за рычаг машины и резким движением дергает его до упора вниз...

И сразу же возникает целый сноп искр... яростно-светящиеся точки. Они искрятся на гранях зазора — шипят, потрескивают, плюются. С каждой секундой их становится все больше. Затем, в какой-то неожиданный миг, происходит качественный скачок — миллионы искр, собравшись воедино, преодолевают зазор. Это удивительное зрелище — как фонтан красно-желтых звезд летит на двадцать футов в воздухе и, еще не погаснув, падает на каменный пол.

Сквозь каскад электрических звезд виднеется неподвижная фигура человека, который олицетворяет собой Брам. Он стоит, держа руку на рычаге, и его бледно-серое лицо ничего не выражает. Трудно даже представить, какую гигантскую мощь он каждый раз высвобождает, нажимая на рычаг. Кажется, будто в руке его сосредоточены все молнии Юпитера! Однако он, похоже, об этом даже не задумывается.

Проходит несколько ослепительных мгновений, искры постепенно умирают. Вот и упала последняя звезда. Человек отпускает рычаг. Снова шагает вперед и, взявшись за колесо, резко сталкивает его на рельсы, по которым оно недавно прибыло. Колесо катится обратно. На том месте, где прежде был зазор, теперь



зияет яркий шрам из докрасна раскаленного металла. Колесо катится вниз, свежий шрам постепенно остывает — из ярко-розового превращается в тускло-красный, а затем и вовсе фиолетовый.

С металлическим лязгом по колее катится новая металлическая заготовка. Чуткие, умелые руки человека уже готовы принять ее!

Вниз рычаг, и все повторяется сначала.

Я догадываюсь, о чем думает человек, который олицетворяет собой Брам, этот непревзойденный мастер огня и звезд. Мне понятны те одинокие мечты, что озаряют часы долгого бдения возле машины, ибо я слышал, как он изливает свое сердце.

Резкий свисток знаменует окончание смены!

Бригада прекращает работу.

Человек, который олицетворяет собой Брам, устало выпрямляется, вытирает руки кусочком ветоши. Взгляд у него задумчивый — там, в глубине глаз застыла какая-то неотвязная мысль. Мне кажется, я чувствую, с каким удовольствием человек уходит на отдых от машины. Из глубины цеха к нему направляется группа рабочих. Они подходят ближе, улыбаются, и человек улыбается им в ответ! Затем на губах его рождается возглас, который представляет нечто среднее между воинственным кличем и воплем измученной души.

— «Вилла» вперед! — кричит он...

Если вам непонятно, что это значит, поезжайте в Бирмингем и выясните все на месте!

В высоких наполненных паром цехах люди берут каучук, нагревают его и прожаривают до тех пор, пока все помещение не наполняется специфическим запахом. Это странный, не поддающийся описанию запах — почти аромат, в котором мало что остается от изначального запаха антисептика. Затем разогретый каучук подвешивают, и он вытягивается, превращается в

тонкие теплые полотнища. Если вы думаете, что на этом все кончается, то должен вас разочаровать — ничего подобного! На следующем этапе каучук окрашивают — подмешивают к нему цветные порошки: красный для будущих камер и черный для покрышек. Затем бесконечно пропускают смесь между валков — вращающихся цилиндров. В конце концов каучук начинает пениться и пузыриться, как горячий шоколад. Вот теперь он готов!

Каждый цех — по сути маленькая фабрика, специализирующаяся на каком-то изделии. В каждом из цехов каучуку придают новое обличье: в одном это готовые пневматические шины или камеры, в другом — массивные шины, в третьем — мячи для гольфа или теннисные мячи. В процессе производства каучук проходит через сотни рук, и всякое прикосновение чуть-чуть его видоизменяет, пока бесформенная масса не приобретает узнаваемые черты покрышки или теннисного мяча.

Я заглядываю в цех, где производят мячи для гольфа.

Здесь трудятся сотни девушек. Они берут маленькие твердые шарики из гуттаперчи и быстро-быстро обматывают их каучуковой лентой. Эти шарики приходят в цех в таких огромных количествах, что я невольно ужасаюсь: неужели же на земле столько игроков в гольф? После каждой производственной операции мячики взвешиваются на весах.

Затем они поступают в следующий цех, где их снова перебинтовывают и передают дальше — к симпатичным, коротко стриженным девушкам, которые наматывают на будущие мячики целые мили тонкой, смахивающей на вермишель резины. На этой стадии наши мячики ждет серьезное испытание: их помещают внутрь печи, оттуда они выходят похожими на хорошо проваренные яйца-пашот.

Далее ждет покрасочный цех. Здесь девушки с перепачканными ладонями долго трут уже почти готовые мячики, придавая им товарный вид. Следующий этап — упаковочный цех. Здесь лежат целые тысячи мячей — девственно-белые, не запачканные ничьим прикосновением. Они уже готовы к своей ужасной карьере, готовы породить сотни неправдоподобных историй, которые обычно рассказывают в раздевалках гольф-клубов. Пройдет совсем немного времени, и мячи эти заживут собственной жизнью — они будут подталкивать людей к самоубийству, разъединять некогда любящих жен и мужей...

А еще есть теннисные мячики...

Самое интересное в их производстве — когда мячи обретают «стандартную упругость».

Этим тоже занимаются девушки. Они сидят — спокойные, собранные и, по-видимому, не думают о том, что сейчас своими руками создают предмет для ожесточенных споров на Уимблдонском корте. Теннисные мячики поступают к ним в виде двух аккуратных половинок. Сама же «стандартная упругость» имеет вид порошка аспирина и щепотки соли. Я наблюдал, как сидящая поблизости девушка тщательно взвешивает химикаты и быстро помещает их внутрь половинки мяча. В тот же миг ее напарница накидывает верхнюю крышку и быстро запечатывает всю конструкцию. Затем все заготовки попадают внутрь больших печей, где основательно прогреваются. В процессе нагревания происходит химическая реакция, в результате которой аспирин и соль обращаются в газ.

Никто не станет оспаривать тот факт, что холодное дыхание моды изрядно выстудило Голд-роу.

В кирпичных зданиях этой улицы запечатлена драма не одного поколения бирмингемцев. Здешнее ремесло ориентировано исключительно на человеческую суетность. Оно поощряло людское тщеславие и процветало благодаря ему. Теперь здесь наблюдается заметный застой. Вы идете вдоль действующих фабрик и вдруг замечаете пустующее здание. Дальше опять тянутся фабрики, мастерские и вдруг опять — пустота и разруха. Ювелирные фирмы, некогда процветавшие, прекратили свое существование — по той простой причине, что женщинам надоело носить золотые цепочки определенной конфигурации (на которой специализировалась фирма)... или же потому, что современные мужчины предпочитают тратить деньги на дешевые автомобили, а не на дорогие часы.

Казалось бы, какая нелепая случайность способна разрушить успешные предприятия! Фабрики, которые приносили целые состояния, хоть и зарождались самым убогим способом — в маленькой гостиной частного дома. Разглядывая эти кирпичные стены, вы можете проследить, как фирмы создавались, приходили к процветанию, а затем разорялись...

Вот перед вами дом. Столетие назад чей-то дедушка — а надо сказать, что весь сегодняшний Бирмингем стоит на плечах своих дедушек — оккупировал одну из спален и начал в ней возиться с золотом. Наверняка, бабушка подняла целую бучу в мягкой, но непреклонной манере. Она возражала против хлопотной перестановки в доме, предрекала скорый крах дедушкиной затее, говорила, что он «вполне может преуспевать», работая на милейшего мистера Брауна на Вайз-стрит, и напоминала, что не дело, когда «человек задирает нос и пытается прыгнуть выше головы». Не мне вам рассказывать, какие препятствия приходится преодолевать начинающему бизнесмену.

Однако, против всех ожиданий, дела у дедушки пошли в гору. То ли ему в какой-то момент изрядно повезло, то ли он проявил завидное упорство — теперь уж мы вряд ли узнаем. Но факт остается фактом: он не поддался на бабушкины уговоры и продолжал трудиться за своим рабочим столом, выплавляя и переплавляя золотой лом, пока не добился исключительной чистоты металла.

Повесть, рассказанная красными кирпичами.

Несколько лет спустя дедушка прикупил дом по соседству и стал разворачивать производство. Он преуспевал! Бабушка, начисто забывшая свой изначальный пессимизм, теперь занимала просторный особняк в пригороде и выращивала там новые поколения ювелиров. Все это время маленькая фабрика (на два дома) выпускала непрерывный поток хороших качественных товаров — обручальные кольца и перстни с печатками. Постепенно изделия начали завоевывать дальние рынки, радуя сердца златолюбивых жителей Китая.

Предприятие расширялось, захватывая все новые участки Голд-роу. Два дома превратились в три, затем в четыре... Теперь дедушка был успешным хозяином целой ювелирной фабрики. Более того, он сумел создать себе репутацию! Немецкие молодожены покупали его обручальные кольца, и не только они. Если бы дедушка оказался перед витриной московского или эдинбургского ювелирного магазина, он бы с полным основанием тыкал пальцем в тамошние побрякушки и говорил: «Вот это наше изделие... и вон то... и вот это».

Друзья, с которыми он когда-то начинал дело, теперь имели собственные фабрики. Там тоже вовсю кипела работа: они производили золотые цепочки для муфт и просто золотые цепочки, броши, кольца, браслеты, подвески, подарки, которые мужчины дарят

своим возлюбленным, и подарки, которые мужья дарят супругам — сотни милых, но необязательных вещиц.

Слушайте, слушайте повесть красных кирпичей.

Подрросло поколение наследников, оно пошло по проторенному пути. Фабрика расползалась по всей улице — теперь это было солидное предприятие. И трудно было уже установить, с чего именно начинал их дед. Мало кто помнил скромную комнатку в домике на Голд-роу.

Колонии тоже вносили свою лепту в процесс обогащения фирмы. Повсюду — в Канаде, Южной Африке, Австралии и Новой Зеландии — женщины желали, чтобы тяжелые золотые кольца из Англии скрепляли их брак. И дедушкины внуки спешили им угодить!

Но затем откуда-то подул холодный ветер, наследники большого и славного дела сразу же ощутили его грозное дыхание. Скорее всего, просто начала меняться мода на ювелирные украшения, и перед Голд-роу замаячил призрак разорения. Некоторые паникеры предпочли сразу же сбить с рук ставшее неприбыльным дело. Это показалось проще, нежели реорганизовывать производство в угоду переменчивым вкусам публики. Однако самые упорные не желали сдаваться и попытались выправить ситуацию, придав георгианский блеск своим традиционным изделиям — тем самым, что принесли им славу и богатство в викторианскую эпоху. Честь и хвала их настойчивости! Если вы на протяжении столетия с успехом производите одну и ту же продукцию, то требуется немалая храбрость, чтобы внести изменения в налаженное дело.

— Ну, это были всего лишь временные трудности! — скажете вы.

И ошибетесь. Ибо кризис, зацепивший отдельные отрасли «ремесла» (а именно так по старинке именуют ювелирный бизнес в Бирмингеме), не отступил, а,

напротив, лишь усилил свою смертельную хватку: когда наступает война, золоту приходится отступить. Проворным пальцам ювелиров, привыкшим к тонкой, кропотливой работе, не находилось применения в военное время.

Вот так и получилось, что над некоторыми участками Голд-роу сегодня царит мертвенная тишина. Это безмолвие знаменует собой поражение. Мода выиграла решающую битву!

Фабрики, некогда зарождавшиеся в тесных гостиных маленьких домиков, сегодня либо пустуют, либо перекочевали в чужие руки. Свидетельством тому вывеска на красной кирпичной стене — «Джонс и Ко. Производство механических инструментов». Женщины всего мира — не сговариваясь, походя — сгубили дело, над которым с мрачной решимостью трудились три поколения бирмингемцев. Вот уж воистину, как говорят искушенные ланкаширцы: «Три поколения отделяют сабо от сабо».

Темными и холодными осенними вечерами, когда ноябрьский ветер тоскливо завывает в печных трубах, вы можете увидеть призрак дедушки, одиноко бредущий по Голд-роу. С грустью и удивлением взирает он на царящую вокруг разруху и все силится понять, как же так получилось, что дело всей его жизни вдруг кануло в небытие. И невдомек бедному дедушке, что бизнес его — такой, казалось бы, налаженный и перспективный — зиждился на зыбучих песках перемен.

Провинциальным английским городам свойственно особое очарование, которое надолго остается в памяти. Вулверхэмптон обладает им в полной мере.

Подобные городки всегда возбуждали мое любопытство. Они кажутся мне интересными и совсем не простыми местами. В отличие от крупных фабричных городов, которые, подобно грибам, выросли (и продолжают расти) по всему промышленному Ланкаширу, эти городки столетиями стояли на своих местах. Они вели трудовую жизнь задолго до того, как нагрянул Его Величество Уголь, а Джеймс Уатт поставил весь мир на колеса. В старину эти городки играли роль своеобразных торговых центров, где по субботам устраивались ярмарки для сельской округи. Так бы они и жили привычной, испокон заведенной жизнью, если бы не обнаружили рядом с ними залежи угля и железа. Волею судеб старинным английским городкам пришлось закатать рукава и стать частью Новой Англии. Вот эта длинная череда поколений — начиная от простодушного пастуха, оберегавшего свои стада от лютых волков, и кончая современным рабочим, который живет в тени заводских труб и трамваем добирается на работу, — и определяет яркую индивидуальность таких городов, как Вулверхэмптон. Они продолжают жить, несмотря на свою древность.

Их исторические хроники читаются, как увлекательный роман, ибо включают в себя бесконечную череду историй, приключившихся с бесчисленными мужчинами и женщинами. Это многовековая летопись борьбы, побед и поражений, но только не застоя и стагнации, ибо пока человек жив, ему свойственно прикладывать усилия и бороться. Именно его усилиями возникли фабрики и заводы по производству автомобилей, сейфов, замков, ключей и сотен других полезных вещей, которые потом грузятся в товарные составы и отправляются в различные уголки нашей планеты.

Счастливо избегнув гибели под колесами огромной Джаггернаутовой колесницы (которая здесь именуется



омнибусом), я стоял на городской площади возле памятника принцу-консарту и любовался закатом, разговаривая над Теттенхоллом.

Раскинувшийся на холме Вулверхэмптон сохранил многие черты того сельского городка, каковым являлся в годы своей далекой молодости. Внешний вид и планировка его узеньких боковых улочек сложились еще в Средние века. И даже современное сознание, решительно отметающее все, что стоит на пути у прогресса, оказалось не в силах окончательно уничтожить средневековую прелесть этих затейливых, извилистых переулков.

Местные жители почитают Вулверхэмптон столицей Черной страны, которая на поверку оказывается не такой уж и черной, как ее обычно изображают. Его население неизмеримо выросло по сравнению с былыми днями за счет тысяч промышленных рабочих, чья ежедневная борьба с умными машинами составляет последнюю страницу многовекового эпоса древнего городка.

— Вы обязательно должны посетить Теттенхолл, — сказал мне один из местных старожилов. — Это наша краса и гордость!

Подобно бристольтцам, влюбленным в свой Клифтон, жители Вулверхэмптона возносят горячие хвалы здешнему предместью с названием Теттенхолл. Я с ними абсолютно согласен: эти два местечка по праву могут претендовать на звание самых очаровательных пригородов крупных промышленных городов. (О себе скажу, что я бы скорее предпочел жить в Тоттенхолле, нежели в знаменитом Эджбастоне!)

Власти Вулверхэмптона сознательно сохраняют старозаветный облик этого предместья — они выкупили и отреставрировали многие сельские дома Тоттенхолла. Очевидно, горожанам приятно созерцать прямо у себя под боком кусочек английской деревни. Я осмотрел

церковь Святого Михаила и Всех Ангелов (которой, между прочим, насчитывается около тысячи лет), а затем поднялся на утес, громоздившийся прямо над церковью. Оттуда открывался один из самых впечатляющих видов во всей Черной стране. К востоку лежит Кэннок-Чейз, а на юге вздымает свои дымовые трубы Вулверхэмптон — издалека он напоминает корабельную верфь, заполненную кораблями. К юго-западу раскинулись Седжли-Бикон, Пени и Уомберн, а на западном горизонте тянулась тонкая линия Кли-Хиллс.

Величайшим сокровищем Вулверхэмптона является замечательная церковь Святого Петра с ее величественной башней, сложенной из красного песчаника. Я полагаю, что среди всех старинных английских церквей — по крайней мере, такого типа и размера — эта по праву может считаться одной из самых красивых. Здесь находится древняя каменная кафедра, которая датируется еще пятнадцатым столетием. В этой же церкви похоронен умерший в 1667 году знаменитый полковник Лейн — тот самый человек, который вместе со своей дочерью Джейн помог бежать Карлу II после поражения под Вустером.

На церковном кладбище Святого Петра я обнаружил предмет, который тоже можно было бы отнести к символам Черной страны. Он представлял собой высокую каменную колонну — почерневшую от заводской копоти и настолько изношенную, что на ее поверхности едва угадывалась сложная резьба. Местные жители называют ее Датской колонной, хотя, на мой взгляд, она скорее относится к норманнскому периоду.

Вы спросите, в чем же я углядел ее символичность? Отвечу: вещи, подобные этой колонне, важны, поскольку доказывают, что Бирмингем вместе со своими окрестностями не уступит по древности происхождения Винчестеру. Не стоит забывать, что крупные промышленные центры Черной страны построены на

месте древних английских городов. Попробуйте заглянуть в одну из маленьких церквушек, со всех сторон окруженную фабричными трубами и горнодобывающими предприятиями. Пойдите у алтаря, прислушиваясь к неумолчному реву заводских печей и тархтению парового молота. А затем вспомните, что здесь — среди шума и грохота промышленного города — укрыта частичка памяти об Англии времен короля Альфреда и нашествия данов...

Считается, что Вулверхэмптон был основан саксонским королем Вулфером тысячу триста лет назад. Само название города переводится как «верхний город Вулфера». Я не знаю, каков был тот король и к чему стремился. Надо думать, он выбрал этот холм — тот самый, на котором теперь стоит принц-консорт — из практических соображений: с высоты легче следить за передвижением врагов. Не приходится также сомневаться, что руки древнего короля одинаково уверенно сжимали как рукоять боевого меча, так и кубок с добрым вином. И вот, пока я стоял на вершине холма и разглядывал высокие трубы Вулферова города, четко выделявшиеся на фоне закатного неба, мне в голову уже не в первый раз пришла крамольная мысль: а что бы сказал древний основатель Вулверхэмптона, доведись ему восстать из могилы и спустя столетия узреть свое детище?

Я гадал, понравилось бы ему это зрелище? Возможно, старому королю захотелось бы жить в Теттенхолле и владеть заводами, на которых производятся сейфы, замки, ключи и болты? Или же, что скорее, он окинул бы взглядом изменившиеся окрестности и запросился обратно в гробницу?

За третьей поляной Сэндвеллского парка, которую облюбовал для себя местный гольф-клуб Вест-Бромвича, в небольшой низинке на краю соснового леса стоит удивительное здание — настоящий призрак былых времен.

Оно называется Сэндвелл-холл и является наследственным имением графов Дартмура. Вот уже семьдесят три года как здание пустует. Последний представитель династии, который здесь проживал — «Милорд Билли», как любовно называли его местные жители. Он умер в 1853 году и успел еще увидеть, как заводские трубы вплотную подобрались к его охотничьим угольям.

Правда, угольных шахт, которые нынче обезобразили эту прекрасную землю, тогда еще не появилось. Но уже было ясно, что промышленная революция не обойдет стороной величественные строения Старой Англии. Этот особняк неподалеку от Вулверхэмптона графское семейство приобрело в незапамятные времена, и с тех пор все представители древнего рода проживали именно здесь. Увы, все изменилось семьдесят три года назад, и с тех пор огромное здание пялится двумястами пятьюдесятью окнами на дорогу — словно бы в ожидании очередного законного владельца. Сегодня его меланхоличному бдению пришел конец: уже объявлено, что Сэндвелл-холл подлежит сносу.

Дождливым днем я пробрался через кочковатую долину и приблизился к старинному зданию. Приметы времени не заставили себя искать: слева от конюшен на небольшом расстоянии высилась фабричная труба, а через поле — там, где раньше проходила подъездная дорожка для экипажей — тянулась безобразная шеренга грузовиков с углем. Перед зданием сохранились остатки парка, который в прошлом служил оленьим заповедником для графов Дартмур. Я смотрел на старый

заброшенный дом — с его опустевшими конюшнями и запыленными окнами, с его погасшими печными трубами и массивными часами, стрелки которых остановились на половине двенадцатого, — и казалось, будто здесь, на опушке промокшего леса, мне повстречался бедный, неприкаянный призрак...

Уверен, что даже беспечные игроки в гольф — если им случается послать мяч в гущу вечнозеленых кустов, вплотную подступающих к Сэндвелл-холлу — медлят в нерешительности, робея перед зловещим величием этого здания.

Колючие кусты изрядно разрослись, образовав вокруг него нечто вроде защитной баррикады, и мне пришлось изрядно повозиться, пока я пробился к особняку. Наконец я выбрался на полянку — как раз напротив парадного входа. Его обрамляли классические колонны, поддерживавшие мраморный портик. Через застекленную дверь виднелся просторный главный холл...

Вокруг не было ни души. Единственным звуком, нарушавшим послеполуденную тишину, служил шум дождя, барабанившего по каменным плитам, на которых в былые времена собирались веселые, нарядные охотники со своими поджарыми борзыми.

В этот час, когда влажный туман окутывал окрестные леса и, курясь, подбирался к моим ногам, я чувствовал, как подпадаю под мрачное очарование пустынного дома. Мне все казалось, что он не умер, а чутко дремлет под вековым грузом воспоминаний. Я бы не удивился, если б в одном из окон появилось бледное лицо, обращенное к заброшенному парку, где некогда бродили благородные олени. Нерешительно приблизился я к дверям и постучался в напрасной надежде, что вот сейчас в глубине здания послышатся шаги, и ливрейный лакей отворит мне дверь.

Напрасные ожидания! Дом был пуст — как пустовал уже долгие семьдесят три года. Крадучись, шел я по комнатам и везде наблюдал одно и то же — разруху и запустение, над которыми маячили призраки былого величия.

Я заглянул на заброшенные конюшни: пустые стойла, лужицы дождевой воды на полу... А ведь когда-то это здание было наполнено ржанием благородных скакунов и голосами людей, которые за ними ухаживали. Мне казалось, что я еще улавливаю в воздухе едкий запах жира, которым смазывали кожаную упряжь...

Вдруг до меня донесся собачий лай!

Оказывается, в частично сохранившемся здании сыроварни — прямо на задворках господского дома — обосновалась семейная пара.

— И не страшно вам жить по соседству с этим огромным пустым домом? — спросил я.

Женщина выглядела удивленной.

— Мы никогда об этом не думали, — ответила она, пожимая плечами.

Теперь настал мой черед удивляться.

Мы прошли в просторный зал, раньше исполнявшего роль кухни. Массивные жаровни, на которых некогда румянились куски оленины и толстый филей, теперь ржавели без дела, затянутые паутиной. Не менее жалкое зрелище представляли собой и кладовые, когда-то ломившиеся от припасов, а ныне медленно погибавшие под действием вездесущей сырости.

В библиотеке его светлости до сих пор сохранились двери, замаскированные под книжные полки. Когда он затворялся в этом помещении, то, наверное, чувствовал себя похороненных под грузом знаний, обступавших со всех сторон. Чтобы выйти наружу, надо было пройти сквозь книги... Я поднялся по лестнице и заглянул в будуар миледи: стены некогда уютной комнаты покрывал толстый слой плесени. Пол в домашней

часовне прогнул и угрожающе скрипел — так что я не рискнул зайти внутрь...

Сопровождавшая меня женщина давала пояснения: «Говорят, в этой комнате родился епископ Такой-то, а в той — лорд Такой-то...»

Голос ее звучал, как прощальный шепот старого здания.

Я остановился возле высокого окна с потрескавшимися стеклами. Под ним темнели остатки бывшего охотничьего парка графов Дартмурских. Вдалеке тянулась трамвайная линия и высилась заводская труба, посылавшая в небо клубы черного дыма. Она напомнила мне дуло пистолета — того самого, из которого время наповал убило этот старый дом.

Бедный Сэндвелл-холл! Его строили для того, чтобы здесь собирались широкоплечие мужчины в розовых сюртуках и изящные дамы в кринолинах. Предполагалось, что тут будет вечно играть веселая музыка, звучать веселый смех и оживленные разговоры о псовой охоте и видах на урожай... Сердце мое сжималось от тоски — будто это был мой собственный дом.

Покинув имение, я печально побрел прочь. Поднявшись на зеленый склон холма, я оглянулся, желая попрощаться с Сэндвелл-холлом. Он по-прежнему стоял в туманной лощинке на опушке леса — грустный призрак Англии восемнадцатого века. Очень скоро сюда заявится аварийная бригада строителей и навсегда изгонит его из здешних мест. Я с трудом мог поверить, что у кого-то поднимется рука на эти задумчивые окна, на уединенные коридоры и высокие, элегантные комнаты, на стенах которых до сих пор сохранились выцветшие следы от портретов предков...

— Мы никогда об этом не думали! — сказала мне женщина.

Невероятно!

Трагедия Сэндвелл-холла — живое воплощение той новой Англии, что лишь недавно народилась из клубов пара. Она появилась, подобно сказочному джинну, выпущенному из бутылки, и одному Богу известно, каких еще бед она может натворить.

Эта юная, необузданная особа сметает все на своем пути. Она роет шахты в бывших оленьих заповедниках и протягивает трамвайные линии там, где прежде рыскали гончие псы... Старой Англии не под силу с ней бороться. Ей остается лишь покорно удалиться, скорбно покачивая головой. Бедная старушка! Вся эта индустриальная суэта чужда ей — точно так же, как Сэндвелл-холлу чужды и непонятны угольные шахты, подступающие к нему со всех сторон.

## 9

Стоял солнечный июньский день. Я ехал по дороге, уводившей в сторону благословенного Арденнского леса. Вдоль обочины тянулись высокие живые изгороди, столь характерные для зеленого Уорикшира. Весна, чье наступление я наблюдал в последние месяцы, внезапно сменилась жарким великолепием лета. И вот уже в полях поднялись зеленые ростки, а кроны деревьев отбрасывают густую тень.

Достигнув Хенли-ин-Арден, я остановился передохнуть в маленькой старинной гостинице. И пока я сидел у открытого окна и задумчиво курил трубку, у меня возникло неодолимое желание совершить сентиментальное путешествие в прошлое. Подобные желания нередко возникают у людей, переваливших через тридцатилетний рубеж. О, этот странный возраст! Когда тебе тридцать пять, ты не чувствуешь себя ни старым, ни молодым. Это завидный возраст, ибо многие



вещи, которые в двадцать лет заставляли тебя страдать, теперь вызывают лишь снисходительную улыбку. Казалось бы, что такое пять лет... Но вот, поди же ты, пятидесятилетние смотрят на тебя, как на желторотого юнца — в то время как сорокалетних признают за своих сверстников! В тридцать пять человек еще не достиг вершины того холма, откуда обычно с сожалением оглядываются на заманчивые долины юности.

Итак, я решил посетить Стратфорд-на-Эйвоне. Ведь именно там стоит серый могильный камень, умытый сотнями дождей, к которому я частенько приходил в детстве. Именно там я провел самые упоительные часы в своей жизни — когда воздух дрожит от деловитого жужжания пчел, а июльское солнце медленно клонится к закату. Ах, как мне дороги те блаженные часы летнего безделья на задворках церкви Святой Троицы. Камень, о котором я говорю, стоит на церковном кладбище неподалеку от речной насыпи. Это чудесное место! Сидя там, вы слышите, как шумит Эйвон в мельничном протоке, и ветер шелестит в ветвях столетних лип. Каждый час на серой башне Святой Троицы бьют куранты, и звук этот выдергивает из сладкой полудремы. Сколько раз я согревал свою душу этими воспоминаниями! Лежа в странных постелях чужих, непонятных мне стран, я закрывал глаза и мыслями всегда возвращался на берег темной реки, которая с шумом несет свои воды меж заросших травой берегов, устремляясь к зеленому туннелю Уирс-Брейк.

Покрывая последние мили, отделяющие Хенли от Стратфорда, я с нетерпением, удивившим меня самого, представлял, как приду на свое заветное местечко. Наверное, тот могильный камень воплотил в себе воспоминания о моем невинном детстве!

Вот, наконец, и он — Стратфорд-на-Эйвоне! Греется на солнышке, как старый кот... Я расположился в гостинице, битком забитой американцами. Все они без

умолку говорили о Шекспире и Джоне Гарварде. Тощий, болезненного вида мужчина обсуждал со своими прелестными дочерьми недавнюю поездку в Шоттери (который они почему-то называли Шаттери). Не в силах дальше слышать их болтовню, я потихоньку улизнул из гостиницы и побрел по улице. Миновал здание средней школы и свернул за угол — туда, где слева высится церковь Святой Троицы. Меня всегда приводила в восхищение заросшая цветами живая изгородь, окружавшая церковный сад.

Знакомо ли вам беспокойство, с которым обычно приближаешься к некогда любимым местам? А вдруг там все изменилось, и вас ожидает жестокое разочарование? Но нет! Слава Богу, здесь все осталось по-прежнему. Так же галдят неугомонные грачи, перекрывая бой курантов, и ветер шумит в кронах старых лип... А фоном всем этим звукам служит далекий, мерный шум, который, как я знал, производит бегущий мимо мельницы Эйвон. Церковный сторож отпер мне двери и впустил под прохладные своды Святой Троицы. Деликатно касаясь моего рукава и что-то нашептывая на ходу — будто я был невежественным иностранцем! — старик проводил меня к алтарю, где располагалась могила Шекспира.

Церковное кладбище выглядело пестрой смесью мягких теней и ослепительных солнечных пятен. Меня встречали старые знакомые — темно-оливковые тисы, вязы и березы, а также множество надгробий восемнадцатого века. Они стояли зеленые, как море, и устало клонились к ближайшей стене. Ноги сами понесли меня на берег реки — туда, где я часами просиживал в детстве. Я блаженно растянулся на своем заветном местечке, глядя на коров, неподалеку нежившихся в прохладной воде.

Боже, что за прекрасная страна! Мысленно я вернулся к дорогам, которые вели меня в Йорк и Уитби, к

великим аббатствам Севера и золотым пескам Линдисфарна. К тем дорогам, которые пересекали дикие пограничные степи и открывали тихую прелесть английских деревень и неумемную энергию больших городов. Я попытался проникнуть в мысли тех людей, которые живут в Англии, но отпуск предпочитают проводить за ее пределами. Наверное, мне никогда их не понять! Ибо я не ведаю большего счастья, чем выехать за черту Лондона и очутиться в сельской Англии — настолько английской, что разум отказывается в это верить. Маленькие живописные домики, которые меняются от графства к графству, церкви с их великолепными норманнскими нефами, старинные дома и величественные замки, невероятные соборы, которые принадлежат к более древнему и, я надеюсь, более счастливому миру. Англия — страна, будто нарочно созданная для путешествий. Совершенно не важно, куда вы свернете, выехав из дома — на север, на юг, на восток или запад... Ибо, куда бы вы ни поехали, вас ждут незабываемые встречи — на первой же миле вы увидите нечто такое, что, несомненно, заслуживает вашего внимания и уважения. Два тысячелетия оседлой жизни на маленьком острове буквально наводнили нашу страну бесценными сокровищами. В том, как древние города со своими знаменитыми соборами теснятся на карте Англии, ощущается какая-то избыточная роскошь. Где еще — в какой другой стране мира — возможно такое, чтобы за коротенькое, однодневное путешествие вы увидели пейзажи, сопоставимые с красотами Вустера, Херефорда и Глостера? Или Кембриджа. Или Питерборо и Линкольна? Или же Йорка и Дарэма... Жерво, Риво и Фаунтинс?

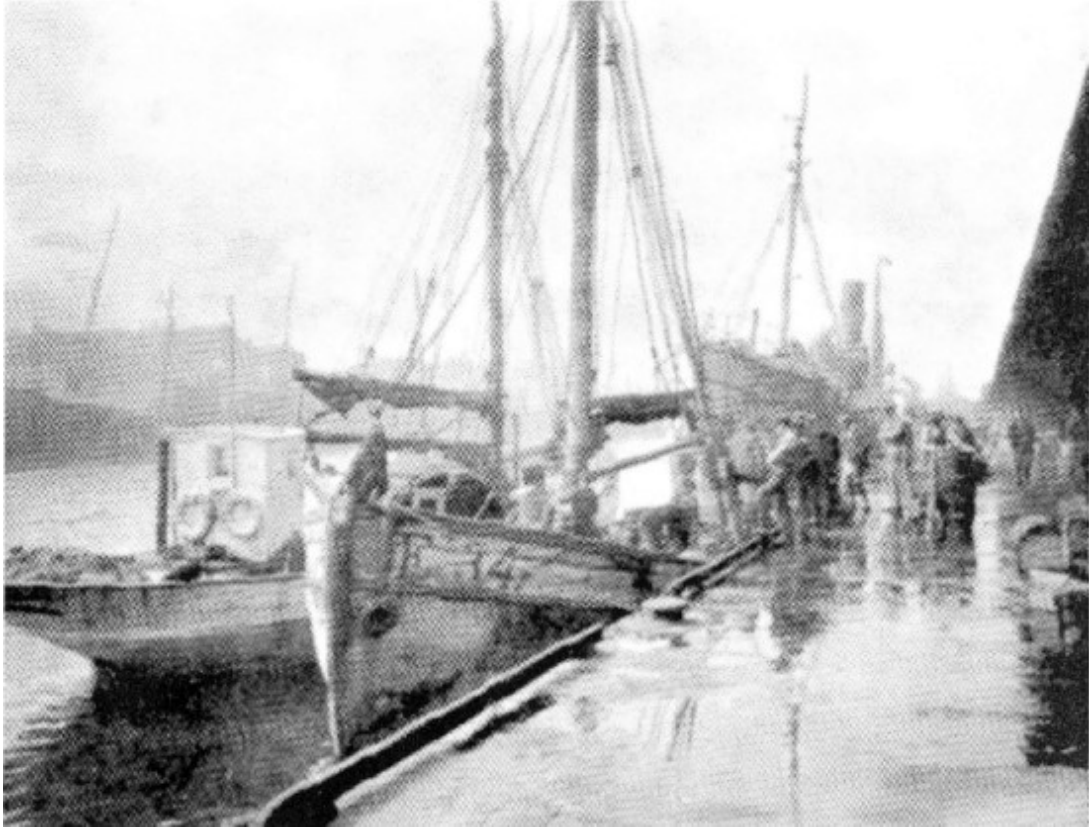
И как бы ни складывалось ваше путешествие по Англии, но всегда неминуемо наступает миг, когда вы сознаете: пусть что-то в этой жизни не удалось, пусть вас преследовали крупные и мелкие разочарования, но

уж одно-то у вас не отнять — это драгоценные воспоминания о ветре, гуляющем по пшеничному полю, и о полной луне, выплывающей из-за крыши вашего собственного дома... Это вера в то, что вы всегда сможете найти путь домой и ощутить под ногами святость английской земли.

## Иллюстрации



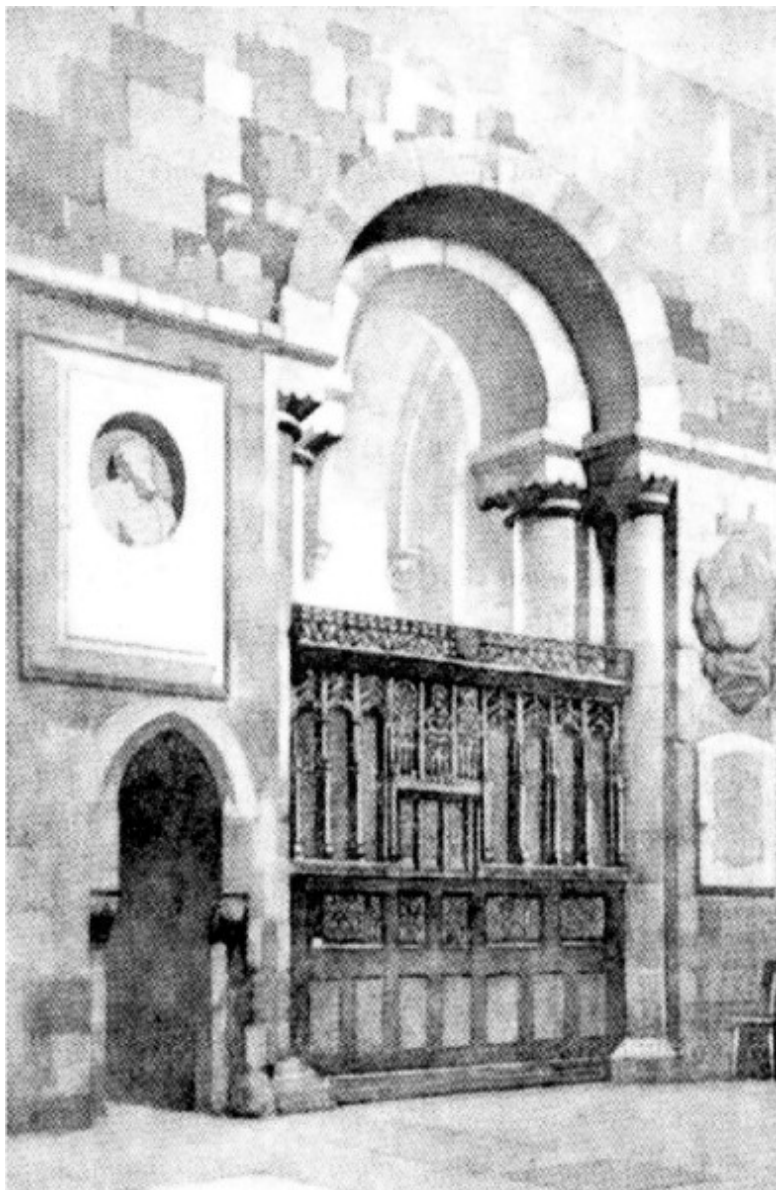
*Старый Осаждённый дом. Колчестер*



*Траулеры в Халле*

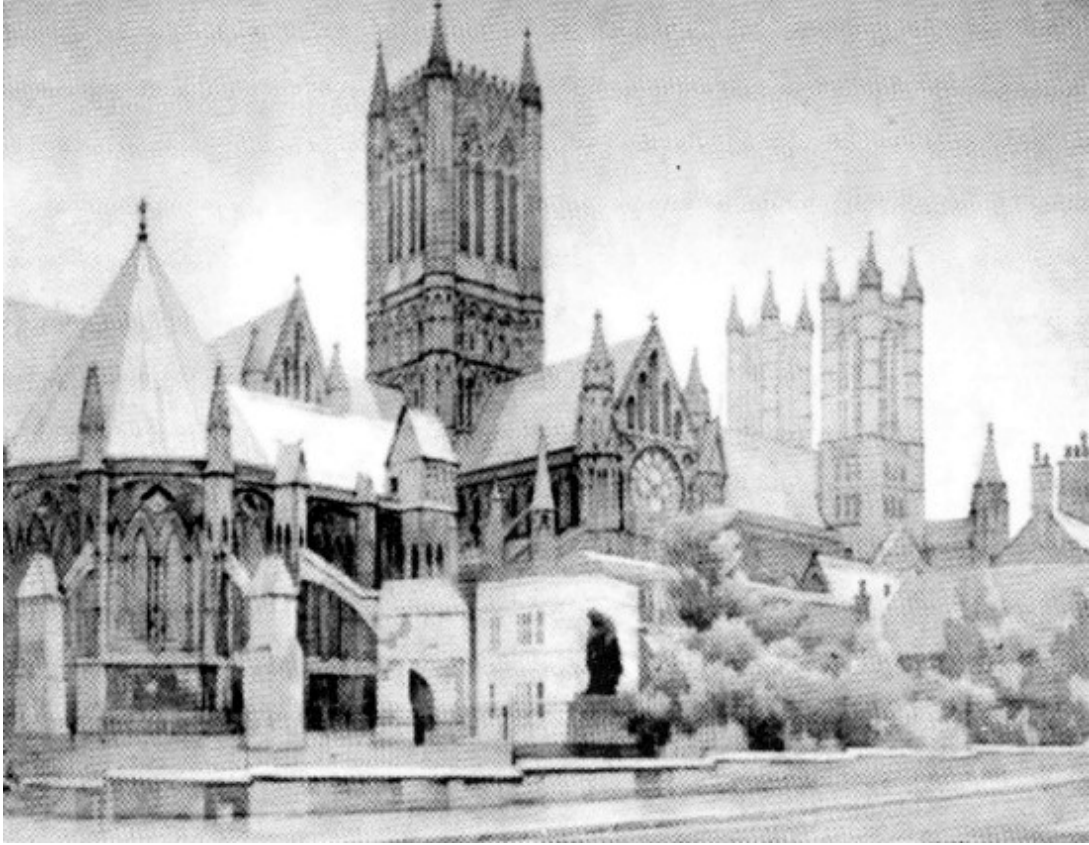


*На Йоркской стене*

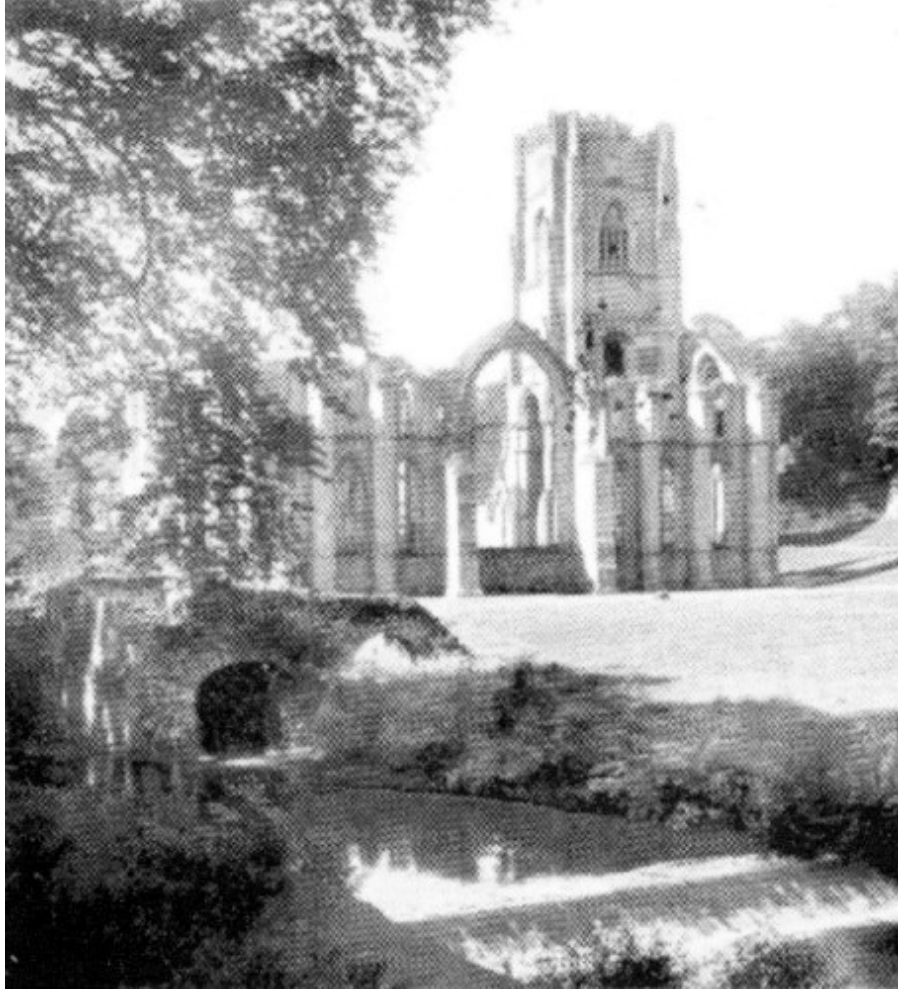


*В кафедральном соборе Карлайла. Акварель Ф. Саутгейта*





*Линкольн. Акварель Ф. Саутгейта*



*Аббатство Фаунтинс*



*Стены аббатства Риво, освещённые солнцем.*



*Норманнские колонны Даремского собора*



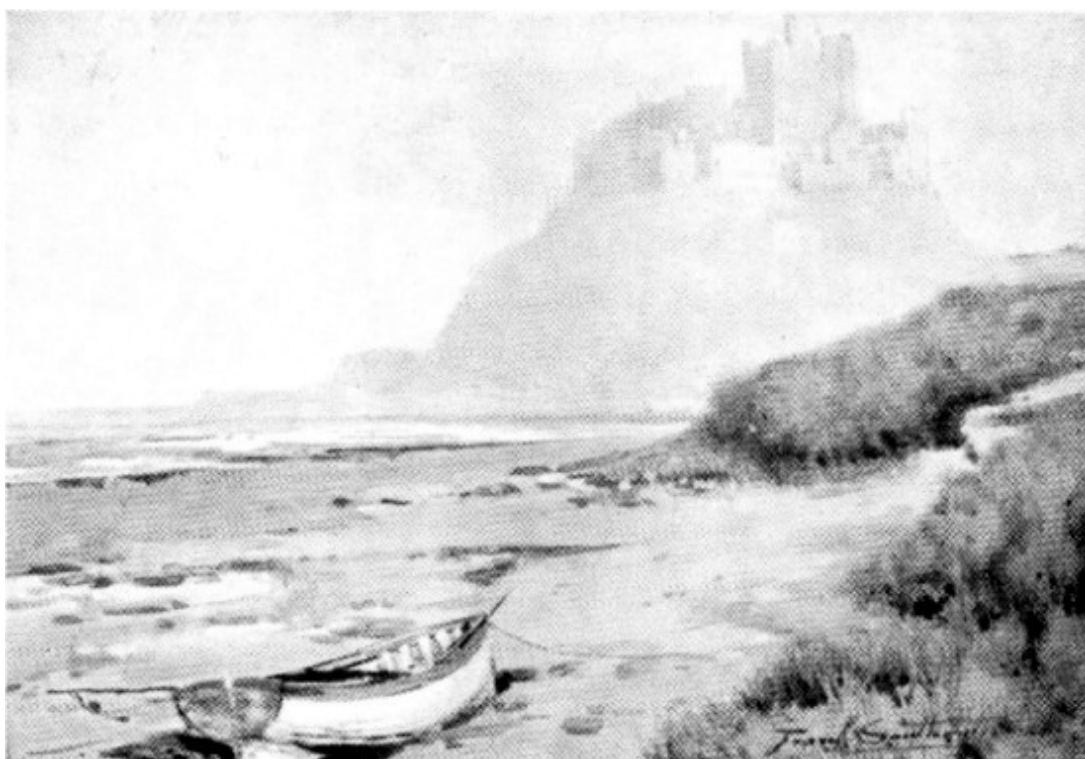
*Ньюкасл-апон-Тайн. Акварель У. Декстера*



*Берик-апон-Туид. Акварель У. Декстера*



*Линдисфарн. Акварель У. Декстера*



*Замок Бамбург. Акварель У. Декстера*



*Вид с башни Ланкастерского замка*





*Дербиширский пейзаж*





*Ручей на вересковой пустоши. Акварель У. Декстера*



*Приграничье. Акварель У. Декстера*

---

**notes**

## **Примечания**

# 1

В Англии боярышник часто называют «деревцем хлеба с сыром». Это связано с тем, что сельские жители употребляют молодые листочки и бутоны в пищу (в виде добавки в салаты, сырья для ликеров, да и просто так — в натуральном виде). — Здесь и далее примеч. перев.

## 2

Этот дом является свидетелем осады города роялистскими войсками в ходе Второй гражданской войны (1648 г.); на стенах до сих пор сохранились следы пуль.

## 3

Традиционное приветствие, которым обменивались во время сатурналий — ежегодных праздников в честь Сатурна; обычно празднества сопровождались карнавалом, во время которого бедным гражданам раздавались деньги, а рабы «уравнивались» с господами. Таким образом, возгласы легионеров содержали оскорбительный намек на рабское происхождение Нарцисса.

## 4

Битва штандартов — одно из важнейших сражений в истории англо-шотландских войн, происшедшее 22 августа 1138 года недалеко от Норталлертона в Северном Йоркшире.

# 5

Хандредвейт (английский центнер) — мера веса, равная 112 фунтам или 50,8 кг.

**6**

Хогсхед — мера жидкости, равная 238 л.